

ISSN 2073-8838

**Труды
Оренбургского
института
(филиала) МГЮА**

№ 4 (54) / 2022

Оренбург 2022

Оренбургский институт МГЮА

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)»
ОРЕНБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)**

**Труды
Оренбургского института
(филиала) МГЮА
№ 4 (54) / 2022**

ОРЕНБУРГ – 2022

УДК 34

ББК 67

Т – 78

Учредитель: Оренбургская областная общественная организация «Попечительский совет Оренбургского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Редакционный совет:

- КОЛОТОВ А.Ф. директор института, заведующий кафедрой теории государства и права, к.ю.н., доцент, председатель совета (главный редактор)
- ШНИТЕНКОВ А.В. заместитель директора по научной работе, профессор кафедры уголовного права и криминологии, д.ю.н., доцент (ответственный редактор)
- АФАНАСЬЕВ С.Ф. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой арбитражного процесса, д.ю.н., профессор
- БАВСУН М.В. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника по научной работе, д.ю.н., профессор
- БОЛТИНОВА О.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры финансового права, д.ю.н., профессор
- ВАРЛЕН М.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор института «Аспирантура и докторантура», профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., доцент
- ВОСКОБИТОВА Л.А. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой уголовно-процессуального права, д.ю.н., профессор
- БУКАЕВ Н.М. д.ю.н., профессор
- ГРОМОШИНА Н.А. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, д.ю.н., профессор
- ЕФИМЦЕВА Т.В. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права, д.ю.н., доцент
- ЖОЛОбОВА Г.А. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой истории государства и права, д.ю.н., доцент
- ИСАЕНКОВА О.В. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой гражданского процесса, д.ю.н., профессор
- КВАНИНА В.В. Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), д.ю.н., профессор
- КОБЗЕВА С.И. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения, д.ю.н., профессор
- МИЩЕНКО Е.В. Оренбургский государственный университет, декан юридического факультета, д.ю.н., доцент
- ПЛОТНИКОВ А.И. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, д.ю.н., доцент
- САЛИЕВА Р.Н. Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования и экологии, д.ю.н., профессор
- СОЛОДКАЯ М.С. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин, д.ф.н., профессор
- СТЕПАНЕНКО Ю.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административного права и процесса, д.ю.н., профессор
- ТИМОФЕЕВ Н.С. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., профессор
- ФЕДОРОВА М.Ю. Советник Конституционного Суда Российской Федерации в Управлении конституционных основ трудового законодательства и социальной защиты, д.ю.н., профессор
- ХАЛДЕЕВА Н.В. Магаданский областной краеведческий музей, главный научный сотрудник, д.ю.н., доцент
- ЩЕПАЧЕВ В.А. секретарь Совета (ассоциации) муниципальных образований Оренбургской области, д.ю.н.
- ЭКИМОВ А.И. заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ

Т 78 Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. № 4 (54). – Оренбург, 2022. – 112 с.

ISSN 2073-8838

«Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА» рекомендуются Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

В научных статьях рассматриваются проблемы, связанные с функционированием государственно-правовой организации общества России и зарубежных стран.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26041 от 18 октября 2006 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникации и охране культурного наследия.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

ББК 67

ISSN 2073-8838

Подписной индекс 41232 в Объединенном каталоге «Пресса России».

Адрес редакции: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50. Тел. (3532) 319911

E-mail: post@oimsla.edu.ru

<http://www.oimsla.edu.ru/page/nauchnyy-zhurnal>

© Оренбургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Оглавление

Раздел первый ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

АРХИРЕЙСКАЯ Т.Ю., ПОЗДНЯКОВ В.В.

Гарантии соблюдения прав личности при обеспечении информационной безопасности общества и государства 5

ГАНИНА О.Ю.

Влияние решений Конституционного суда Российской Федерации на развитие местного самоуправления в России 12

КОНОВАЛОВ В.А.

О некоторых проблемах совершенствования государственного аппарата Российской Федерации 17

НОБЕЛЬ А.Р.

О некоторых вопросах установления вины юридического лица в производстве по делам об административных правонарушениях 23

СКУРАТОВ И.В.

Профессиональная культура преподавателя юридического вуза 28

СОКОЛОВА А.И.

Об отдельных особенностях организации местного самоуправления в городских поселениях и округах 35

СОКОЛОВА О.В., ЧУБЫКИНА К.А.

Перспективы развития института муниципальной службы в контексте муниципальной реформы 41

СОРОКИН Ю.Ю.

О некоторых особенностях юридического интервью 46

ШЕШУКОВА Г.В., ШИНКОВА С.С.

Динамика ценностей студенческой молодежи Оренбуржья 52

Раздел второй ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

БУЯНОВА Е.В.

Организация правосудия по гражданским делам с участием несовершеннолетних по законодательству зарубежных стран 61

ЕРШОВА Ю.В., ФРАНЦ О.В.

Проблемные аспекты правового регулирования договора о суррогатном материнстве 68

МАРЧЕНКО Т.В.

Приоритетные направления защиты прав потребителей 74

ШАКУРОВА Н.К.

Ответственность юридических лиц и граждан при причинении вреда объектами повышенного риска: особенности возмещения вреда и влияющие на ответственность факторы 80

Раздел третий УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

БАГУН Э.А.

Признак систематичности в структуре истязания: вопросы теории и практики 84

ЖОВНИР С.А.

Некоторые вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка 90

КУЗНЕЦОВА В., БЕССОНОВА И.В.

К вопросу об уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии 95

Раздел четвёртый
ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА
И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

КУЗЬМИНА М.В.

Правовое регулирование продовольственной безопасности в области сельского хозяйства в Российской Федерации в условиях санкционного давления 98

ХАБИБУЛЛИНА А.С.

Частичная мобилизация работников как основание для приостановления действия трудового договора .. 102

ЧЕРЕПАНЦЕВА Ю.С.

Этические кодексы как стандарты формирования правомерного поведения медицинских работников .. 106

Раздел первый

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

АРХИРЕЙСКАЯ ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

ПОЗДНЯКОВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

магистр юриспруденции, Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, vasilij-pozdnyakov@mail.ru

ГАРАНТИИ СОБЛЮЖДЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

ARKHIREYSKAIA TATIANA YURYEVNA

PHD in Law, associate professor of the Department of constitutional and international law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, orenburg@msal.ru

POZDNYAKOV VASILY VLADIMIROVICH

Master of Laws, Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, vasilij-pozdnyakov@mail.ru

GUARANTEES OF RESPECT FOR INDIVIDUAL RIGHTS WHEN ENSURING INFORMATION SECURITY SOCIETIES AND STATES

Аннотация. Конституционные поправки 2020 г. внесли существенные изменения в распределение предметов ведения и полномочий различных уровней публичной власти. Значительно расширен перечень предметов ведения России. В результате внесенных поправок Федерация определяет основы государственной политики в сфере информационных технологий, обеспечивает безопасность личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных. В статье исследуется степень гарантированности прав и свобод личности в сфере отношений, связанных с применением информационных технологий, осуществляется поиск баланса между интересами личности и публичных субъектов правового регулирования, вносятся предложения по его достижению.

Ключевые слова: информация, информационные технологии, безопасность, права, свободы, цифровые данные.

Review. The Constitutional amendments of 2020 introduced significant changes in the distribution of subjects of competence and powers of various levels of public authority. The list of subjects of Russia's jurisdiction has been significantly expanded. As a result of the amendments, the Federation defines the foundations of state policy in the field of information technology, ensures the security of the individual, society and the state in the application of information technology and the circulation of digital data. The article examines the degree of guarantee of individual rights and

freedoms in the sphere of relations related to the use of information technologies, searches for a balance between the interests of the individual and public subjects of legal regulation, and makes proposals to achieve it.

Keywords: *information, information technology, security, rights, freedoms, digital data.*

На протяжении длительного времени вопросы информационной безопасности рассматривались исключительно в контексте технических характеристик. Лишь недавно информационная безопасность стала изучаться как феномен, влияющий на политику, экономику, социальную сферу, психологию общества, как объект правового регулирования. По мнению А. А. Маркова, на сегодняшний день наиболее актуальными проблемами обеспечения информационной безопасности являются проблемы, происхождение которых имеет социальный характер¹.

В. В. Кожевников справедливо замечает, что в передовых демократических обществах интересы, права и свободы личности ставятся на первое место, находятся в гармонии с публичными и общественными интересами, правами общностей и имеют приоритет в случае возникновения противоречий между ними². Соглашаясь с автором, считаем крайне важным определение в законодательстве ряда гарантий прав личности в сфере информационной безопасности.

Для этого сначала необходимо определить природу и происхождение прав человека в информационной среде и их место в правовой науке. Чешский ученый-юрист К. Васак - основоположник концепции прав человека, исходя из не столько временного, сколько из содержательного разграничения прав человека, отнес право на коммуникацию к правам третьего поколения. Такой подход связывался с концепцией нового международного информационного порядка³.

Однако фактическое влияние новых технологий на развитие института прав человека в цифровой среде не позволяет ограничить его только информационными правами. Оно не приводит к появлению какого-либо нового поколения прав, поскольку распространяется на права человека, независимо от их видов и поколений.

Указанные изменения наиболее точно описывают понятие «цифровые права». Они обусловлены использованием информации, представленной в цифровой форме, которая выступает связующим звеном сетевого и физического пространств, в своем взаимодействии и образующих киберпространство⁴.

С нашей точки зрения, цифровые права не могут быть закреплены в рамках одной нормы, поскольку

включают в себя множество аспектов и реализуются в различных правоотношениях, связанных с применением информационных технологий. Некоторые из них уже находят свое отражение в законодательстве Российской Федерации.

Остановимся на наиболее актуальных и уязвимых информационных правах человека в киберпространстве.

«Право на забвение» действует в Российской Федерации с 1 января 2016 года⁵. Оно подразумевает право физического лица предъявить требование оператору поисковой системы о прекращении выдачи сведений об указателях страниц сайта в сети Интернет, которые позволяют получить информацию о физическом лице, в случае если такая информация распространяется с нарушением законодательства, является неактуальной или недостоверной, утратившей значение для заявителя, кроме информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость, а оператор поисковой системы в свою очередь обязан такое требование исполнить. Эта норма санкционирует право личности контролировать информацию о себе в сети Интернет, удалять неактуальную и недостоверную информацию.

К числу информационных прав относится право на электронное обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также получения в электронной форме государственных и муниципальных услуг. Указанное право закреплено ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и позволяет гражданам оперативно и без привлечения дополнительных материальных и временных ресурсов реализовывать свое право на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления⁶. В соответствии со сведениями Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, за 2018 год число пользователей портала госуслуг увеличилось на 21 миллион, до 86 миллионов, количество посещений портала увеличилось на 30 %⁷.

¹ Марков А.А. Актуальные аспекты социологического подхода к проблематике информационной безопасности // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 12. Вып. 3. С. 377.

² Кожевников В.В. Безопасность территории российского государства: понятие и виды // Современное право. 2015. № 7. С. 12.

³ D'Arcy J. Direct Broadcast Satellites and the Right to Communicate // EBU Review. 1969. V. 118. С. 14.

⁴ Cohen J.E. Cyberspace As /And Space // Georgetown Law Faculty Publications and Other Works. 807. 2007. С. 226.

⁵ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4390.

⁶ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

⁷ Подведены итоги работы портала госуслуг за 2018 год: официальное заявление Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/38738/> (дата обращения: 29.10.2022).

В числе информационных прав стоит особо выделить право на защиту от несанкционированного доступа к информации, используемой в системах интернет-банкинга в силу уникальности таких правоотношений. В связи с актуальностью наличия для человека доступа к счетам и операциям в любое удобное время и с любого устройства, имеющего доступ в Интернет, технологии дистанционного банковского обслуживания стали популярны среди населения. Методами и способами обеспечения информационной безопасности личности в данных правоотношениях выступают шифрование данных, аутентификация личности, применение электронной цифровой подписи, использование внешних электронных устройств.

Еще одним информационным правом является право на защиту конфиденциальной информации и персональных данных при осуществлении цифровой идентичности личности. С правовой точки зрения цифровая идентичность является уникальной совокупностью информации о личности, находящейся в цифровой форме. Используя такую информацию, индивиды вступают в правоотношения, осуществляют права и обязанности. Человеку присваивается уникальный идентифицирующий код, который является одним из способов защиты информации от несанкционированного доступа. Цифровая идентичность личности позволяет безопасно совершать в цифровой среде различные действия: осуществлять авторизованную переписку с другими пользователями, дистанционно совершать финансовые операции, реализовывать права на обращение в органы власти и местного самоуправления, удаленно осуществлять права, предусмотренные процессуальным законодательством и др.

Право на защиту от распространения противоправного контента в сети Интернет, защиту от негативного информационного воздействия обеспечивается в России работой автоматизированной информационной системы ведения и использования баз данных о сайтах, содержащих запрещенную к распространению в Российской Федерации информацию – «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»⁸. Другим способом защиты от противоправного контента является ограничение анонимности в сети Интернет.

Необходимо помнить о сопровождающих, без сомнения, полезный и передовой процесс информатизации рисках глубокого вхождения информационных технологий и цифровых средств в бытовую, ком-

мерческую, служебную и другие сферы деятельности. В праве под риском подразумевается явление, сопутствующее правовому развитию, модель альтернативно-негативной реализации права, реальность которой грозит деформацией конечных правовых результатов, снижением качества правового регулирования⁹.

Деформация правовых результатов в данном случае выражается в опасностях и угрозах процесса применения информационных технологий. Информационная опасность представляет собой совокупность совпадения информационных факторов объективного и субъективного характера, несущих отрицательное воздействие с целью причинения вреда чему-либо или кому-либо. Информационная угроза, в свою очередь, является непосредственной и конкретной реализацией информационной опасности реального или потенциального характера.

Одной из таких угроз является пренебрежение конституционными правами и свободами человека и гражданина, например, возможность контроля за поведением личности¹⁰. Технические возможности осуществления такого контроля имеются у государства посредством систем видеонаблюдения и распознавания личности, доступа к конфиденциальной информации, передаваемой посредством сети Интернет, информации находящейся у компаний операторов связи, определения геолокации человека по месту нахождения его гаджета. Другой угрозой является возможность раскрытия персональных данных, кражи коммерческой, профессиональной, служебной и государственной тайны¹¹.

В свою очередь, О. М. Манжуева выделяет другие информационные угрозы. Во-первых, «информационное неравенство» или «цифровой раскол», который проявляется в не равном доступе к информации в неразвитых странах и развивающихся, социальном неравенстве между бедными и богатыми внутри страны, разрыве поколений между молодыми и старыми, между образованными и неграмотными слоями общества. Другая угроза – это использование информационно-коммуникационных технологий в преступных целях: махинации с электронными деньгами, незаконное копирование, потеря информацией ее конфиденциальности. Третьей проблемой является кризис образования, выражающийся в вымывании гуманитарного начала и формировании «компьютерного» стиля мышления, чрезмерное желание опираться на рациональное знание, что ведет в потере духовности в образовании представляет отрицательное явление, сопровождающее процесс информатизации. Процесс распространения информационных технологий влечет чрезмерное погружение в

⁸ Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций URL: <https://eais.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

⁹ Воронюк Е.П. Публичные услуги и цифровые технологии: правовое оформление в информационном праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 30.

¹⁰ Архирейская Т.Ю. Поправка-2020: обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2021. № 1 (47). С. 10.

¹¹ Пастухов П.С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 235.

виртуальный мир, снижение интереса к окружающему миру, сопровождающееся отсутствием увлечений, ведущее к затормаживанию развития личности, рождает угрозу снижения уровня общего культурного развития общества. Кроме того, в качестве угрозы выделяется информационный контент сомнительного и деструктивного характера, распространение которого представляет опасность для психического и физического состояния человека¹².

В связи с весомой значимостью применения информационных технологий в современном мире и сопровождающими этот процесс угрозами, особого внимания в механизме обеспечения информационной безопасности заслуживают гарантии соблюдения цифровых прав личности.

В юридической науке под гарантиями понимается обусловленная закономерностями общественного развития система условий, средств, факторов, обеспечивающих процесс реализации законности и установления стабильного правопорядка¹³. Г.С. Беляева и Ж.Д. Антонова к гарантиям прав и свобод личности относят правовые принципы, юридические обязанности, запреты, ограничения, требования; меры, направленные на охрану, защиту и компенсацию¹⁴. В.В. Сорокин, рассуждая о взаимозависимости прав человека и национальной безопасности, справедливо утверждает, что задачей государства является разрешение противоречия между обязанностью гарантировать права и свободы человека и необходимостью обеспечивать национальную безопасность¹⁵.

Характер системности правовых гарантий подразумевает многообразие классификаций, входящих в нее элементов. Традиционно гарантии подразделяются на общие социальные гарантии и специальные юридические¹⁶. Наибольший интерес в контексте рассматриваемого вопроса представляют специальные юридические гарантии, а именно, действующие принципы права, нормы права, то есть законодательно закрепленные способы, призванные обеспечивать реализацию и охрану провозглашенных прав и свобод личности, и, как итог, гарантировать использование индивидом благ, лежащих в их основе.

В.С. Хижняк, исследуя систему гарантий защиты информационных прав, приводит их классификацию, выделяя следующие гарантии:

- поиск, получение и распространение достоверной информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, а также получение физическими лицами от данных органов достоверной информации,

затрагивающей их личные права и законные интересы;

- возможность проверки качества информации и реализации требований опровержения сведений, не соответствующих действительности;

- получение необходимой качественной информации через средства массовой информации, а также возможность распоряжения полученной информацией и использования ее по своему усмотрению в пределах, установленных законодательством;

- производство информации и использование ее по своему усмотрению (в пределах, установленных законодательством);

- сохранность общественно значимых сведений, информации о физических лицах;

- обеспечение условий информационной безопасности, защиты от воздействия ложной и недостоверной информации;

- защита права человека и гражданина на информацию в суде¹⁷.

В сфере обеспечения информационной безопасности выделяют правовые и технические гарантии. Правовые гарантии детерминированы посредством создания юридических норм, закрепляющих порядок применения указанных технических средств, контроль за их соблюдением и ответственность за их нарушение, обращение с конфиденциальной информацией. Технические гарантии подразумевают под собой создание на основе технических норм технические средства: информационно-телекоммуникационные сети, программное обеспечение, криптографические средства и др.

Важно затронуть вопрос правового закрепления юридической ответственности как средства, с помощью которого гарантируется информационная безопасность личности и обеспечивается соблюдение прав личности. Как известно, юридическая ответственность – это обязанность лица претерпевать определенные лишения государственно-властного характера в качестве санкции за совершенное правонарушение¹⁸.

Российское законодательство предусматривает за нарушение прав личности на информационную безопасность гражданско-правовую, дисциплинарную, административную и уголовную ответственность. Статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает обязанность лица, распространившего информацию порочащую честь, достоинство и деловую репутацию другого лица удалить, изъять соответствующую информацию, уничтожить

¹² Манжуева О.М. Феномен информационной безопасности: сущность и особенности: автореф. дис. ... д-ра философских наук. Улан-Удэ., 2015. С. 83-87.

¹³ Теория государства и права: Учебник / Морозова Л.А. М., 2010. С. 340.

¹⁴ Беляева Г.С. Антонова Ж.Д. К вопросу о структуре механизма защиты прав и свобод граждан // Юридические исследования. 2017. № 6. С. 31.

¹⁵ Сорокин В.В. Модернизация права и актуальные вопросы управления обществом // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2014. № 1 (3). С. 6.

¹⁶ Ростовщиков И.В. О структуре юридических гарантий обеспечения прав человека // Вестник ВолГУ. Серия 5. Вып. 10. 2008. С. 37; Обеспечение прав человека: Учебник / Под общ. ред. Ю.В. Анохина. Барнаул, 2016. С. 275; Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 430.

¹⁷ Хижняк В.С. Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 21.

¹⁸ Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. М., 1993. С. 462.

носители такой информации, опровергнуть её, тем же способом, которым такая информация была распространена, распространить ответ лица, чье право было нарушено. Лицо, в отношении которого была распространена порочащая информация, вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений¹⁹.

Дисциплинарную ответственность за нарушение норм, регулирующих обработку и защиту персональных данных в рамках трудовых отношений, устанавливает ст. 90 Трудового кодекса Российской Федерации²⁰. Административную ответственность за правонарушение в области обращения с персональными данными предусматривает ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях²¹.

За неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации следует уголовная ответственность, предусмотренная ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации. Под компьютерной информацией для целей данной статьи понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи²².

В сфере обеспечения информационной безопасности наряду с правовыми гарантиями одинаково значимыми и необходимыми выступают технические гарантии прав человека. Технические гарантии представлены в виде технических средств и технических норм. Они отличаются от традиционно выделяемых организационных и организационно-технических гарантий тем, что являются не деятельностью по использованию технических средств, а самими техническими средствами и техническими нормами, регулируемыми их создание и использование²³. Такие технические средства используются как индивидами для анонимных и конфиденциальных коммуникаций, так и информационными посредниками, и органами государственной власти для защиты прав человека в киберпространстве. Сюда можно отнести информационно-телекоммуникационные сети, технические средства, обеспечивающие право на доступ

к сети Интернет и позволяющие осуществлять права человека с ее использованием.

Ключевую роль играют технические гарантии прав человека, выраженные в технических способах их защиты. Например, технические средства, функционирующие без передачи защищаемой информации другим техническим средствам. Соответствующие технические средства отражают разработанные зарубежными правоведами концепции «неприкосновенность частной жизни за счет проектных решений» (privacy by design) и «безопасность за счет проектных решений» (security by design).

Неприкосновенность частной жизни за счет проектных решений подразумевает встраивание в технические средства защиты информации о личности, которая предотвращает ее передачу другим лицам. Данная концепция разработана канадским ученым А. Кавоукьяном²⁴ и основывается на следующих принципах:

- защита по умолчанию – защита прав лежит в основе базовых настроек технических средств, которые не могут быть изменены;
- проактивность – предотвращение нарушения прав вместо защиты нарушенных прав;
- бескомпромиссность – правовая охрана информационной безопасности личности и национальной безопасности обеспечивается в равной степени, информационная свобода и информационная безопасность обеспечиваются одинаково;
- защита как структурный компонент – в основе структуры технических средств лежит защита прав, что не требует модификации;
- защита на протяжении жизненного цикла – от самого начала работы технического средства до его утилизации обеспечивается защита прав;
- ориентированность на человека – первоочередное внимание уделяется защите прав личности, использующей техническое средство;
- доступность и открытость – информация о системах технического средства, гарантирующих защиту прав, принципах их работы должна быть доступной и открытой.

Безопасность за счет проектных решений не ограничивается лишь защитой права на неприкосновенность частной жизни. Указанная концепция также предусматривает необходимость защиты прав всех

¹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%C3%F0%E0%E6%E4%E0%ED%F1%EA%E8%E9+%EA%EE%E4%E5%EA%F1+%EE%F2+30+%ED%EE%FF%E1%F0%FF+1994&sort=-1> (дата обращения: 30.10.2022).

²⁰ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%D2%F0%F3%E4%EE%E2%EE%E9+%EA%EE%E4%E5%EA%F1&sort=-1> (дата обращения: 30.10.2022).

²¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%CA%EE%E4%E5%EA%F1+%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9+%D4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8+%EE%E1+%E0%E4%EC%E8%ED%E8%F1%F2%F0%F2%E8%E2%ED%FB%F5+%EF%F0%E0%E2%EE%ED%F0%F3%F8%E5%ED%E8%FF%F5&sort=-1> (дата обращения: 30.10.2022).

²² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=%D3%E3%EE%EB%EE%E2%ED%FB%E9+%EA%EE%E4%E5%EA%F1+%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9+%D4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8+%&sort=-1> (дата обращения: 30.10.2022).

²³ Мордовец А.С. Гарантии прав личности: понятие и классификация // Теория государства и права: Курс лекций. Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2000. С. 311-319.

участников информационного взаимодействия. Другими словами, в целях защиты прав других лиц, она допускает передачу конфиденциальной информации.

Концепция безопасности за счет проектных решений сформулирована голландским ученым С. Енбергом, им же разработаны принципы, находящиеся в основе концепции:

- отделение информации, которой обладает человек, от его реальной личности;
- обеспечение безопасности для всех участников информационного взаимодействия;
- переход от идентификации к проверке личности;
- использование атрибутивных (косвенных) учетных данных и изоляции транзакции²⁵.

Как видим, подходы к реализации двух концепций отличаются. Безопасность за счет проектных решений не связана с бескомпромиссностью, наоборот, позволяет обеспечить баланс интересов всех субъектов отношений. Также эта концепция не ставит перед собой цель защиты исключительно или преимущественно прав личности, использующей технические средства.

Не вызывает сомнений, что обеспечение информационной безопасности является одной из гарантий прав человека в информационной среде, но при условии построения правового регулирования использования информации и обращения с информационными технологиями на основе соблюдения прав личности. Ограничение прав личности допускается лишь при соблюдении баланса интересов и условия соразмерности ограничений преследуемым целям защиты общественных и государственных интересов, на что не раз указывал Конституционный Суд Российской Федерации²⁶.

В киберпространстве возрастает роль технических гарантий, выраженных в технических средствах и нормах. Преследуя цель построения правового государства, необходимо понимать, что принятие технических норм, определяющих порядок разработки технических средств, не заменяет правовое регулирование, а дополняет его. Технические гарантии способствуют достижению информационной безопасности личности лишь в совокупности с правовыми гарантиями, предоставляющими механизмы правовой защиты от их незаконного использования.

Резюмируя, сделаем вывод, что современный этап развития нормативной базы в области обеспечения

гарантий соблюдения прав личности при осуществлении информационной безопасности общества и государства характеризуется как минимум двумя обстоятельствами.

1. Большинство базовых прав человека в информационной среде, проработанных в научных концепциях ученых-юристов, получили реальное воплощение в нормативных актах. Однако, очевидно, что действующее законодательство в области обеспечения информационной безопасности и создания гарантий прав личности отличается низкой систематизацией. Существенная часть норм, цель которых не допустить перевеса публичных интересов и интересов государства в ущерб интересам личности, выступают нормами-принципами – основополагающими, руководящими началами и отраслевыми нормами, закрепленными в федеральных законах. Такие нормы не обладают конкретикой и развернутостью, в силу чего должны быть конкретизированы другими институциональными нормами и подзаконным регулированием, что в данном случае практически отсутствует. Эта ситуация опосредует низкий уровень правовых гарантий прав личности в информационной сфере.

2. Состояние законодательства в области технических гарантий сравнимо с правовыми. В российском праве отсутствуют нормы, которые бы предъявляли к информационным технологиям требования, исходящие из передовых концепций неприкосновенности частной жизни за счет проектных решений или безопасности за счет проектных решений.

Для решения последней проблемы необходимо внести изменения в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», и дополнить п. 9 следующего содержания: «установка в технические средства систем защиты информации о личности для предотвращения ее незаконной утечки третьим лицам и их применение».

В перспективе возможно провести комплексный ребрендинг действующего законодательства на качественно новом уровне, сделав ядром нормативного правового регулирования информационной безопасности закон, который бы закреплял конкретный понятийно-категориальный аппарат, определял цель, задачи, а также механизм гармоничного обеспечения информационной безопасности и соблюдения прав личности в информационной сфере.

²⁴ Cavoukian A. The 7 Foundational Principles // Privacy by Design. URL: <https://www.ipc.on.ca/wp-content/uploads/Resources/7foundationalprinciples.pdf> (дата обращения: 12.10.2022).

²⁵ New Digital Security Models // Национальное агентство по информационным технологиям и телекоммуникациям при Министерстве науки и информационных технологий Дании. URL: <https://blog.privacytrust.eu/public/Reports/NewDigitalSecurityModels.pdf> (дата обращения: 26.09.2022).

²⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2014 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева» // СЗ РФ. 2014. № 46. Ст. 6425; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2012 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А. Н. Ильченко». Российская газета URL: <https://rg.ru/documents/2012/06/21/ks14-dok.html> (дата обращения: 23.10.2022).

Библиографический список

1. Архирейская Т.Ю. Поправка-2020: обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2021. – № 1 (47). – С. 5-11.
2. Беляева Г.С., Антонова Ж.Д. К вопросу о структуре механизма защиты прав и свобод граждан // Юридические исследования. – 2017. – № 6. – С. 26-37.
3. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Инфра-М, 2008. – 448 с.
4. Воронюк Е.П. Публичные услуги и цифровые технологии: правовое оформление в информационном праве // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 4. – С. 27-33.
5. Кожевников В.В. Безопасность территории российского государства: понятие и виды // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
6. Манжуева О.М. Феномен информационной безопасности: сущность и особенности: дис. ... д-ра философских наук: 09.00.11 / Манжуева Оксана Михайловна. – Улан-Удэ, 2015. – 383 с.
7. Марков А.А. Актуальные аспекты социологического подхода к проблематике информационной безопасности // Вестник СПбГУ. – 2010. – Сер. 12. Вып. 3. – С. 377-384.
8. Мордовец А.С. Гарантии прав личности: понятие и классификация / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М.: Юрист, 2001. – 672 с.
9. Морозова Л.А. Теория государства и права. – М.: Норма Инфра-М, 2010. – 384 с.
10. Обеспечение прав человека: учебник / Под общ. ред. Ю. В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. – 600 с.
11. Общая теория права. Курс лекций / Под общ. ред. В. К. Бабаева. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. – 544 с.
12. Пастухов П.С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 36. – С. 231-236.
13. Ростовщиков И.В. О структуре юридических гарантий обеспечения прав человека // Вестник ВолГУ. – 2008. – Серия 5. Вып. 10. – С. 37-43.
14. Сорокин В.В. Модернизация права и актуальные вопросы управления обществом // Правовая мысль в образовании, науке и практике. – 2014. – № 1 (3). – С. 5-7.
15. Хижняк В.С. Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Хижняк Вероника Сергеевна. – Саратов, 1998. – 222 с.
16. Savoukian A. The 7 Foundational Principles [Электронный ресурс] // Privacy by Design – Режим доступа: <https://www.ipc.on.ca/wp-content/uploads/Resources/7foundationalprinciples.pdf>
17. Cohen J.E. Cyberspace As /And Space /J. E. Cohen // Georgetown Law Faculty Publications and Other Works. – 2007. – 807. – С. 210-256.
18. D'Arcy, J. Direct Broadcast Satellites and the Right to Communicate /J. D'Arcy // EBU Review. – 1969. – V. 118. – С.14-18.
19. New Digital Security Models [Электронный ресурс] // Национальное агентство по информационным технологиям и телекоммуникациям при Министерстве науки и информационных технологий Дании – Режим доступа: <https://blog.privacytrust.eu/public/Reports/NewDigitalSecurityModels.pdf>

Рецензент: Соколова О.В., доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ГАНИНА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета имени Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14, ogau2007@rambler.ru

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РАЗВИТИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

GANINA OLGA YUREVNA

candidate of historical sciences, associate professor, Senior Researcher at the Research Center (Fundamental Military-Historical Problems) Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; associate professor of the Department of Constitutional and International Law of the Orenburg Institute (branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, 123001, Moscow, Bolshaya Sadovaya st., 14, ogau2007@rambler.ru

THE IMPACT OF THE DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE DEVELOPMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

Аннотация. Научная статья посвящена анализу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, реализованных в его решениях, по вопросам местного самоуправления. Интерес представляет видение органом конституционного контроля места органов местного самоуправления в единой системе публичной власти, выраженное в соответствующих постановлениях.

Отмечается, что в решениях Конституционного Суда Российской Федерации местное самоуправление представлено как уровень публичной власти, форма территориальной самоорганизации населения, институт гражданского общества. При этом органы местного самоуправления реализуют именно муниципальную власть, поэтому их природа не является государственной. Органы местного самоуправления – не структурные подразделения органов государственной власти, они действуют как организационно обособленные единицы.

Отдельно исследована позиция Конституционного Суда Российской Федерации в части взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления как звеньев единой системы публичной власти в России. Сделан вывод об интеграции органов местного самоуправления в общую институциональную систему, реализующую функции демократического правового государства на базе взаимодействия с органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, что отражает наблюдающийся в настоящее время процесс встраивания органов местного самоуправления в единую систему публичной власти в ходе конституционной реформы 2020 г. и разработки законопроекта о местном самоуправлении.

Ключевые слова: местное самоуправление, органы местного самоуправления, решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Review. The scientific article is devoted to the analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, implemented in its decisions, on issues of local self-government. Of interest is the vision of the body of constitutional control of the place of local governments in a single system of public authority, expressed in the relevant resolutions.

It is noted that in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, local self-government is presented as a level of public authority, a form of territorial self-organization of the population, an institution of civil society. At the same time, local self-government bodies implement precisely municipal power, therefore their nature is not state. Local self-government bodies are not structural subdivisions of state authorities, they act as organizationally separate units.

Separately, the position of the Constitutional Court of the Russian Federation in terms of the relationship between state authorities and local self-government as parts of a unified system of public power in Russia has been studied. The conclusion is made about the integration of local self-government bodies into a common institutional system that

implements the functions of a democratic legal state on the basis of interaction with public authorities of the Russian Federation and its subjects, which reflects the currently observed process of embedding local self-government bodies into a single system of public authority in the course of constitutional reform 2020 and the development of a draft law on local self-government.

Keywords: *local self-government, local self-government bodies, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.*

В условиях конституционного реформирования, затронувшего все ветви и уровни власти в России, особую актуальность приобретает обращение к решениям Конституционного Суда Российской Федерации как органа конституционного контроля, через свои правовые обоснования оказывающего влияние на организацию и функционирование органов государственной власти и местного самоуправления.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации выступают самостоятельным объектом научных исследований. Одновременно с этим, по замечанию Н.С. Бондаря, указанный суд можно рассматривать как «генератор научных идей, он самым непосредственным образом участвует в их формировании, выступает действенным фактором развития российской конституционно-правовой науки, а практика конституционного правосудия представляет собой онтологический компонент конституционной юриспруденции»¹.

По утверждению Е. С. Шугриной, именно Конституционный Суд Российской Федерации фактически сформировал понятие «местное самоуправление», объем его прав и гарантий в конституционном смысле. В силу указанных обстоятельств следует очень внимательно относиться к каждому из решений органа конституционного контроля в этой сфере².

Согласно ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации и ст. 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» орган конституционного контроля уполномочен осуществлять конституционное судопроизводство в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории России³. Юридическая сила решений проявляется в том, что они обязательны на всей территории государства для всех представительных, исполнительных и судебных органов

государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, граждан и их объединений⁴. Как утверждает Н.В. Витрук, благодаря решениям Конституционного Суда Российской Федерации снимаются возникающие конституционно-правовые коллизии, вырабатываются правовые позиции в части организации и функционирования местного самоуправления, и это становится обязательным для федерального и регионального законодателей в процессе регулирования ими общественных отношений в сфере местного самоуправления⁵.

Через решения Конституционного Суда Российской Федерации осуществляется конституционный контроль в сфере местного самоуправления⁶, что обуславливает правильное применение конституционных, федеральных, региональных и муниципальных правовых норм⁷. Кроме того, правовые позиции органа конституционного контроля по вопросам местного самоуправления, реализованные в его решениях, способствуют преодолению правовых коллизий в организации местного самоуправления, которые могут возникнуть в ходе принятия нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации.

Особая значимость решений органа конституционного контроля в части местного самоуправления раскрывается в свете подготовки нового законопроекта в данной области⁸. Определение влияния решений высокой судебной инстанции на развитие местного самоуправления требует исследования постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, которые принимались в процессе реализации положений основного закона страны и профильного федерального закона.

Согласно ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осу-

¹ Бондарь Н.С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 35-46.

² Шугрина Е.С. Судебная защита местного самоуправления. М., 2010. С. 41.

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря (№ 237); Российская газета. 2020. 4 июля (№ 144); Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп. от 1 июля 2021 г. № 2-ФКЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

⁴ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп. от 1 июля 2021 г. № 2-ФКЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

⁵ Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении (история, доктрина и практика): избранные труды (1991 – 2012 гг.). М., 2012. С. 516.

⁶ Шайхуллин М.С. Конституционно-правовые гарантии развития местного самоуправления в Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Казань, 2020. С. 21.

⁷ Бурмистров А.С., Варлен М.В., Гошуляк В.В., Колесников Е.В., Комарова В.В., Панов А.А., Пряхина Т. М., Синцов Г.В. Конституционная законность в реализации принципа разделения властей (на примере Российской Федерации): учеб. пособие / под ред. В.В. Комаровой. М., 2016. С. 36-37.

⁸ Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8?ysclid=lap7e4zpcz17683765> (дата обращения: 20.11.2022).

шествуют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»⁹. Само понятие «публичная власть» как элемент конституционно-правового категориального аппарата появилось благодаря Конституционному Суду Российской Федерации, став родовым по отношению ко всем административно-территориальным уровням организации населения в России¹⁰. Например, в своем Постановлении от 19 мая 1998 г. орган конституционного контроля констатировал, что Конституция Российской Федерации не запрещает государству передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям, которые участвуют в выполнении функций публичной власти. Подобная передача возможна при условии, что это не противоречит основному закону страны и федеральному законодательству¹¹. В другом своем решении от 9 июля 2002 г. Конституционный Суд Российской Федерации отметил право многонационального народа России осуществлять власть как непосредственно, так и через органы публичной власти. При этом граждане вправе участвовать в управлении делами государства, избирать и быть избранными в органы государственной власти¹².

Решения Конституционного Суда Российской Федерации констатируют местное самоуправление как уровень публичной власти, форму территориальной самоорганизации населения, институт гражданского общества. Это положение раскрывается, например, в Постановлении от 2 апреля 2002 г.: «В соответствии со статьей 130 (часть 2) Конституции Российской Федерации местное самоуправление – как публичная (муниципальная) власть – осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления»¹³.

Принимая решения в части организации и функционирования местного самоуправления, Конституционный Суд Российской Федерации оказывает не-

посредственное влияние на данный институт, например, отменяя отдельные правовые нормы, касающиеся вопросов местного самоуправления, поскольку в силу своей правовой природы решения высшего суда окончательны и обязательны на всей территории России для органов публичной власти, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам местного самоуправления способствуют формированию правильной интерпретации анализируемого института как конституционной ценности, закрепляя его сущностные характеристики. Так, например, в Постановлении от 13 февраля 2020 г. орган конституционного контроля указал, что Конституция Российской Федерации относит к основам конституционного строя признание и гарантирование местного самоуправления, самостоятельность которого как его основная сущностная черта, проявляется, в частности, в решении органами местного самоуправления вопросов местного значения, а также в не вхождении органов местного самоуправления, структура которых определяется населением, в систему органов государственной власти¹⁴.

В другом своем Постановлении от 30 ноября 2000 г. высший суд пришел к выводу о том, что местное самоуправление является необходимой формой осуществления власти народа, одной из основ конституционного строя России. Граждане Российской Федерации имеют полное право реализовывать местное самоуправление через референдум, выборы, иные формы прямого волеизъявления, а также через выборные и другие органы самоуправления¹⁵. Тем самым подтверждается право граждан участвовать непосредственно или через своих представителей в осуществлении публичной власти в рамках муниципального образования.

Интерес представляет интерпретация Конституционным Судом Российской Федерации положения о реализации публичной власти органами местного самоуправления. Согласно Постановлению от 15 ян-

⁹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря (№ 237); Российская газета. 2020. 4 июля (№ 144).

¹⁰ Казанцева О.Л. Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на науку муниципального права // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 2. С. 13.

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // СЗ РФ. 1998. №22. Ст. 2491.

¹² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2002 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18 и статьи 30.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», статьи 108 Конституции Республики Татарстан, статьи 67 Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия) и части третьей статьи 3 Закона Республики Саха (Якутия) «О выборах Президента Республики Саха (Якутия)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2909.

¹³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2002 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А. Г. Злобина и Ю. А. Хнаева». URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2020 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.Г. Малышевой». URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области». URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

варя 1998 г. представительные органы муниципальных образований являются органами власти, тем не менее, это не свидетельствует об их государственной природе ввиду того, что публичная власть может быть и муниципальной¹⁶. Подтверждение муниципальной природы местных представительных органов вытекает из содержания их полномочий (например, утверждение местного бюджета, установление местных налогов и сборов, определение порядка управления муниципальной собственностью и др.), что в соответствии с ч. 1 ст. 130 и ч. 1 ст. 132 Конституции Российской Федерации следует рассматривать как исключительные полномочия местного самоуправления¹⁷.

Указанная выше позиция органа конституционного контроля нашла отражение в ранее принятом им Постановлении от 24 января 1997 г. Высокий суд пришел к выводу, что органы местного самоуправления нельзя преобразовать в органы государственной власти, поскольку согласно ст. 12 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, следовательно, осуществление местного самоуправления органами государственной власти и государственными должностными лицами не допустимо¹⁸. Кроме того, по своей природе муниципальная власть есть власть самого местного сообщества, а субъект права на самостоятельное осуществление муниципальной власти – население муниципального образования. В силу указанных обстоятельств органы местного самоуправления наделяются вытекающими из природы местного самоуправления обязанностями по решению вопросов обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, надлежащее исполнение которых служит императивом демократического правового государства в сфере организации муниципальной публичной власти¹⁹.

Таким образом, в понимании Конституционного Суда Российской Федерации местные органы власти осуществляют именно местное самоуправление, муниципальную власть, следовательно, их природа не является государственной. Не являясь структурными подразделениями органов государственной власти, органы местного самоуправления функцио-

нируют как организационно обособленные единицы.

Важное место в решениях Конституционного Суда Российской Федерации занимает вопрос законодательного ограничения пределов самостоятельности местного самоуправления. Согласно Постановлению высокой судебной инстанции от 1 декабря 2015 г. Конституция Российской Федерации при установлении самостоятельности местного самоуправления как основного принципа его взаимоотношений с органами государственной власти исходит из того, что указанная самостоятельность не абсолютна, не предполагает отрицание организационного и иных форм взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти, исключая, однако, решающее участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, а также подмену органов местного самоуправления органами государственной власти при решении вопросов местного значения²⁰. Самостоятельность местного самоуправления необходимо рассматривать как ограничение произвольного вмешательства органов государственной власти в дела местного самоуправления, как базу для его интеграции в систему публичной власти и поддержания в ней межуровневого взаимодействия. Тем самым влияние органов государственной власти на местное самоуправление должно проявляться через определение принципиальных параметров организационного устройства муниципальной власти и взаимосвязей между ее элементами, обусловленными конституционно-правовой природой местного самоуправления как уровня публичной власти, наиболее приближенного к населению²¹.

Таким образом, как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, органы местного самоуправления оказываются интегрированными в общую институциональную систему осуществления на соответствующей территории функций демократического правового социального государства на началах взаимодействия с органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов²². Указанная позиция в полной мере отражает процесс встраивания органов местного самоуправления в единую систему публичной власти в ходе конституционной ре-

¹⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми». URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике». URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2011 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой муниципального образования – городского округа «Город Чита». URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

²⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

²¹ Там же.

²² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2018 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 242 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой муниципального образования – городского округа «Город Чита». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

формы 2020 г. Одновременно с этим встает вопрос о праве населения самостоятельно определять структуру органов местного самоуправления в конкретном муниципальном образовании.

Еще в 2000 г. Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил право граждан, проживающих на территории муниципального образования, непосредственно либо через представительный орган местного самоуправления определять способы формирования органов местного самоуправления и само их формирование. Реализацию этого права обязаны обеспечить органы государственной власти, не вмешиваясь в определение способа формирования и само формирование органов местного самоуправления. «Иное не согласуется с прямым действием и единообразным применением Конституции Российской Федерации на всей территории России»²³. В 2009 г. высший суд конкретизировал свою позицию по данному вопросу, отметив, что право населения самостоятельно определять структуру органов местного самоуправления должно реализовываться исходя из предусмотренных законодательством общих принципов организации местного самоуправления, в том числе общих требований к формам осуществления местного самоуправления, в частности, к способам и процедурам формирования органов муниципальной власти, их полномочиям и т.п.²⁴

Спустя шесть лет Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что структура органов местного самоуправления должна опре-

деляться населением не произвольным образом, а в рамках установленных федеральным законом общих принципов организации местного самоуправления, в том числе относящихся к формам осуществления местного самоуправления, способам и процедурам формирования органов муниципальной власти, их полномочиям и т. п. При этом федеральный законодатель вправе не только выбирать оптимальные, на его взгляд, на данном этапе варианты (способы) формирования органов местного самоуправления, но и осуществлять разграничение относящихся к установлению общих принципов организации местного самоуправления полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов²⁵. Таким образом, самостоятельность населения при определении структуры местного самоуправления возможна, но в границах установленных законом организационных моделей.

Подводя итог исследованию, следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации подтверждает самостоятельность органов местного самоуправления в пределах полномочий, закрепленных в российском законодательстве. Одновременно с этим подчеркивается, что, несмотря на не вхождение органов местного самоуправления в систему органов государственной власти, это не означает их полной самостоятельности от государства. В данном контексте можно говорить об организационной обособленности местного самоуправления.

Библиографический список

1. Бондарь Н.С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. – 2011. – № 10. – С. 35-46.
2. Бурмистров А.С. Конституционная законность в реализации принципа разделения властей (на примере Российской Федерации): учеб. пособие / А.С. Бурмистров, М.В. Варлен, В.В. Гошуляк [и др.]; под ред. В.В. Комаровой. – М.: Проспект, 2016. – 198 с.
3. Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении (история, доктрина и практика): избранные труды (1991 – 2012 гг.). – М.: Норма, 2012. – 687 с.
3. Казанцева О.Л. Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на науку муниципального права // Российско-азиатский правовой журнал. – 2019. – № 2. – С. 11-16.
4. Шайхуллин М.С. Конституционно-правовые гарантии развития местного самоуправления в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Шайхуллин Марат Селирович. – Казань, 2020. – 66 с.
5. Шугрина Е.С. Судебная защита местного самоуправления. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 335 с.

Рецензент: Борисов Я.Е., доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

²³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2000 г. № 236-О «По запросу Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики о проверке конституционности пункта «е» статьи 81 Конституции Кабардино-Балкарской Республики, статьи 2 и пункта 3 статьи 17 Закона Кабардино-Балкарской Республики «О местном самоуправлении в Кабардино-Балкарской Республике». URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

²⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 375-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы главы муниципального образования «Мирный» Архангельской области на нарушение конституционных прав и свобод абзацами первым и третьим пункта 3 статьи 4 Закона Российской Федерации «О закрытом административно-территориальном образовании». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

²⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

КОНОВАЛОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, ул. Комсомольская, 50, 48352.valeriy@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

KONOVALOV VALERY ALEXEYEVICH

PHD in Law, associate professor, head of the Department of administrative and financial law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow state law university (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, 48352.valeriy@mail.ru

ABOUT SOME PROBLEMS OF BUILDING A CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Совершенствование организации и деятельности государственного аппарата – это – комплексная государственно-правовая проблема, в разрешении которой принимают участие – многие институты правового государства и гражданского общества. Поскольку рационализация собственной деятельности является функцией государственного аппарата, то она может быть рассмотрена с точки зрения своего внутреннего строения.

Ключевые слова: государственный орган, нормативные акты, правовое положение, задачи государственного органа, структура, функции, реализация, нормативное определение, конституция, субъекты, организационные структуры.

Review. The improvement of the organization and activity of the state apparatus is a complex state-legal problem, in the resolution of which many institutions of the rule of law and civil society take part. Since the rationalization of one's own activities is a function of the state apparatus, it can be considered from the point of view of its internal structure.

Keywords: state body, regulations, legal status, tasks of a state body, structure, functions, implementation, normative definition, constitution, subjects, organizational structures.

Улучшение, рационализация собственной деятельности, «развитие (совершенствование) государственной системы» вполне справедливо рассматривается многими учеными-юристами как одна из основных функций государственного аппарата¹. Любая рационализация деятельности государственного аппарата направлена на то, чтобы сделать ее более эффективной. Иными словами, необходимо сделать так, чтобы государственный аппарат при меньших затратах на его содержание, лучше выполнял свои функции. Никого не надо убеждать в том, что громоздкий государственный аппарат мало эффективен. Экономия государственных средств на содержание аппарата государства позволяет вкладывать больше в развитие экономики и в социальную сферу. Можно сказать, что эффективной будет та организационная структура, которая позволяет добиваться максимальных результатов при минимальных затратах.

Совершенствование организации и деятельности государственного аппарата – это комплексная государственно-правовая проблема, в разрешении которой принимают участие – многие институты правового государства и гражданского общества. Поскольку

ку рационализация собственной деятельности является функцией государственного аппарата, то она может быть рассмотрена с точки зрения своего внутреннего строения.

Можно согласиться с мнением С.Ф. Бабаева, который выделяет четыре главных признака рационализации, как функции государственного аппарата². Во-первых, это особый, специфический вид государственной деятельности, который имеет свои собственные цели, задачи, структуру, принципы и т.д. Затем можно выделить основные объекты, на направлена эта деятельность. Иными словами, можно выделить конкретные объекты, подлежащие совершенствованию. Это может быть государственный аппарат в целом, либо его отдельные элементы. Можно выделить также и субъекты, которые будут непосредственно осуществлять рационализацию. И, наконец, деятельность по совершенствованию государственного аппарата является разновидностью социальной деятельности и складывается из различных стадий, последовательно сменяющих одна другую.

Говоря об объектах совершенствования, необходимо исходить из того, что в научной литературе нет

¹ Бачило И.Л. Правовые проблемы организации структур и их функций в системе советского государственного управления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1979. С. 14.

² Бабаев С.Ф. Механизм совершенствования государственного управления (Административно-правовой аспект). Рига: Знание, 1986. С. 31.

единого мнения по этому вопросу. Различные авторы говорят о том, что можно совершенствовать организационные структуры, правовое регулирование их деятельности, методы воздействия, кадровый состав и иные составляющие элементы государственного аппарата.

Рационализация деятельности государственного аппарата может осуществляться двумя основными путями. Во-первых, за счет улучшения структуры государственного аппарата и более эффективного распределения функций между его звеньями. И, во-вторых, за счет совершенствования нормативного регулирования его деятельности. На практике оба этих процесса идут параллельно и, часто «бывает так, что невозможно отделить один от другого.

Необходимость совершенствовать структуру обусловлена тем, что задачи, которые каждодневно приходится решать государственным органам, непрерывно усложняются качественно и возрастают количественно. А это вызывает необходимость устранения ненужных функций, установления новых и изменения существующих. «Структура, в силу большей статичности (т.е. устойчивости по сравнению с функциями), всегда как бы отстает от меняющегося содержания функций. В результате в отдельные промежутки времени несоответствие между функциями и структурой приобретает практически значимый характер»³. Устранить это несоответствие можно только преобразовывая структуру, приводя ее в соответствие с новым содержанием деятельности органа. Эти преобразования могут затрагивать структурные звенья и выражаться в ликвидации, трансформации, перегруппировке прежних или в создании новых структурных подразделений органа, в появлении новых или исчезновении старых структурных связей, в перераспределении между существующими структурными звеньями функций, задач, полномочий и ответственности.

Взаимосвязь функций и структуры осуществляется согласно взаимодействию общих философских категорий «содержания» и «формы». Сущность данного взаимодействия заключается в том, что в процессе развития содержание вступает в противоречие с несоответствующей ему старой формой. В результате разрешения этого противоречия старая форма должна прийти в соответствие с новым содержанием. Разрешение этого противоречия, как правило, происходит тогда, когда старая структура, объективно способствующая сохранению и устойчивости государственного органа, начинает тормозить его прогрессивное развитие. Если возникновение противоречий между функцией и структурой органа имеет объективный характер и возникает независимо от воли людей, то разрешение этого противоречия всегда носит осознанный характер и происходит только посредством осознанной целенаправленной деятельности по совершенствованию структуры. При осуществлении этой деятельности важно исходить из ре-

альных перспектив развития и объективных возможностей органа. В противном случае необдуманные, волюнтаристские действия могут только принести вред потребностям практической деятельности.

Организационная структура, в силу своих внутренних свойств, является таким элементом государственного аппарата, который менее всего подвержен воздействию различных внешних факторов. Стабильность организационной структуры обеспечивает устойчивость связей, возникающих между различными элементами государственного аппарата в процессе практической деятельности. При осуществлении любой реорганизации государственного аппарата необходимо учитывать стратегическую цель общества - построение правового демократического государства. Именно под этим углом зрения должна осуществляться любая реорганизация. При этом необходимо обеспечить реальное участие широких масс населения в процессе обновления государственного аппарата и в то же время сохранить высокий уровень профессионализма. «Организационная структура формируется, изменяется, совершенствуется под воздействием целой гаммы различных по характеру и степени влияния факторов. Решающим фактором является провозглашенная в Конституции цель построения правового демократического государства. Именно через эту призму необходимо рассматривать и оценивать все структурные изменения».

Проблема совершенствования государственного аппарата неразрывно связана с проблемой повышения эффективности государственной власти. Состояние государственной, власти, в данном случае, будет определяющим фактором по отношению к государственному аппарату, поскольку всякая власть создает такой аппарат, который в наибольшей степени отвечает ее стратегическим интересам. Поэтому совершенствование государственного аппарата в настоящее время определяется спецификой общественно-политического строя, который создается в Российской Федерации. Реальное содержание общественно-политического строя зависит от соотношения экономического и политического факторов, от того, какие экономические отношения существуют и преобладают в обществе, каким образом организована власть и какими способами она влияет на процессы, происходящие в обществе.

В последнее время в средствах массовой информации, в заявлениях политиков можно услышать мысль о том, что власть в России находится в состоянии глубокого кризиса. И надо сказать, что для таких заявлений есть определенные основания. Под кризисом власти, в данном случае, мы понимаем неспособность власти эффективно осуществлять свои функции. Кризис власти явился следствием общего кризиса, охватившего все стороны жизни общества.

«Чтобы преодолеть кризис власти и управления, недостаточно осуществлять только те или иные изменения в самой власти. Нужно обеспечить позитив-

³ Аверьянов В.Б. Функции и организационная структура органа государственного управления. Киев: Наукова думка, 1979. С. 20-21.

ные изменения во всех без исключения сторонах и сферах жизни общества, обеспечить условия для преодоления кризиса экономики, идеологии, культуры и т.д., устранить или хотя бы частично нейтрализовать причины, вызывающие всесторонний и всеобщий кризис российского общества»⁴.

Одним из факторов, который бы способствовал выходу российского общества из кризиса, безусловно, является повышение эффективности деятельности государственного аппарата. А повышение эффективности деятельности государственного аппарата, как мы уже говорили, связана, в первую очередь, с рационализацией его структуры и оптимизацией его правового регулирования. Поэтому, совершенствование структуры государственного аппарата, оптимальное его построение будет объективно способствовать преодолению кризисных явлений в российском обществе.

Поскольку совершенствование государственного аппарата — это особого рода деятельность государства, то по отношению к ней могут быть определены основные принципы, которые бы отражали ее основное содержание. Являясь основными, руководящими началами какой-либо деятельности, принципы отражают только ее основную суть и могут служить основными отправными точками для дальнейшего научного исследования. Принципы имеют и определенное практическое значение. Они показывают каким образом лучше и эффективнее проводить конкретные мероприятия по перестройке государственного аппарата.

Построение государственного аппарата осуществляется в соответствии с рядом объективно действующих принципов. Среди принципов, которые в наибольшей степени влияют на построение государственного аппарата можно отметить: принцип разделения властей, предусматривающий относительно самостоятельное функционирование законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти; принцип гласности и открытости в деятельности государственного аппарата; принцип демократизма и широкого представительства интересов граждан во всех звеньях государственного аппарата; принцип федерализма; принцип субординации между вышестоящими и нижестоящими государственными органами; принцип взаимодействия между всеми элементами государственного аппарата и ряд других принципов.

Успешное выполнение государственным аппаратом своей функции по совершенствованию собственной деятельности имеет ярко выраженный правовой аспект. Деятельность по рационализации государственного аппарата в большинстве случаев связана с улучшением ее правового регулирования. Правовому регулированию подвержены практически все общественные отношения, связанные с деятельностью государственного аппарата от упорядочения действующего законодательства до создания правовых норм,

регулирующих новые явления.

Высокая эффективность деятельности государственного аппарата во многом зависит от того, насколько правильно определено правовое положение его отдельных составных частей государственных органов, а также от того, насколько четко сформулированы отдельные элементы их правового положения. Под правовым положением мы понимаем совокупность юридически значимых и юридически закреплённых характеристик, определяющих роль и место конкретного государственного органа в аппарате государства.

Не все исследователи одинаково подходят к решению вопроса о количестве элементов правового положения государственного органа и их соотношении. Это лишний раз указывает на сложность рассматриваемого явления и необходимость его детального изучения. Преимущественно авторы выделяют следующие элементы правового положения государственного органа: цели, задачи, функции, компетенцию, порядок формирования, подконтрольность и подотчетность, порядок осуществления взаимодействия с другими государственными органами и некоторые другие. Необходимо отметить, что дать полный перечень элементов правового положения практически невозможно, поскольку всегда можно найти еще какую-нибудь характеристику, в добавление к уже указанным, которая бы в той или иной степени уточняла бы статус государственного органа.

Для определения правового положения не столько важен вопрос о количественном составе его элементов, сколько об их соотношении друг с другом. Высокая эффективность деятельности⁵ государственных структур во многом зависит от того, насколько четко и правильно определены отдельные элементы их правового положения.

Раскрывая вопрос о соотношении основополагающих элементов правового положения государственного органа, можно согласиться с мнением некоторых авторов, которые выстраивают их в следующем порядке: «цели - задачи функции» Данная логическая цепочка предусматривает первичность постановки цели. Затем цель конкретизируется в задачах государственного органа. После того как были определены задачи, которые предстоит решать государственному органу, указываются его функции. Мы могли бы продолжить данную логическую цепочку, указав на то, что для реализации функций создаются структуры, которым определяются права и обязанности.

Вполне обоснованно большинство авторов не производит детального разграничения между такими элементами правового положения, как цель и задачи. Так А.А. Симонян полагает, что «в задачах всегда формулируется определенная цель»⁶, а В.Б. Аверьянов вообще не производит разделения между ними. В трудах большинства авторов, изучающих сходные проблемы, отсутствуют исследования целей, как са-

⁴ Эффективность государственной власти и управления в современной России / Игнатъев В.Г., Понеделков А.В., Охотский Е.В. и др. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 1998. С. 178.

⁵ Симонян Л.А. Функции советского государственного управления. М., 1997. С. 7.

⁶ Симонян Л.А. Указ. соч. С. 7.

мостоятельного элемента правового положения государственного органа. В большинстве случаев указывается, что задачи государственного органа – это детализация цели. Цель деятельности государственного органа можно было бы определить как концентрированное выражение задач либо как главную задачу. В наиболее общем виде можно сказать, что цель – это то, для чего данный орган создается. Данный тезис практически никем не оспаривается, поэтому специального исследования не требует.

В большинстве нормативных актов, определяющих правовое положение государственных органов, цель специально не определяется, а указываются задачи. Задачи государственного органа являются весьма важным элементом его правового положения. Задача органа – это субъективное отражение объективных потребностей внешней среды⁷. Иными словами, в задачах находят свое выражение представления субъекта о предполагаемых результатах деятельности. По своей сути и по внешним способам выражения задачи во многом совпадают с функциями, поэтому в отдельных случаях весьма трудно уловить разницу между этими понятиями.

Однако различия существуют. Если задачи, как мы уже сказали, указывают на предполагаемый результат деятельности, то функции на то, каким путем этот результат достигается. Функции – это определенные и специализированные виды деятельности, по своему характеру они отчасти приближаются к методам. Функции и задачи органа можно разделить также и по временному фактору. Если задачи имеют преходящий характер и довольно часто могут корректироваться и меняться, то функции государственного органа, как правило, меняются с изменением самой сущности и назначения органа.

Несмотря на то, что существует определенная разница между задачами и функциями органа не во всех нормативных актах проводится четкое разграничение между ними. В отдельных законах функции вообще не указываются, а даются только задачи⁸. Однако, это не обязательное условие и на практике можно встретить различные варианты описания элементов правового положения в документах, устанавливающих статус государственных органов.

Нормативное определение задач государственного органа является важным условием соблюдения в его деятельности конституционного принцип законности. Закрепление задач в законах и подзаконных актах, во-первых, предопределяет юридический характер данной категории и, во-вторых, указывает на то, что хотя задачи и носят объективный характер, но, тем не менее, орган обязан выполнять только те из

них, которые оформлены юридически и поставлены государственным органом более высокого уровня либо Конституцией.

Основным фактором, определяющим конкретное содержание задач государственного органа, являются объективно необходимые потребности развития общества. Однако, как мы уже отметили, задачи в значительной степени подвержены субъективному воздействию со стороны должностных лиц, которые их формулируют. Это происходит в силу того, что на практике довольно трудно с большой степенью достоверности выделить цели, стоящие перед государственным органом. Должностное лицо, которому поручается такого рода работа, должно не только во всех тонкостях разбираться в деятельности данного конкретного органа, но и быть осведомлено о теоретических основах распределения элементов правового положения.

Цели и задачи государственного органа детерминируют его функции. По временному фактору формулирование задач предшествует определению функций. Однако после того, как функции органа определены и создана структура они приобретают более стабильный характер чем задачи. Совершенно справедливо отмечает В.Б. Аверьянов, что задачи «выступают определяющим элементом, т.е. таким, который играет определяющую роль в формировании содержания каждой отдельной функции»⁹.

В научной литературе давались самые различные определения функций государственного органа. Приведем некоторые из них, наиболее характерные. А.М. Омаров утверждает, что функция - это определенный вид работ, отличающийся обособленностью, односторонностью и повторяемостью, обеспечивающий выполнение соответствующих социальных задач посредством адекватной ей организационной структурой управления¹⁰. Г.Э. Слезингер пишет, что «функция управления может быть определена как целенаправленный, специфический по характеру вид деятельности, который во взаимодействии с другими, отличающимися от него (по направлению и характеру) видам деятельности- объективно необходим для полноценного, эффективного управления производственной системой»¹¹.

А.А. Годунов более краток. В его понимании функция предстает как специфическая деятельность государственного органа, направленная на достижение цели, порождаемой данной задачей.¹² По мнению Л.И. Каск, «функции какого-либо объекта - это внешние проявления его свойств, способов его поведения в определенной системе отношений»¹³, а Д.Н. Бахрах считает, что функции это «всеобщие, ти-

⁷ Аверьянов В.Б. Функции и организационная структура органа государственного управления. Киев: Наукова думка, 1979. С. 20-21.

⁸ ФЗ РСФСР от 18.04.1991 №1026-1 «О милиции» // СПС «Гарант».

⁹ Аверьянов В.Б. Функции и организационная структура органа государственного управления. С. 21.

¹⁰ Омаров О.М. Социальное управление. Некоторые вопросы теории и практики. М.: Мысль, 1980. С. 101.

¹¹ Слезингер Г.Э. Научные основы управления производством и организации инженерно-управленческого труда: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: ИГПАН, 1968. С. 15.

¹² Годунов А.А. Социально-экономические проблемы теории управления социалистическим производством: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Ленинград: ЛГУ, 1972. С. 15.

¹³ Каск Л.И. Функции и структура государства. Ленинград: ЛГУ, 1969. С. 9.

пичные взаимодействия между объектами и субъектами социального управления, устойчивые, относительно самостоятельные, специализированные виды управленческой деятельности вообще»¹⁴.

Суммируя приведенные определения, попытаемся выделить наиболее общие характерные черты дифференциации «функция». Во-первых, это вид деятельности или направление деятельности, во-вторых, этот вид деятельности объективно необходим для выполнения поставленных задач, и, в-третьих, это обособленный, самостоятельный вид деятельности. Суммируя все сказанное, мы определяем функции государственного органа, как объективно необходимые, самостоятельные направления его деятельности, с помощью которых решаются поставленные перед органом задачи.

Неоднозначно решается различными учеными вопрос о месте функций государственного органа в структуре его правового положения. В научной и учебной литературе просматривается два варианта решения данной проблемы. Сторонники первого подхода считают, что функции являются составной частью компетенции государственного органа. Их оппоненты склонны думать, что функции не охватываются понятием компетенция и наравне с ней являются элементами правового положения государственного органа.

Сторонниками первой точки зрения являются, например О.Е. Кутафин и К.Ф. Шеремет. Они пишут, что «предметы _ ведения — это первый необходимый элемент компетенции»¹⁵. При этом под предметами ведения они понимают практически функции государственного органа. Более широкий смысл в понятие компетенции вкладывает И.Л. Бачило. «Представление о компетенции органа складывается из понимания: 1) какое место в системе управления занимает орган или должность; 2) какие задачи на него возложены; 3) какой территорией, сферой общественных отношений или точно указанными объектами ведает орган, какие из этих объектов находятся в его непосредственном подчинении, что ему подведомственно или подконтрольно 4) что вправе и должен делать орган в пределах своей сферы (круга его деятельности); 5) какими юридическими правами и обязанностями (правомочиями) орган располагает при осуществлении своего круга деятельности; 6) за что и каким образом отвечает субъект управления»¹⁶.

По нашему мнению, такой подход неоправданно расширяет содержание термина «компетенция». По сути дела, И.Л. Бачило, пытается вложить в понятие «компетенция» содержание термина «правовое положение». Несколько ниже в этой же работе она практически подтверждает это. «Понятие компетенции,

возникающее из суммы вышеперечисленных признаков, можно было бы назвать компетенцией в широком смысле. Именно она определяет правосубъектность органа управления. Права же и юридические обязанности, составляющие непосредственные правомочия органа, - компетенцией в собственном, узком смысле»¹⁷. Спрашивается, чем же отличается компетенция в широком смысле от правового положения. Если исходить из приведенных выдержек, то ничем. На наш взгляд не стоит смешивать компетенцию с правовым положением. Компетенция является частью правового положения, причем довольно значительной и важной.

Мы полностью поддерживаем сторонников второго подхода, которые считают, что функции органа не входят в понятие его компетенции. Наиболее ярким представителем такой точки зрения является Б.М. Лазарев. Под компетенцией он понимает юридическую «возможность или долженствование (либо то и другое вместе) выполнять определенного вида управленческую деятельность (т.е. функцию) применительно к деятельности соответствующего вида объектов управления. Сами же управленческие функции, названные в правовой норме, а также упомянутые в ней виды управляемых объектов, а в ряде случаев и виды их деятельности не являются чем-то дополнительным по отношению к праву (обязанности) органа, это - элементы самого права (обязанности)»¹⁸.

Практически не вызывает разногласий вопрос, связанный с соотношением понятий функций и задач со структурой. Все авторы сходятся на том, что функции и задачи органа определяют его структуру. Д.Н. Бахрах, например, пишет, что организационная форма не только испытывает воздействие функций, но и сама влияет на них¹⁹. Г.В. Вишняков отмечает, что структура - есть средство реализации функций²⁰, с чем мы полностью согласны. Функции реализуются с помощью предоставленных органу прав, путем выполнения возложенных на него обязанностей. Специализация составных частей органа есть комплекс функций, выполняемых ими исходя из реальных потребностей. Именно с этих позиций решается вопрос об объединении тех или иных функций в одном структурном звене.

Представляется вполне обоснованным высказанное в научной литературе мнение, что функции любого государственного органа разделяются на две самостоятельные части. Во-первых, функции, соответствующие назначению органа и, во-вторых, управленческие функции²¹. А.А. Годунов пишет, что это общие функции управления и специфические функции. При этом он отмечает, что общие функции управления свойственны всему процессу управления»²²,

¹⁴ Бахрах Д.Н. Административное право. М.: БЕК, 1993. С. 66.

¹⁵ Кутафин О.Е., Шеремет К.Ф. Компетенция местных Советов. М.: Юрид.лит., 1986. С. 23.

¹⁶ Брачило И.Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). М.: Юрид. лит., 1986. С. 53-54.

¹⁷ Брачило И.Л. Указ. соч. С. 24.

¹⁸ Лазарев Б.М. Государственное управление на этапе перестройки. М.: Юрид.лит., 1988. С. 240.

¹⁹ Бахрах Д.Н. Форма государственного управления // Советское государство и право. 1983. № 4. С. 25.

²⁰ Вишняков В.Г. Структура и штаты органов советского государственного управления. М.: Наука, 1972. С. 90.

²¹ Малков В.Д. Веселый В.З. Система функций социального управления. М.: Юрид. лит., 1987.

²² Годунов А.А. Социально-экономические проблемы теории управления социалистическим производством: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Ленинград: ЛГУ, 1972. С. 20.

а «специфические (производственно-экономические) функции связаны с решением конкретных производственных задач, организацией собственного производственного процесса»²³.

Управленческие или внутриорганизационные функции по своему характеру универсальны. Они реализуются любым государственным органом, независимо от его назначения и стоящих перед ним задач. Эти функции непосредственно направлены на решение задач управления деятельностью самого государственного органа. Без нормальной реализации этих функций невозможен процесс нормального функционирования структуры. В науке пока нет единого мнения относительно числа и видов управленческих функций. Подавляющее большинство авторов выделяет функции прогнозирования, планирования, организации, регулирования, руководства и контроля.

Прогнозирование представляет собой научное предвидение вероятного развития, исхода и результатов каких-либо событий и процессов. Прогнозирование позволяет заглянуть в будущее и этим придает практической деятельности большую научную обоснованность. В деятельности государственного аппарата прогнозирование проявляется на всех уровнях. Без прогнозирования нельзя определить буду-

щее состояние интересующего явления.

Одной из основных внутриорганизационных функций по праву считается функция планирования. Планирование – это определение целей, задач, результатов, темпов и других показателей той или иной деятельности. Планированию подвергаются практически все аспекты деятельности государственного аппарата. Составляются не только текущие планы, но и перспективные. Далее можно отметить функцию организации.

Организация заключается в создании, упразднении и разделении различных структурных подразделений государственного аппарата, определении их подчиненности, прав, обязанностей и ответственности, структуры, штатов, налаживании - информационного и материально-технического обеспечения. Функция организации тесно связана с рационализацией структуры и деятельности. Организовать – значит придать государственному органу стройный вид, определить его строение, взаимное расположение частей, их взаимосвязь и функции каждой части. Важнейшей составной частью организации рациональной структуры является подбор, подготовка и расстановка кадров, при этом особые требования предъявляются к руководящим кадрам.

Библиографический список

1. Аверьянов В.Б. Функции и организационная структура органа государственного управления. – Киев: Наукова думка, 1979. – 150 с.
2. Бачило И.Л. Правовые проблемы организации структур и их функций в системе советского государственного управления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1979. – 398 с.
3. Брачило И.Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). – М.: Юрид. лит., 1986. – 200 с.
4. Бабаев С.Ф. Механизм совершенствования государственного управления (Административно-правовой аспект). – Рига: Знание, 1986. – 230 с.
5. Бахрах Д.Н. Административное право. – М.: БЕК, 1993. – 622 с.
6. Бахрах Д.Н. Форма государственного управления // Советское государство и право. – 1983. – № 4. – С. 20-27.
7. Вишняков В.Г. Структура и штаты органов советского государственного управления. – М.: Наука, 1972. – 278 с.
8. Годунов А.А. Социально-экономические проблемы теории управления социалистическим производством: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Ленинград: ЛГУ, 1972. – 66 с.
9. Игнатъев В.Г., Понеделков А.В., Охотский Е.В. и др. / Эффективность государственной власти и управления в современной России. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 1998. – 178 с.
10. Кутафин О.Е., Шеремет К.Ф. Компетенция местных Советов. – М.: Юрид. лит.-ра, 1986. – 232 с.
11. Каск Л.И. Функции и структура государства. – Ленинград: ЛГУ, 1969. – 65 с.
12. Лазарев Б.М. Государственное управление на этапе перестройки. – М.: Юрид.лит., 1988. – 320 с.
13. Малков В.Д., Веселый В.З. Система функций социального управления. – М.: Юрид. лит., 1987. – 24 с.
14. Омаров О.М. Социальное управление. Некоторые вопросы теории и практики. – М.: Мысль, 1980. – 269 с.
15. Слезингер Г.Э. Научные основы управления производством и организации инженерно-управленческого труда: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М.: ИГПАН, 1968. – 40 с.
16. Симонян Л.А. Функции советского государственного управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1977. – 17 с.

Рецензент: Глебова Ю.И., доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

²³ Годунов А.А. Указ. соч. С. 22.

НОБЕЛЬ АРТЁМ РОБЕРТОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», 610002, Кировская область, г. Киров, ул. Ленина, 99, karnobel@msalkirov.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ВИНЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

NOBEL ARTEM ROBERTOVICH

PHD in Law Assistant professor of the Department of state and legal disciplines Volga-Vyatka Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 610002, Kirov, Linin Street, 99, karnobel@msalkirov.ru

ON SOME ISSUES OF ESTABLISHING A GUILT OF A LEGAL ENTITY IN PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Аннотация. Предметом исследования является сущность вины как обязательного института юридической ответственности. Проводится анализ подходов, сформировавшихся к определению вины физических и юридических лиц, и их реализации в действующем законодательстве. Используя действующее законодательство и правоприменительную практику, автором выделены недостатки правового регулирования института вины юридических лиц по делам об административных правонарушениях и предложены пути их решения. Закрепленная в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) поведенческая концепция вины юридического лица не согласуется с диспозициями целого ряда составов административных правонарушений, что приводит к назначению административного наказания исходя из различных форм вины, являющихся исключительной характеристикой субъективной стороны состава правонарушения только физического лица. Складывающаяся практика рассмотрения дел об административных правонарушениях в отношении юридических лиц свидетельствует о формировании поведенческо-психологической концепции их вины, которую автор предлагает включить в законодательство об административных правонарушениях.

Ключевые слова: принципы; система принципов; понятие принципов; принцип вины; материальные принципы; административный процесс; производство по делам об административных правонарушениях; административная ответственность; административное правонарушение; законодательство об административных правонарушениях.

Review. The subject of this research is the essence of guilt as a obligatory institution of legal responsibility. The analysis of approaches formed to the determination of the guilt of individuals and legal entities and their implementation in the current legislation is carried out. Using the current legislation and law enforcement practice, the author highlights the shortcomings of the legal regulation of the institution of guilt of legal entities in cases of administrative offenses and suggests ways to solving them. The behavioral concept of the guilt of a legal entity fixed in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation does not agree with the dispositions of a number of administrative offenses, which leads to the appointment of administrative punishment based on various forms of guilt, which are the exclusive characteristic of the subjective side of the offense of an individual only. The emerging practice of considering cases of administrative offenses against legal entities indicates the formation of a behavioral and psychological concept of their guilt, which the author proposes to include in the legislation on administrative offenses.

Keywords: principles; system of principles; concept of principles; the principle of the guilt; material principles; administrative process; proceedings on the cases of administrative offenses; administrative responsibility; administrative offense; legislation on administrative offenses.

Конституционным Судом Российской Федерации вина определена в качестве пределов, в рамках которых как для физических, так и для юридических лиц может наступать юридическая ответственность любого вида сообразно конституционным принципам равенства, справедливости и соразмерности¹.

Принцип вины основан на положениях ст. 49 Конституции Российской Федерации и закреплён в ч. 1 ст. 1.5 КоАП РФ, а определение вины в качестве базового принципа юридической ответственности неоднократно подчеркивалось Конституционным Судом Российской Федерации².

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2020 № 17-П. // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановления Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П, от 25.04.2011 № 6-П, от 27.04.2001 № 7-П, от 18.05.2012 № 12-П, от 14.02.2013 № 4-П, 14.06.2018 № 23-П; Определения Конституционного Суда РФ от 09.04.2003 № 172-О, от 06.07.2010 N 934-О-О, от 07.12.2010 № 1570-О-О. // СПС «КонсультантПлюс».

Реализация принципа вины в производстве по делам об административных правонарушениях осуществляется в требованиях материального и процессуального характера.

К материальным требованиям относятся:

- определение вины в качестве обязательного признака административного правонарушения;
- психологическая концепция вины физического лица, выражающаяся в двух формах;
- поведенческая концепция вины юридического лица, характеризующаяся единой формой вины.

Требования процессуального характера выражаются:

- в отнесении вины к обстоятельствам, образующим предмет доказывания по делам об административных правонарушениях;
- необходимости прекращения производства по делу об административном правонарушении при не установлении вины физического или юридического лица в его совершении.

Рассмотренные требования образуют содержание принципа вины и, прежде всего, являются гарантией от привлечения к административной ответственности лица, не причастного к его совершению. Во-вторых, защищают лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении от необоснованного назначения административного наказания без вины. Кроме того Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал важность учета степени вины физического и юридического лица в ходе производства по делам об административных правонарушениях как гарантию обеспечения адекватности и не избыточности мер государственного принуждения, применяемых в отношении лиц, привлекаемых к административной ответственности, последствиям совершенного деяния, либо его потенциальной вредности в целях сохранения баланса основных прав субъекта административного правонарушения и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств³. Сле-

дует отметить, что большинством исследователей степень вины определяется как мера отрицательного отношения правонарушителя к общественным ценностям⁴ и, хотя рассматриваемая дефиниция в КоАП РФ не закреплена, требования учета степени вины в совершении административного правонарушения находят свое отражение в общих правилах назначения административного наказания (ст. 4.1 КоАП РФ).

Итак, принцип вины в производстве по делам об административных правонарушениях можно охарактеризовать в качестве субъективно-объективной категории, содержанием которой является совокупность нормативных требований материального и процессуального характера, предъявляемых к субъектам административной юрисдикции, направленных на достижение задач производства, выражающих обязательность установления вины физического и юридического лица в предусмотренных законом формах и порядке для привлечения к административной ответственности.

Глубокую разработку принцип вины получил в уголовном праве, однако в Уголовном кодексе Российской Федерации, как и в КоАП РФ понятие вины отсутствует. В науке представлены такие концепции вины как психологическая⁵, опасного состояния⁶, оценочная⁷, упрёчная⁸. Некоторые авторы вводят в оборот принцип виновной ответственности, включающий в себя принцип вины и являющийся более широким по содержанию, однако по-разному трактуют его сущность⁹. Конституционный Суд Российской Федерации использует понятие принципа виновной ответственности в качестве синонима принципа вины¹⁰.

Сущность и реализация принципа вины юридических лиц обладают определенной спецификой, поскольку коллективный субъект психической деятельности не осуществляет, а значит, классические формы вины для него неприемлемы¹¹.

В теории права сформировалось несколько концепций вины юридического лица. Согласно одной вина юридического лица обусловлена виной его дол-

³ Постановления Конституционного Суда РФ от 23.06.2020 № 28-П, от 18.01.2019 № 5-П, от 06.02.2018 № 6-П, от 19.01.2016 № 2-П, от 22.04.2014 № 13-П, от 17.02.2016 № 5-П, от 25.02.2014 № 4-П, от 17.01.2013 № 1-П; Определения Конституционного Суда РФ от 15.09.2015 № 1828-О, от 16.07.2015 № 1775-О, от 23.04.2015 № 815-О, от 05.02.2015 № 236-О, от 28.05.2020 № 1123-О, от 27.02.2018 № 525-О, от 08.04.2014 № 10-П. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Векленко С.В. Виновное вменение в уголовном праве: Дисс. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003. С. 213; Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2004. С. 200; Питецкий В.К. К вопросу о степени вины в уголовном праве // Уголовное право. 2006. № 3. С. 41.

⁵ Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Том II - Преступление. М.: Издательство «Наука». 1970. С. 265; Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М.: Проспект, 2016. С. 53.

⁶ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права: Общая часть уголовного права. - 2-е изд., испр. и доп. М.: А.А. Карцев, 1912. С. 266-267.

⁷ Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1950. С. 103; Кизилев В.В. Понятие вины в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации // Актуальные вопросы публичного права. № 4 (4). 2012. С. 56.

⁸ Денисов Ю.А. Общая теория правонарушений и ответственности (социологический и юридический аспекты). – Издательство Ленинградского университета, 1983. С. 114-115.

⁹ Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система, виды: Дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 212-213; Сидякин А.Г. Принцип виновной ответственности и фактор вины в избирательном процессе // Журнал российского права. № 1. 2005. С. 4.

¹⁰ Постановления Конституционного Суда РФ от 25.04.2011 № 6-П; от 18.05.2012 № 12-П, от 23.09.2014 № 24-П; Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 633-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Бахрах Д.В. Субъекты административного права // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы / Сборник статей / отв. ред. Попов Л.Л., Студеникина М.С. М., 2004. С. 77.

жностных лиц¹², что, по сути, является гибридным психологическим подходом. Он реализован в ч. 4 ст. 110 Налогового Кодекса Российской Федерации для установления вины организации в совершении налогового правонарушения. Другой подход можно охарактеризовать как поведенческий, поскольку в соответствии с ним вина юридического лица должна определяться на основе внешних (объективных) критериев, выражающихся в его действиях и характеризующих организацию деятельности по соблюдению действующего законодательства¹³. Данная концепция отражена в ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ. Для констатации вины юридического лица в совершении административного правонарушения необходимо установить пренебрежение действующими правилами при наличии возможности для их соблюдения. При этом о ее существовании может свидетельствовать как невыполнение правил, регламентирующих поведение в административно-правовой сфере, так и принятие явно недостаточных мер для предотвращения административного правонарушения или не соответствующих принципам разумности или своевременности¹⁴. В качестве недостатков рассматриваемых правил называют отсутствие нормативных границ, позволяющих оценивать достаточность и исчерпывающий характер мер, принятых юридическим лицом для реализации положений правовых норм¹⁵. Некоторые авторы обосновывают возможность выделения форм вины юридических лиц через категории заведомости и целенаправленности, наличие которых, свидетельствует об умысле, а отсутствие указывает на неосторожность¹⁶.

Формы вины, закрепленные в ст. 2.2 КоАП РФ, к юридическим лицам не применяются, они не могут совершить административное правонарушение умышленно или по неосторожности¹⁷. Таким образом, можно говорить о единой форме вины юридических лиц, определяемой исключительно по правилам, предусмотренным ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ. В этой связи следует поддержать авторов, предлагающих изложить название ст. 2.2 КоАП РФ как «формы вины физического лица»¹⁸. Вместе с тем анализ Ко-

АП РФ свидетельствует, что в ряде случаев законодатель отступает от принципа вины юридических лиц в пользу объективного вменения. Так, положения ч. 7 ст. 2.10 КоАП РФ позволяют привлекать к административной ответственности, созданное в результате реорганизации юридическое лицо без учета правил определения вины, сформулированных в ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ¹⁹.

Однако закрепленная в КоАП РФ поведенческая концепция вины юридического лица не согласуется с диспозициями целого ряда составов административных правонарушений, в качестве обязательного признака прямо предусматривающих определенную форму вины.

В одних случаях наказуемость деяний, совершаемых юридическими лицами связана исключительно с установлением их умышленного характера, выражающегося: в предоставлении в уполномоченные органы государственной власти и местного самоуправления заведомо недостоверных (ложных) сведений (информации, документов, заключений) (ст. 5.61.1, ст. 7.32.6, ч. 1 ст. 8.28.1, ст. 8.50, ч. 4 ст. 9.1, ст. 9.15, ч. 2 ст. 13.33, ст. 14.11, ч. 6 ст. 18.9, ч. 2 ст. 19.7.1, ч. 1 ст. 19.7.2, ст. 19.7.2-1, ст. 19.7.7, ст. 19.7.8, ч. 1 ст. 19.7.10, ст. 19.7.11, ч.ч. 1-5, 7-8 ст. 19.8, ч. 1 ст. 19.8.1, ст. 19.8.2, ч. 3 ст. 19.15.2, ч. 2 ст. 19.27 КоАП РФ); умышленном искажении экологической информации (ст. 8.5 КоАП РФ); приобретении, хранении, перевозке или сбыте заведомо незаконно заготовленной древесины (ч. 3 ст. 8.28 КоАП РФ); умышленном сокрытии авиационного происшествия или инцидента (ст. 11.30 КоАП РФ); установке на транспортном средстве заведомо подложных государственных регистрационных знаков (ч. 3 ст. 12.2 КоАП РФ); выпуске на линию транспортного средства с заведомо подложными государственными регистрационными знаками (ч. 3 ст. 12.31 КоАП РФ); умышленном создании помех в дорожном движении (ст. 12.33 КоАП РФ); сбыте заведомо поддельных государственных знаков почтовой оплаты или международных ответных купонов (ч. 1 ст. 13.10 КоАП РФ); использовании заведомо поддельных клише франки-

¹² Демьянец М.В. Административная ответственность кредитных организаций за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности: Монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2011. 208 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Колесниченко Ю.Ю. Некоторые аспекты вины юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 76-81. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Дымченко В.И. Административная ответственность организаций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск: Свердловский юридический институт. 1983. С. 10; Очердько В.П., Кокорин И.С. От теоретической неопределенности к противоречивости судебной практики при определении вины и административной ответственности юридических лиц // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 267-277. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Ражков Р.А. Установление вины юридического лица как обязательного элемента состава административного правонарушения в арбитражном процессе // Административное право и процесс. 2010. № 2. С. 30.

¹⁵ Самылов И.В. Особенности определения вины организаций в российском законодательстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1 (19). С. 167-173. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Морозова Н.А. Умысел и неосторожность как формы вины юридических лиц при совершении административного правонарушения // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 3-7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Денисенко Е.В. Вина, презумпция невиновности и ненаказуемость в Кодексе РФ об административных правонарушениях // Актуальные вопросы публичного права. 2012. № 7. С. 21.

¹⁹ Решение Дорогомиловского районного суда города Москвы от 28.02.2019 по делу № 12-161/2019, решение Замоскворецкого районного суда города Москвы от 11.03.2020 по делу № 12-58/2020, решение Всеволожского городского суда Ленинградской области от 07.11.2018 № 12-758/18, решение Вельского районного суда Архангельской области от 09.10.2017 по делу № 12-97/2017, постановление Абдулинского районного суда Оренбургской области от 27.10.2017 по делу № 5/1/195/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ровальных машин, почтовых штемпелей или иных именных вещей (ч. 2 ст. 13.10 КоАП РФ); распространении заведомо недостоверной общественно значимой информации (ч.ч. 9, 10, 10.1, 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ); незаконном ограничении доступа к официальным сайтам органов государственной власти и местного самоуправления (ч. 2 ст. 13.18 КоАП РФ); размещении заведомо искаженной информации в единой информационной системе жилищного строительства (ч. 1 ст. 13.19.3 КоАП РФ); распространении продукции средства массовой информации с заведомо ложными выходными данными (ст. 13.22 КоАП РФ); выдачей заведомо ложного заключения на соответствие требованиям законодательства РФ о применении контрольно-кассовой техники (ч. 14 ст. 14.5 КоАП РФ); умышленном невыполнении требований субъектов административной юрисдикции, осуществляющих производство по делу об административном правонарушении (ст. 17.7 КоАП РФ); умышленном искажении результатов государственной итоговой аттестации (ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ).

Ко второй группе административных правонарушений необходимо отнести составы, законодательная конструкция субъективной стороны которых предусматривает неосторожную форму вины в отношении либо самого деяния (ст. 9.10 КоАП РФ), либо его последствий (ч. 2 ст. 7.15, ч.ч. 1-2 ст. 11.5 КоАП РФ).

В некоторых случаях разграничение вида и размера административного наказания осуществляется законодателем по субъективной стороне административного правонарушения. Так, основные составы административных правонарушений, закрепленные в статьях 11.15.1, 11.15.2, 19.7.9 КоАП РФ, предусматривают административную ответственность юридических лиц за деяния, совершенные по неосторожности, что влечет наложение административного штрафа в размере от 50 000 до 100 000 рублей. Однако аналогичные деяния, совершенные умышленно, в соответствии с ч. 3 ст. 11.15.1, ч. 3 ст. 11.15.2, ч. 3 ст. 19.7.9 КоАП РФ могут повлечь назначение юридическому лицу административного штрафа уже в пределах от 200 000 до 500 000 рублей, либо административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что наказуемость деяния, вид и размер административного наказания для юридического лица напрямую зависит от формы вины, что прямо противоречит положениям ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, не предполагающим выделение умышленной и неосторожной форм вины у юридического лица. Выявленные несоответствия, по сути, предоставляют субъектам административной юрисдикции полномочия произвольно осуществлять квалификацию деяний, совершенных юридическими лицами, а применительно к статьям

11.15.1, 11.15.2, 19.7.9 КоАП РФ назначать более строгое административное наказание.

Преодоление рассматриваемой коллизии на практике осуществляется путем использования правовой позиции, сформулированной Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, согласно которой, если в соответствующих статьях Особенной части КоАП РФ возможность привлечения к административной ответственности за административное правонарушение ставится в зависимость от формы вины, в отношении юридических лиц требуется лишь установление того, что у соответствующего лица имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению²⁰. Однако, по нашему мнению, буквальное толкование положений ч. 1 и ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ не позволяет решить вопрос о виновности юридических лиц в совершении вышеуказанных правонарушений.

Закрепленная в ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ конструкция является глубоко искусственной и противоречивой²¹. С одной стороны, ее реализация ведет к осуществлению объективного вменения, поскольку критерии вины, описанные законодателем, оценивают исключительно внешнюю деятельность юридического лица – противоправное поведение и его последствия, выраженную в ненадлежащей организации соблюдения и исполнения норм, действующих в административно-правовой сфере. С другой стороны, несмотря на декларированную поведенческую концепцию, вина юридического лица на практике устанавливается субъектами административной юрисдикции на основе оценки таких обстоятельств субъективного характера как действия, имеющие правовое значение для юридического лица, совершенные его должностными лицами²².

Таким образом, практика привлечения юридических лиц к административной ответственности свидетельствует о формировании поведенческо-психологической концепции вины, которая, по нашему мнению, должна получить законодательное закрепление.

Для преодоления рассмотренных выше противоречий считаем необходимым изложить ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ в следующей редакции:

«Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что в результате действия (бездействия) его должностных лиц, совершенного умышленно или по неосторожности, им не были приняты все зависящие от него меры по соблюдению и исполнению правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации предусмотрена административная ответственность».

²⁰ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях».

²¹ Сорокин В.Д. Парадоксы Кодекса РФ об административных правонарушениях // Правоведение. 2000. № 4. С. 34-45.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2020 № 17-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. Бахрах Д.В. Субъекты административного права // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы / Сборник статей / отв. ред. Попов Л.Л., Студеникина М.С. – М., 2004. – 302 с.
2. Векленко С.В. Виновное вменение в уголовном праве: дис. ... д-ра. юрид. наук. – Омск, 2003. – 354 с.
3. Демьянец М.В. Административная ответственность кредитных организаций за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности: Монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2011. – 208 с.
4. Денисенко Е.В. Вина, презумпция невиновности и ненаказуемость в Кодексе РФ об административных правонарушениях // Актуальные вопросы публичного права. – 2012. – № 7. – С. 19-28.
5. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). – Издательство Ленинградского университета, 1983. – 143 с.
6. Дымченко В.И. Административная ответственность организаций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1983. – 17 с.
7. Кизиллов В.В. Понятие вины в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации // Актуальные вопросы публичного права. – 2012. – № 4 (4). – С. 51-61.
8. Колесниченко Ю.Ю. Некоторые аспекты вины юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С. 76-81.
9. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 694 с.
10. Морозова Н.А. Умысел и неосторожность как формы вины юридических лиц при совершении административного правонарушения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 12. – С. 3-7.
11. Очередыко В.П., Кокорин И.С. От теоретической неопределенности к противоречивости судебной практики при определении вины и административной ответственности юридических лиц // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 267–277.
12. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Том II - Преступление. – М.: Издательство «Наука», 1970. – 516 с.
13. Питецкий В.К. К вопросу о степени вины в уголовном праве // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 41-45.
14. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права: Общая часть уголовного права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: А.А. Карцев, 1912. – 668 с.
15. Ражков Р.А. Установление вины юридического лица как обязательного элемента состава административного правонарушения в арбитражном процессе // Административное право и процесс. – 2010. – № 2. – С. 30-32.
16. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. – М.: Проспект, 2016. – 232 с.
17. Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система, виды. дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2019. – 421 с.
18. Самылов И.В. Особенности определения вины организаций в российском законодательстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 1 (19). – С. 167-173.
19. Сидякин А.Г. Принцип виновной ответственности и фактор вины в избирательном процессе // Журнал российского права. – 2005. – № 1. – С. 3-14.
20. Сорокин В.Д. Парадоксы Кодекса РФ об административных правонарушениях // Правоведение. – 2000. - № 4. – С. 34-45.
21. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1950. – 320 с.

Рецензент: Кошечева Е.С., и.о. заведующего кафедрой гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

СКУРАТОВ ИВАН ВИКТОРОВИЧ

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
460000, Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oIVSkuratov@msal.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА

SKURATOV IVAN VIKTOROVICH

candidate of historical sciences, associate professor of the Department of theory
of state and law of Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named
after O.E. Kutafin (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50,
oIVSkuratov@msal.ru

PROFESSIONAL CULTURE OF A LAW UNIVERSITY TEACHER

Аннотация. Данная статья посвящена профессиональной культуре преподавателя юридического вуза.

Ключевые слова: профессионально-педагогическая компетентность преподавателя юридического вуза, педагогические способности, дидактические способности, академические способности, перцептивные способности, речевые способности, организаторские способности, авторитарные способности, коммуникативные способности, педагогическое воображение (или прогностические способности).

Review. This article is devoted to the professional culture of a law university teacher.

Keywords: professional and pedagogical competence of a law university teacher, pedagogical abilities, didactic abilities, academic abilities, perceptual abilities, speech abilities, organizational abilities, authoritarian abilities, communicative abilities, pedagogical imagination (or prognostic abilities).

В деятельности преподавателя юридического вуза насчитывается до 85 видов, основные из них – учебная, научная, воспитательная, методическая работа и повышение квалификации. «Преподаватели, которые ориентированы только на свой предмет, не считают преподавание главным компонентом профессиональной деятельности. Парадокс состоит в том, что в средней школе специалисты без высшего педагогического образования не допускаются к преподаванию. А подавляющее большинство преподавателей вузов занимаются преподаванием, не имея высшего педагогического образования. Каким образом можно устранить этот перекокс? Очевидно, что только через массовое приобщение всех преподавателей-юристов к педагогической науке, приобретение ими профессионально-педагогической компетентности»¹. Овладевая научными основами профессионально-педагогической деятельности, преподаватель - юрист делает свой труд более осмысленным и эффективным

Какие же профессионально-важные качества педагога выделяются в научной литературе:

эмоциональность (А.О. Прохоров, Т.Г. Сырицо, В.П. Трусов);

общительность (Н.В. Кузьмина, В.И. Геницинский);

идейно-политическая активность (М. Ачилов, Ф.Н. Гоноболин);

пластичность поведения (Н.В. Кузьмина);

способность понимать учащихся и руководить ими (Э.А. Гришин, Ф.Н. Гоноболин);

владение в совершенстве методами преподавания (Л.М. Портнов);

любовь к детям (Ш.А. Амонашвили, Н.И. Поспелов);

эмпатия (В.Н. Козиев, А.Э. Штейнмец);

социальная зрелость личности (И.А. Зязюн, Н.П. Лебедик).

Проведенные кафедрой педагогики и психологии высшей школы МГУ им. М.В. Ломоносова исследования позволили набросать портрет идеального преподавателя юридического вуза. Студенты идеальным преподавателем назвали, прежде всего, знатока преподаваемого предмета и соответствующей области науки, честного, справедливого человека, хорошего психолога, умеющего понять другого человека. При этом младшекурсники на первое место ставили именно умение понять студента, в то время как старшекурсники более всего ценили компетентность. И это закономерно: сложный период адаптации первокурсников к новым условиям требует психологической поддержки, оказать которую может только понимающий и уважающий студента преподаватель. Вообще аристократизм профессоров, преподавателей, каждого сотрудника вуза, от которого в какой-то степени зависит студент, особенно это касается первокурсников, состоит в том, чтобы никогда, ни в какой обстановке не допустить покушения на суверенитет, личное достоинство студентов. Когда студент освоится и научится решать свои проблемы самостоятельно

¹ Педагогика для юристов (Обсуждение книги: Левитан К.М. Юридическая педагогика: учеб. М.: НОРМА, 2007. 432 с.) // Российский юридический журнал. 2009. № 2. С. 223.

но, он становится менее строгим в оценке личностных качеств преподавателя и более требовательным по отношению к его научной компетентности.

Педагогическими способностями называют совокупность индивидуально-психологических особенностей личности учителя, отвечающих требованиям педагогической деятельности и определяющих успех в овладении этой деятельностью. Отличие педагогических способностей от педагогических умений заключается в том, что педагогические способности – это особенности личности, а педагогические умения – это отдельные акты педагогической деятельности, осуществляемые человеком на высоком уровне.

Каждая способность имеет свою структуру, в ней различают ведущие и вспомогательные свойства.

Ведущими свойствами в педагогических способностях являются:

- педагогический такт;
- наблюдательность;
- любовь к детям;
- потребность в передаче знаний.

Педагогический такт – это соблюдение педагогом принципа меры в общении с детьми в самых разнообразных сферах деятельности, умение выбрать правильный подход к учащимся.

Педагогический такт предполагает:

уважение к школьнику и требовательность к нему;
развитие самостоятельности учащихся во всех видах деятельности и твердое педагогическое руководство их работами;

внимательность к психическому состоянию школьника и разумность и последовательность требований к нему;

доверие к учащимся и систематическая проверка их учебной работы;

педагогически оправданное сочетание делового и эмоционального характера отношений с учениками и др.

Педагогическая наблюдательность – это способность учителя, проявляемая в умении подмечать существенные, характерные, даже малозаметные свойства учащихся. По-другому можно сказать, что педагогическая наблюдательность – это качество личности педагога, заключающееся в высоком уровне развития способности концентрации внимания на том или ином объекте педагогического процесса.

Отечественные исследователи педагогических способностей на основе положений С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова в 60-е гг. прошлого века выделили целый набор педагогических способностей². Круг педагогических способностей очень велик. Он охватывает всю структуру педагогической деятельности. Психологи и педагоги, исследовавшие профессиограмму учителя, выделяют различные способности учителя. В исследованиях Н.В. Кузьминой раскрыты такие способности, как педагогическая наблюдательность, педагогическое воображение, педагогический такт, распределение внимания, организаторские способности.

Ф.Н. Гоноболин перечисляет и раскрывает следующие способности, необходимые учителю:

- способность понимать ученика;
- способность доступно налагать материал;
- способность развивать заинтересованность учащихся;
- организаторские способности;
- педагогический такт;
- предвидение результатов своей работы и др.

В целом к группе педагогических способностей в первую очередь относят:

- педагогическую наблюдательность;
- педагогическое воображение;
- требовательность как черту характера;
- педагогический такт;
- организаторские способности;
- простоту, ясность и убедительность речи.

Перечисленные педагогические способности позволяют успешно осуществлять все стороны педагогической деятельности.

Так, педагогическое воображение особо значимо для конструктивной деятельности – оно выражается в «проектировании» будущих знаний учащихся, умения находить заранее подходящие методы и методики. Оно выражается также в «проектировании» характера, привычек учащихся как в учебной, так и в воспитательной работе, в формировании коллектива в целом. Именно педагогическое воображение помогает учителю осуществлять развивающее обучение и воспитание.

Педагогический такт проявляется в коммуникативной стороне педагогической деятельности. Как мы уже отмечали выше, это способность к установлению правильных отношений с учениками, учителями, родителями, чувство меры в отношениях (в меру требовательность, в меру доброта), что позволяет устранять предупреждать конфликтные ситуации.

Организаторские способности также нужны для деятельности учителя, так как вся педагогическая деятельность носит организаторский характер.

Н.Д. Левитов выделяет в качестве основных педагогических способностей следующие:

- способность к передаче детям знаний в краткой и интересной форме;
- способность понимать учеников, базирующаяся на наблюдательности;
- самостоятельный и творческий склад мышления;
- находчивость или быстрая и точная ориентировка;

организаторские способности, необходимые как для обеспечения систем работы самого учителя, так и для создания хорошего ученического коллектива.

В наиболее обобщенном виде педагогические способности были представлены В.А. Крутецким, который и дал им соответствующие общие определения.

Дидактические способности – способности передавать учащимся учебный материал, делая его доступным для детей, преподносить им материал или проблему ясно и понятно, вызывать интерес к пред-

² Теплов Б.М. Избранные труды. М.: Педагогика, 1985. (тт. 1-2).

мету, возбуждать у учащихся активную самостоятельную мысль.

Академические способности - способности к соответствующей области наук (к математике, физике, биологии, литературе и т.д.).

Перцептивные способности - способность проникать во внутренний мир ученика, воспитанника, психологическая наблюдательность, связанная с тонким пониманием личности учащегося и его временных психических состояний.

Речевые способности - способность ясно и четко выражать свои мысли, чувства с помощью речи, а также мимики и пантомимики.

Организаторские способности – это, во-первых, способность организовать ученический коллектив, сплотить его, воодушевить на решение важных задач и, во-вторых, способность правильно организовать свою собственную работу.

Авторитарные способности – способность непосредственного эмоционально-волевого влияния на учащихся и умение на этой основе добиваться у них авторитета.

Коммуникативные способности – способность к общению с детьми, умение найти правильный подход к учащимся, установить с ними целесообразные, с педагогической точки зрения, взаимоотношения, наличие педагогического такта.

Педагогическое воображение (или прогностические способности) – это специальная способность, выражающаяся в предвидении последствий своих действий, в воспитательном проектировании личности учащегося, связанного с представлением о том, что из ученика получится в будущем, в умении прогнозировать развитие тех или иных качеств воспитанника.

Способность к распределению внимания одновременно между несколькими видами деятельности; имеет особое значение для работы учителя.

Профессионально-педагогическая компетентность является ключевым фактором повышения качества юридического образования. Среди неограниченного массива примеров, иллюстрирующих данное положение, сошлемся на авторитетное мнение выдающегося ученого-правоведа С.С. Алексеева о своем учителе Б.Б. Черепахине.

«В преподавании, в самой подаче правового материала Борис Борисович следовал тому же стилю, что и А.М. Винавер. Скрупулезный, дотошный разбор деталей, сопоставление различных научных позиций, ссылки на специалистов-знакоков. Борис Борисович приходил на лекции с кипой старых толстенных книг, порой открывал одну из них, приводил мнение по тому или иному вопросу Г.Ф. Шершеневича, С.А. Муромцева, И.А. Покровского, других корифеев русской цивилистики»³.

Естественно, крупная научно-педагогическая школа, яркие личности выдающихся ученых-педагогов могут сыграть решающую роль в становлении и раз-

витии профессионально компетентной личности юриста, о чем свидетельствует и приведенная выше цитата. Однако сегодня приходится с сожалением констатировать, что современная социокультурная ситуация в сфере высшего профессионального (в том числе юридического) образования обнаруживает явно негативные тенденции.

Проблема профессиональной компетентности преподавателя резко обострилась за два последних десятилетия в связи с радикальными изменениями социокультурной и экономической ситуации в стране⁴. Сегодня даже в престижный юридический вуз приходит студент, несравненно более слабо мотивированный, чем предыдущие поколения студентов, к процессу учения, не понимающий его смысла в собственной жизни и находящийся порой в вузе абсолютно не для того, чтобы овладеть конкретной профессией. Преподаватели из года в год констатируют заметное снижение уровня учебной и общей культуры студентов, неумение учиться и планировать свой образовательный и личностный рост, нежелание посещать лекции и практические занятия, факты девиантного поведения студентов. Большинство преподавателей пытаются обойти возникающие в учебном процессе противоречия, не заметить их, решить на ходу, не вдаваясь в причины, что лишь усугубляет потенциальные конфликтные ситуации. Нежелание и неумение многих преподавателей адекватно решать повседневные педагогические задачи объясняется низким уровнем сформированности их профессионально-педагогической компетентности.

Содержание и структура профессиональной компетентности во многом определяются спецификой и структурой профессиональной деятельности. Профессиональная деятельность преподавателя вуза является достаточно многоплановой. Традиционно она складывается из двух основных составляющих: педагогической и научно-исследовательской деятельности. Согласно результатам специальных исследований в профессиональной деятельности преподавателя вуза насчитывается до 85 различных видов труда, которые объединяются в пять направлений: учебная, учебно-методическая, научно-исследовательская, организационно-методическая работа и воспитание студентов. Вне пределов внимания большинства преподавателей оказывается такая существенная сфера деятельности, как исследования проблем высшей школы.

В отечественной педагогике понятие «компетентность» в качестве термина для описания конечного результата обучения начинает использоваться в последней четверти прошлого века (Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Л.А. Петровская и др.). Так, в структуру профессиональной компетентности преподавателя Н.В. Кузьмина включает пять ее видов: специальная компетентность в области преподаваемой учебной дисциплины; методологическая компетентность в области способов формирования знаний,

³ Алексеев С.С. Борис Борисович Черепахин // Цивилистическая практика. 2004. № 2. С. 71.

⁴ Левитан К.М. Юридическая педагогика. М.: Норма. 2008. С. 341.

умений и навыков учащихся; социально-психологическая компетентность в сфере педагогического общения; дифференциально-психологическая компетентность в области мотивов, способностей восприятия учащихся; аутопсихологическая компетентность в области достоинств и недостатков собственной деятельности и личности⁵.

Постепенно происходит дифференциация понятий «компетенция» и «компетентность». Компетентность многими исследователями рассматривается как более широкое понятие, включающее ряд компетенций. Компетенция — совокупность знаний, умений, навыков, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а также способность к выполнению определенной деятельности на основе полученных знаний, умений и навыков. Это заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке учащегося, необходимой для его качественной продуктивной деятельности в определенной сфере.

Компетентность — многоплановая интегративная характеристика личности, которая не идентична сумме предметных знаний, умений, навыков. Это комплексный личностный ресурс, приобретаемый в процессе практической деятельности, обусловленный интериоризацией теоретического и практического опыта. Компетентность представляет собой системную интеграцию различных компетенций и личностных качеств.

Профессионально-педагогическая компетентность — совокупность компетенций и профессионально значимых качеств личности, обеспечивающих способность и готовность специалиста к продуктивной профессионально-педагогической деятельности.

На основе главных целей образования, структурного представления социального опыта и опыта личности, а также основных видов деятельности обучающегося, позволяющих ему овладеть социальным опытом, в педагогике *выделяют ряд ключевых компетенций*:

ценностно-смысловые (мировоззрение, ценностные ориентиры, механизмы самоопределения);

общекультурные (познание и опыт деятельности в области национальной и общечеловеческой культуры; духовно-нравственные основы жизни человека; культурологические основы семейных, социальных явлений и традиций; роль науки и религии в жизни человека; компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере);

учебно-познавательные (элементы логической, методологической, общеучебной деятельности; целеполагание; планирование, анализ, рефлексия, самооценка; приемы решения учебно-познавательных задач; функциональная грамотность);

информационные (поиск, анализ и отбор необходимой информации, ее преобразование, сохранение

и передача; владение современными информационными технологиями);

коммуникативные (знание языков, способов взаимодействия с людьми, навыки работы в группе, навыки управления конфликтами);

социально-трудовые (выполнение роли гражданина, семьянина, производителя, потребителя, покупателя, представителя, избирателя, наблюдателя, клиента);

личностного самосовершенствования (способы физического, духовного, нравственного, интеллектуального саморазвития; эмоциональная саморегуляция и самоподдержка; личная гигиена, забота о собственном здоровье; внутренняя экологическая культура; способы безопасной жизнедеятельности)⁶.

Ключевые компетенции относятся к общему содержанию образования; общепредметные компетенции относятся к определенному кругу учебных предметов и образовательных областей; предметные компетенции — частные по отношению к двум предыдущим, имеющие конкретное описание и возможность формирования в рамках учебных предметов.

Лицо, успешно завершившее обучение по дополнительной профессиональной образовательной программе для получения квалификации «Преподаватель высшей школы», должно:

знать:

основы психологии личности и социальной психологии, сущность и проблемы обучения и воспитания в высшей школе, биологические и психологические пределы человеческого восприятия и усвоения, психологические особенности юношеского возраста, особенности влияния на результаты педагогической деятельности индивидуальных различий студентов;

основные достижения, проблемы и тенденции развития педагогики высшей школы в России и за рубежом, современные подходы к моделированию педагогической деятельности;

правовые и нормативные основы функционирования системы образования;

иметь представления об экономических механизмах функционирования системы высшего, послевузовского и дополнительного профессионального образования;

уметь:

использовать в учебном процессе знание фундаментальных основ, современных достижений, проблем и тенденций развития соответствующей научной области, ее взаимосвязей с другими науками;

излагать предметный материал во взаимосвязи с дисциплинами, представленными в учебном плане, осваиваемом студентами;

использовать знания культуры и искусства в качестве средств воспитания студентов;

владеть:

⁵ Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М: Высшая школа, 1990. С. 55.

⁶ Хуторской А.В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному?: пособие для учителя. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. С. 153-155.

методами научных исследований и организации коллективной научно-исследовательской работы;

основами научно-методической и учебно-методической работы в высшей школе (структурирование и психологически грамотное преобразование научного знания в учебный материал, методы и приемы составления задач, упражнений, тестов по различным темам, систематика учебных и воспитательных задач);

методами и приемами устного и письменного изложения предметного материала, разнообразными образовательными технологиями;

основами применения компьютерной техники и информационных технологий в учебном и научном процессах;

методами формирования у студентов навыков самостоятельной работы, профессионального мышления и развития их творческих способностей;

методами эмоциональной саморегуляции;

деловым профессионально-ориентированным иностранным языком.

Основное содержание профессиональной деятельности вузовского преподавателя включает выполнение следующих функций: обучающей, воспитательной, организаторской, исследовательской. Эти функции проявляются в единстве, хотя у многих преподавателей одна из них доминирует среди других. Наиболее специфично для преподавателя вуза сочетание педагогической и научной работы. Исследовательская работа обогащает внутренний мир преподавателя, развивает его творческий потенциал, повышает научный уровень занятий. В то же время педагогические цели и задачи часто побуждают к глубокому обобщению и систематизации материала, к более тщательному формулированию основных идей и выводов, к постановке уточняющих вопросов и даже порождению новых гипотез.

Согласно результатам различных исследований, всех вузовских преподавателей можно условно разделить на три группы: 1) преподаватели с преобладанием педагогической направленности (примерно 40% от общего числа); 2) с преобладанием исследовательской направленности (примерно 20% от общего числа) и 3) с одинаковой выраженностью педагогической и исследовательской направленности (около 40%).

Профессионализм преподавателя вуза в педагогической деятельности выражается в умении видеть и формулировать педагогические задачи на основе анализа педагогических ситуаций и находить оптимальные способы их решения. Заранее описать все многообразие задач, решаемых педагогами в процессе обучения и воспитания студентов, невозможно. Поэтому одной из важнейших особенностей педагогической деятельности является ее творческий характер.

Исследователи профессиональной компетентности преподавателя высшей школы (Е.П. Белозерцев, А.Л. Бусыгина З.Ф. Есарева, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя,

И.Ф. Исаев, Н.В. Кузьмина, В.А. Ситаров, В.А. Сластенин) расходятся в трактовке этого понятия и в определении его содержания, но фиксируют общие структурно-системные компоненты: профессионально-содержательный, профессионально-деятельностный, профессионально-личностный.

Профессионально-содержательный компонент предполагает наличие у преподавателя знаний и умений по преподаваемой и смежным учебным дисциплинам, теоретических знаний по основам наук, изучающих личность человека (педагогика, психология, риторика, философия, этика), что обеспечивает осознанное определение педагогом содержания его профессиональной деятельности по воспитанию, обучению и развитию личности специалиста.

Профессионально-деятельностный компонент включает в себя профессиональные знания и умения, апробированные в педагогической практике, освоенные личностью как наиболее эффективные. Здесь приоритетными становятся инновационные образовательные технологии, активные методы обучения, базирующиеся на комплексном осмыслении психолого-педагогической ситуации и перспективном ее прогнозировании.

Профессионально-личностный компонент охватывает профессионально значимые личностные качества преподавателя, перечень которых может достигать нескольких десятков, объединенных в крупные блоки: педагогические способности, интеллект, имидж и авторитет преподавателя.

На основе разработанной А.Л. Бусыгиной «модели идеального преподавателя» в структуре его профессиональной компетентности предлагается выделять два больших блока — вариативный концептуальный, являющийся индивидуальным для каждого преподавателя в зависимости от конкретной образовательной области, в которой он преподает, и инвариантный, не зависящий от профиля вуза или специальности и являющийся общим для любого преподавателя.⁷ Концептуальная компетентность преподавателя содержит знание преподаваемой дисциплины, знание концепций смежных и основных дисциплин специальности, а также дисциплин эколого-социально-экономического блока.

Инвариантный блок образуют психолого-педагогическая компетентность преподавателя, коммуникативная компетентность и профессионально значимые качества личности преподавателя.

Одним из главных требований к преподавателю вуза является его концептуальная компетентность не только в преподаваемой дисциплине, но также в смежных дисциплинах, ключевых дисциплинах специальности, а также в дисциплинах эколого-социально-экономического блока. Реализация стратегии устойчивого развития страны в качестве приоритетных задач требует воспитания нового качества человека (ноосферного), нового сознания (экологического), нового качества образования (интегративного). Для разработки конструктивных программ пре-

⁷ Бусыгина А.Л. Профессор – профессия: теория проектирования содержания образования преподавателя вуза. Самара, 2003.

одоления глобального экологического кризиса требуются специалисты, одинаково хорошо представляющие его техническую, биологическую, экономическую, юридическую и социальную стороны.

Интеграция социально-экономических, экологических, технологических и юридических знаний способствует формированию целостной картины связей в системе «человек-природа-общество». Такие понятия, как «ресурсы», «себестоимость», «прибыль», «рентабельность», «цена», «потребности», «природопользование», «производство», «технология», «здоровье», «ответственность перед обществом» и многие другие при таком преподавании должны восприниматься и усваиваться студентами системно. Системообразующим элементом учебно-воспитательного процесса в вузе с первого по выпускной курс становится связь всех областей знаний, подчиненных социальным императивам (общечеловеческим ценностям — сохранению жизни на планете, здоровья и экологических благ).

Эффективным средством формирования концептуальной компетентности преподавателя в условиях ограниченного времени являются тезаурусы (от греч. *thesauros* — сокровище, клад, множество) дисциплин или специальностей. Тезаурус дисциплины, составленный ведущими специалистами соответствующей области знания, представляет собой ее концентрированное выражение, или «ядро», в виде необходимого и достаточного набора терминов-понятий. Свертка мыслительных операций, которая происходит при усвоении научных концептов, — это важнейшее умение, необходимое преподавателям и студентам.

Психолого-педагогическая компетентность преподавателя состоит из следующих компонентов:

- построение учебного курса на современных принципах дидактики высшей школы;
- рациональный выбор и реализация форм учебного процесса;
- организация (воспитание) внимания и понимания студентов;
- рациональное использование и развитие видов памяти студентов;
- организация целесообразной формы контроля знаний и умений студентов;
- формирование умений студентов работать в информационной среде;
- определение бюджета времени студента на внеаудиторную самостоятельную работу и усвоение учебного материала;
- организация самостоятельной работы студентов;
- развитие умений продуктивного чтения.

Поскольку педагогическая деятельность является творческим процессом решения многообразных профессиональных задач, то преподаватель-исследователь строит свою работу в соответствии с общими правилами эвристического поиска: анализ педагогической ситуации; проектирование результата в соответствии с исходными данными; анализ имеющихся средств, необходимых для достижения и проверки

искового результата; оценка полученных данных, формулировка новых задач. Профессиональная компетентность преподавателя вуза реализуется в процессе постановки и решения аналитико-рефлексивных, конструктивно-прогностических, организационно-деятельностных, оценочно-информационных и коррекционно-регулирующих задач.

Соответствующие умения служат универсальной характеристикой педагогической деятельности и степени ее освоения преподавателем. По уровню сформированности профессионально-педагогической компетентности выделяют четыре группы преподавателей: 1) преподаватели адаптивного (самого низкого) уровня; 2) репродуктивного; 3) эвристического; 4) креативного (самого высокого) уровня.

Основу оптимальной модели системы аналитико-рефлексивных умений составляют умения: осуществлять рефлексивный анализ собственной профессиональной деятельности, деятельности коллег и студентов; выделять главное звено для анализа; осмысливать способы достижения результатов своей профессиональной деятельности; анализировать возникающие трудности.

Наиболее значимые конструктивно-прогностические умения преподавателя: конструировать профессиональную деятельность и предвидеть ее результаты, учитывая психологические и социально-демографические особенности студенческой аудитории; использовать при планировании педагогической деятельности требования профессиограммы личности специалиста; учитывать в своей педагогической работе уровень развития личности и деятельности студентов; планировать индивидуальную работу со студентами и прогнозировать ее эффективность; опираться при конструировании педагогической деятельности и прогнозировании ее результативности на психолого-педагогические знания.

Среди организационно-деятельностных умений наиболее профессионально важными считаются умения устанавливать педагогически целесообразные отношения со всеми участниками образовательного процесса и рационально организовывать свое рабочее время и время студентов.

Основу оценочно-информационной деятельности преподавателя составляют умения: диагностировать уровень обученности, воспитанности и развития личности будущего специалиста; оценивать степень профессиональной готовности студентов; использовать систему контроля за ходом учебно-воспитательного процесса.

Основными умениями коррекционно-регулирующей деятельности преподавателя являются умения: оперативно использовать информацию о состоянии личности и учебной деятельности студентов; поддерживать педагогическое общение со студентами на основе совместной творческой деятельности; применять разнообразные методы стимулирования учебно-познавательной, научно-исследовательской работы студентов, их самообразования, самовоспитания и саморазвития; вносить коррективы в целевой, со-

держательный и операционный компоненты своей профессиональной деятельности.

Ведущими умениями, которые составляют ядро профессионально-педагогической компетентности преподавателя и могут служить критерием ее сформированности, являются умения: оперативно получать и использовать информацию о развитии личности будущего специалиста; оперативно использовать информацию о собственном профессиональном развитии; поддерживать общение со студентами на

основе педагогики сотрудничества; применять разнообразные методы стимулирования учебно-познавательной и научно-исследовательской деятельности студентов. Характерным отличием профессионально-педагогической компетентности преподавателей креативного уровня является сформированность системообразующих умений, отсутствие разрывов в системе всех профессионально значимых умений на более высоком уровне корреляционных связей⁸.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Борис Борисович Черепяхин // Цивилистическая практика. – 2004. – № 2.
2. Бусыгина А.Л. Профессор – профессия: теория проектирования содержания образования преподавателя вуза. – Самара, 2003. – 197 с.
3. Колотов А.Ф., Скуратов И.В. Методика преподавания права. Учебное пособие для студентов магистратуры. – Оренбург: ИПК «Университет», 2014. – 278 с.
4. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. – М: Высшая школа, 1990. – 117 с.
5. Левитан К. М. Юридическая педагогика: учебник. – М.: Норма, 2008. – 432 с.
6. Педагогика для юристов (Обсуждение книги: Левитан К.М. Юридическая педагогика: учеб. – М.: НОРМА, 2007. – 432 С.) // Российский юридический журнал. № 2 (65). 2009. С. 223-241.
7. Теплов Б.М. Избранные труды. – М.: Педагогика, 1985. (тт. 1-2). Т. 1. – 1985. – 328 с. Т. 2. – 1985. – 355 с.
8. Хуторской А.В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному?: пособие для учителя. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. – 383 с.

Рецензент: Кочеткова Е.С., доцент кафедры теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ист.н., доцент.

⁸ Колотов А.Ф. Методика преподавания права: учебное пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению 030900 «Юриспруденция» / А.Ф. Колотов, И.В. Скуратов. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. С. 271.

СОКОЛОВА АННА ИГОРЕВНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, norma_m@inbox.ru

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ И ОКРУГАХ

SOKOLOVA ANNA IGOREVNA

PHD in Law, associate professor, associate professor of the Department of constitutional and international public law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, norma_m@inbox.ru

ABOUT CERTAIN FEATURES OF THE ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN URBAN SETTLEMENTS AND DISTRICTS

Аннотация. В статье отмечается, что законодатель предусмотрел отдельные особенности урбанизированных муниципальных образований в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, а также отличающиеся основы организации местного самоуправления, связанные с реализацией государственных, научных или иных публичных задач, в городских округах с особым статусом – в специальных федеральных законах. Однако объем подобных правовых конструкций значительно меньше числа фактических отличий правовой природы городского самоуправления. Вносится предложение по доработке законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» с учетом политических и экономических, социальных, географических и иных характеристик типичных видов урбанизированных муниципальных образований в качестве основы организации местного самоуправления в городах.

Ключевые слова: территориальное развитие, город, село, урбанизация, территориальная основа местного самоуправления, поселенческий принцип, муниципальное право, городское право.

Review. The article notes that the legislator provided for certain features of urbanized municipalities in Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003, as well as different foundations of the organization of local self-government related to the implementation of state, scientific or other public tasks in urban districts with a special status - in special federal laws. However, the volume of such legal constructions is significantly less than the number of actual differences in the legal nature of city self-government. A proposal is being made to finalize bill No. 40361-8 «On the general principles of the organization of local self-government in a unified system of public authority», taking into account the political and economic, social, geographical and other characteristics of typical types of urbanized municipalities as the basis for the organization of local self-government in cities.

Keywords: territorial development, city, village, urbanization, territorial basis of local self-government, settlement principle, municipal law, urban law.

В настоящее время муниципальное право оказалось на «предреформенной» стадии развития – действующее правовое состояние отрасли права, науки и учебной дисциплины не в полной мере отражает современное развитие общественных отношений.

При этом предложенные в рамках законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹ правовые конструкции не получили необходимой поддержки у практиков и экспертов в сфере местного самоуправления. Законодательный процесс «остановился» во втором чтении.

Представляется, что новая редакция нормативного правового акта будет принята уже в условиях ста-

билизации всех сфер общественных отношений в государстве, и к этому времени очень высока потребность в исключении выявленных противоречий правовой природе местного самоуправления и учете нового теоретического осмысления институтов и правоприменительной практики.

Так, легальное определение особенностей организации местного самоуправления в городах в настоящее время в первую очередь включает в себя установления ст. 2 и гл. 2 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² (далее – Закона), однако не ограничивается данными положениями. Отдельные элементы

¹ Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 30.10.2022).

² СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

правового статуса урбанизированных муниципальных образований устанавливаются также нормами Градостроительного кодекса Российской Федерации, иными федеральными законами и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, а также муниципальными правовыми актами.

Однако, несмотря на значительное количество источников правового регулирования, территориальная основа местного самоуправления, как институт права, в определенной степени пробельна и коллизионна. Одна из первичных правовых категорий, «город», – не находит в действующем законодательстве легальную дефиницию и используется как абстрактный термин.

В Законе определяются такие виды урбанизированных муниципальных образований как: городское поселение, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородские район и территория. Анализ легальных дефиниций свидетельствует о том, что в них не раскрыта правовая природа категорий, и содержание носит формализованный характер. Помимо прочего определения строятся через круг, дублируя вид муниципального образования и сущность местного самоуправления. Можно предположить, что основной целью законодателя в части формирования понятийного аппарата было отделить урбанизированные муниципальные образования от населенных пунктов, не обладающих статусом административно-территориальной единицы, в которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. Дефиниция муниципального образования также не раскрывает правовую природу термина, а формируется через перечисление его видов.

В продолжение указанных выводов и в соответствии с абз. 2 ч. 2 ст. 2 Закона словосочетания «городской округ» и «городской округ с внутригородским делением» и образованные на их основе слова и словосочетания применяются в законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации в одном значении. Таким образом, в абсолютном большинстве случаев правовой конструкцией города «смешиваются» все «однокоренные» понятия.

Подобная позиция законодателя не отвечает современной потребности регулирования общественных отношений в городах, однако строится на логичном аргументе о значительном перечне типичных свойств урбанизированных муниципальных образований. Так, их объединяет тесная взаимосвязь с государственной властью и ее представителями.

В этом аспекте подобная практика эффективно отражает конституционализированную в 2020 г. правовую категорию «система публичной власти». То есть принцип единства системы публичной власти в Российской Федерации, предполагающий взаимодействие органов и должностных лиц всех уровней власти для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, максимально результативен в рамках городского самоуправления.

Тесная взаимосвязь города с государственностью проявляется посредством взаимодействия органов и должностных лиц государства, располагающихся всегда на городской территории и использующих урбанистические потенциал и ресурсы. При этом различия или классификация и, следовательно, степень государственного участия в решении вопросов местного значения есть внутри города. Она определяется от меньшего к большему в зависимости, в первую очередь, от численности населения: малые города, средние, большие, крупные, крупнейшие и города-миллионники.

Указанный вывод подтверждается и тем, что в наименовании городского округа, являющегося административным центром субъекта Российской Федерации, в соответствии со ст. 9.1. Закона указание на наименование этого субъекта Российской Федерации в наименовании данного муниципального образования может не приводиться. В то время как указанный принцип обязателен для всех остальных видов муниципальных образований.

Важно обозначить, что в рамках тенденции укрупнения муниципальных образований, формирования городских округов за счет территорий «ликвидированных» сельских поселений, положительно решается ряд политических и экономических вопросов и может повыситься эффективность внутрирегионального управления за счет упрощения взаимодействия между уровнями власти. Однако централизация и «ручное государственное управление» не соответствует конституционной природе местного самоуправления, затрудняет реализацию идей демократии на местах, кроме того, командно-административное решение вопросов местного значения не позволяет формироваться системе предотвращения и профилактики муниципальных проблем.

Поэтому определенную правовую ценность в рамках реализации данной тенденции территориального развития муниципальных образований имеют положения ст. 10 Закона, предусматривающие, что местное самоуправление может осуществляться на территориях внутригородских районов городских округов с внутригородским делением. В отличие от населенных пунктов, которые образуются в условиях реализации обозначенных территориальных преобразований. Таким образом, крупные города сохраняют в рамках вновь созданной формы реальную возможность осуществления городского самоуправления. Кроме того поселения, присоединяемые к городскому округу с внутригородским делением, наделяется законом субъекта Российской Федерации статусом внутригородского района.

Правовая конструкция данных видов муниципальных образований и все указанные нормы были введены в текст Закона в 2014 году, который большинством ученых определяется точкой активизации тенденции территориального развития по укрупнению муниципальных образований. Однако практически к нивелированию правовой природы города привело первичное введение в Закон термина «городской ок-

руг», действующее с 03 апреля 2017 года по 01 мая 2019 года. Дефиниция последнего включала один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями. Таким образом, фактически городской округ мог быть сформирован без города, городского поселения в своем составе.

Легальные принципы установления и изменения границ урбанизированных муниципальных образований учитывают потенциал формирования и развития городских агломераций.

Так, территорию городского округа составляют земли населенных пунктов, прилегающие к ним земли общего пользования, земли рекреационного назначения, земли для развития городского округа. При этом непосредственно в состав территории городского округа входят один или несколько городов (городских населенных пунктов), в которых проживает не менее двух третей населения; территории сельских населенных пунктов и территории, предназначенные для развития социальной, транспортной и иной инфраструктуры городского округа, размер которых не может превышать в два и более раза площадь территорий данных городов (городских населенных пунктов). На территории городского округа плотность населения должна в пять и более раз превышать среднюю плотность населения в Российской Федерации.

И здесь важно отметить принципиальную позицию федерального законодателя, определяющего единственными значимыми легальными отличиями городского муниципального образования от иных видов **численность населения и площадь территории**. Согласно ч. 10 ст. 12 Закона городские округа, которые в результате преобразований муниципальных образований перестают соответствовать установленным требованиям к доле населения, проживающего в городах (городских населенных пунктах), и площади территории городского округа либо к плотности населения на территории городского округа подлежат наделению законом субъекта Российской Федерации статусом муниципального округа.

Применительно к границам городских округов законодатель указывает на значимую правовую категорию – единое городское хозяйство, объединяющее в себя идеи экономической и социальной основ местного самоуправления. При грамотном управлении городским хозяйством возможно максимально раскрыть потенциал самоуправления в городах, однако легальная дефиниция правовой категории также отсутствует.

Схожий потенциал формирования и развития агломерации предусмотрен и в отношении городских поселений. Легально определено, что в состав территории городского поселения могут входить один город или один поселок, а также в соответствии с генеральным планом городского поселения территории, предназначенные для развития его социальной, транспортной и иной инфраструктуры (включая территории поселков и сельских населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями). Кро-

ме того, возможно наделение городского поселения статусом городского округа законом субъекта Российской Федерации при наличии сложившейся социальной, транспортной и иной инфраструктуры для самостоятельного решения вопросов местного значения городского округа, а также в том случае, если подобное развитие предусмотрено и учтено и подтверждено генеральным планом данного городского поселения.

Нормативная правовая основа осуществления местного самоуправления в городах определяется наибольшим образом вопросами местного значения, составляющими ядро компетенции соответствующего вида урбанизированного муниципального образования. И здесь важно отметить, что правовая категория вопросы местного значения – это самостоятельная конституционная ценность. Согласно ч. 1 ст. 130 Конституции Российской Федерации местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Таким образом, указанной конституционной нормой понятием «вопросы местного значения» определяется самостоятельность и независимость местного самоуправления от государственной власти, а также обозначается часть правовой природы и компетенции наиболее близкого к населению уровня публичной власти.

При этом действующее правовое регулирование несколько выходит за объем правовой категории «вопросы местного значения» и включает в себя регламентацию и предметов ведения, и полномочий поселенческих муниципальных образований, то есть компетенцию в целом.

Развивая собственную позицию аналогичного правового регулирования статуса городского и сельского поселения, законодатель не разграничивает вопросы ведения данных видов муниципальных образований в отдельные статьи. Не выделяются законодателем и специальные «урбанизированные» вопросы местного значения, в абсолютном большинстве случаев перечень един для городских и сельских поселений, однако ряд не базисных положений или наиболее финансово затратные вопросы на территориях сельских поселений решаются органами местного самоуправления соответствующих муниципальных районов. В этих случаях данные вопросы являются вопросами местного значения муниципальных районов.

Таким образом, законодателем формулируется позиция о том, что сельские поселения по своей правовой природе предназначены для непосредственной и первичной организации предоставления населению основных жизненно важных услуг. Муниципальные районы, как муниципальные образования второго уровня компетентны в тех случаях, когда поселение не может решить свой вопрос местного значения самостоятельно, не обладая необходимым социально-экономическим потенциалом, или когда эффективным будет только решение вопроса сообща, с точки

зрения управленческого и экономического взаимодействия.

Поэтому в зависимости от ресурсного потенциала за сельскими поселениями могут закрепляться любые из числа предусмотренных вопросов местного значения городских поселений за исключением организации и осуществления мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, защите населения и территории поселения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Обозначенные полномочия, не входящие по указанию законодателя в компетенцию сельского поселения, являются очередным подтверждением вывода об особой взаимосвязи города и государства. В силу того, что они не столько отражают природу местного самоуправления, сколько представляются «государственными полномочиями изначально, федеральным законом делегированными городам» или «огосударственными вопросами местного значения».

Помимо непосредственно перечисленных законодателем вопросов местного значения городских и сельских поселений, за органами местного самоуправления последних признаются права на решение не собственно поселенческих вопросов. В соответствии со ст. 14.1. Закона прямо приведен перечень и иных «огосударственных вопросов местного значения» (опека и попечительство, реализация прав местных национально-культурных автономий, профилактика правонарушений, защита прав потребителей и иные), а также в целом определено право поселений участвовать в осуществлении иных государственных полномочий, в определенных Законом случаях за счет средств местных доходов. Аналогичный принцип установлен для всех видов муниципальных образований.

В перечне общих для городских и сельских поселений вопросов местного значения необходимо особо отметить положения п. 20 ч. 1 ст. 14 Закона, предусматривающие выдачу градостроительного плана земельного участка, расположенного в границах поселения, утверждение местных нормативов градостроительного проектирования поселений, уведомления о соответствии или несоответствии объекта строительства требованиям законодательства о градостроительной деятельности. Данная терминология предопределяет собой градостроительство и применение непосредственно связанных с термином полномочий в отношении сельских поселений, не предусматривая их отличия от урбанизированных муниципальных образований.

Вопросы местного значения муниципального и городского округа аналогично городского и сельского поселения не разграничиваются в отдельные статьи. Как муниципальные образования второго уровня округа включают в себя добавочные полномочия организационного характера, требующих дополнительных социально-экономических затрат. При этом

законодатель не отмечает ни один вопрос местного значения, которым бы отличалась компетенция городского округа от муниципального.

Вопросы местного значения внутригородского района сформулированы менее подробным перечнем по сравнению с поселенческими в силу того, что многие институты организационно-правового характера входят в предметы ведения их городских округов, однако уставами одновременно района и округа, и Законами субъекта Российской Федерации могут закрепляться за внутригородскими районами любые вопросы местного значения городских округов. При этом источники доходов местных бюджетов внутригородских районов определяются исходя из необходимости сохранения единства городского хозяйства с округом.

Касательно форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления законодательно не выделяются особенности урбанизированных муниципальных образований, однако в теории науки муниципального права отмечается, что территориальное общественное самоуправление представляется формой непосредственной демократии, получающей широкое распространение в городской среде в отличие от деятельности сельских старост.

Нормативное правовое регулирование организационной, правовой и экономической основ местного самоуправления так же не определяет принципиальные или иные значимые отличия в системе городского самоуправления по сравнению с местным самоуправлением в иных видах муниципальных образований. Особенности устанавливаются только касательно различий в муниципальных образованиях «верхних» и «нижних», то есть первого и второго уровня, опосредованных сложностью их административно-территориальной структуры.

Межмуниципальное сотрудничество, как и ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, контроль и надзор за их деятельностью строятся на единых принципах для всех видов муниципальных образований. Однако практика деятельности различных ассоциаций и советов муниципальных образований свидетельствует о том, что городские округа и поселения повсеместно входят в состав не только общих межмуниципальных организаций, но и в специальные урбанизированные: Союз российских городов, Ассоциация Сибирских и Дальневосточных городов, Союз городов Центра и Северо-Запада России, Ассоциация малых и средних городов России, Ассоциация «Города Урала», Ассоциация городов Поволжья, Международная Ассамблея столиц и крупных городов (МАГ). Более того в размещенном на официальном сайте Комитета Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению³

³ Союзы и ассоциации муниципальных образований, иные организации межмуниципального сотрудничества // Материалы официального сайта Комитета Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению. URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/Soyuzy-i-associacii-municipalnyh-obrazov> (дата обращения 05.11.2022).

перечне межрегиональных союзов и ассоциаций муниципальных образований, иных организаций межмуниципального сотрудничества отсутствуют объединения иных видов муниципальных образований – все они носят исключительно городской характер. Объединение сельских поселений имеет место в аспекте взаимодействия с малыми городами или в рамках повышения эффективности сельского хозяйства, отдельные интересы сел и деревень представляются в политико-социальной системе общероссийскими общественными движениями⁴.

Нормативное правовое регулирование особенностей организации местного самоуправления гл. 11 Закона носит отсылочный характер, подробная регламентация содержится либо в специальных федеральных законах, либо в законах субъектов Российской Федерации. Большинство муниципальных образований с подобным особым правовым статусом являются городскими округами или иными урбанизированными муниципальными образованиями: внутригородские территории в городах федерального значения, закрытые административно-территориальные образования, наукограды, инновационный центр «Сколково», территории опережающего развития, инновационные научно-технологические центры, Военный инновационный технополис «Эра» и другие.

Таким образом, действующее нормативное правовое регулирование особенностей осуществления местного самоуправления в городских округах и поселениях находится на одной из первых ступеней развития. Законодатель уже определяет отдельные особенности урбанизированных муниципальных образований в общем законе, Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», однако их число пока минимально. Легально предусмотрены особенности организации местного самоуправления в городских округах с особым статусом, связанным с реализацией государственных, научных или иных публичных задач в специальных федеральных законах, что также подтверждает особую взаимосвязь города с государственностью в единой системе публичной власти.

При этом нормативно-обусловленная, грамотная урбанизация обеспечит повышение качества жизни населения в том числе, за счет развития сектора городских услуг. Положительным примером можно определить Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р ИСО 37120-2020 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни», вступивший в силу 01 августа 2021 года. Государственный стандарт идентичен меж-

дународному аналогу ИСО 37120:2018* «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни» (ISO 37120:2018 «Sustainable cities and communities – Indicators for city services and quality of life», IDT) и включен в Приказ Росстандарта от 08 августа 2022 г. № 1963 «О закреплении документов национальной системы стандартизации за техническим комитетом по стандартизации «Устойчивое развитие административно-территориальных образований» (ТК 115)»⁵.

В обозначенных правовых установлениях городские услуги и качество жизни определены как факторы, способствующие повышению устойчивости или качества жизни в городе, отдельно указаны показатели для интеллектуальных городов и показатели для устойчивых городов. В целях их оценки, а также общей – по эффективности функционирования городов установлены стандартизированные показатели, поскольку иным образом невозможно провести анализ по периодам времени или по разным городам⁶.

Таким образом, чтобы определить правовой статус города в целях реализации потенциала его развития, необходимо не только проанализировать действующие правовые конструкции. Современное состояние общественных отношений в городских поселениях и округах нуждается в учете политических и экономических, социальных, географических и иных характеристик типичных видов муниципалитетов и межмуниципальных образований в качестве основы непротиворечивого правового регулирования.

Так, в первую очередь, представляется востребованным включить в нормы муниципально-правового регулирования основные положения геоурбанистики⁷, смежной с муниципальным правом объектной дисциплины социально-экономической географии, изучающей город как форму расселения. Перспективным направлением развития системы права становится и выделение городского права в самостоятельную отрасль права, берущую свое начало в комплексном муниципальном праве и учитывающую достижение иных отраслей научного знания.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что дальнейшее развитие муниципального правового регулирования особенностей организации местного самоуправления в городских поселениях и округах видится в учете в рассматриваемом законопроекте положений не юридических отраслей научного знания, определяющих одним из предметов своих исследований город. В условиях приоритета поселенческого принципа территориальной организации местного самоуправления, идущего из правовой природы последнего, в современных условиях долж-

⁴ Напр.: Общероссийское общественное движение «Федеральный сельсовет» создано по инициативе граждан из сел, деревень и городов России. URL: <http://fed-selsovet.ru/> (дата обращения 05.11.2022).

⁵ Приказ Росстандарта от 08.08.2022 № 1963 «О закреплении документов национальной системы стандартизации за техническим комитетом по стандартизации «Устойчивое развитие административно-территориальных образований» (ТК 115)» // Официальный сайт Росстандарта. URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational?portal> (дата обращения: 12.11.2022).

⁶ ГОСТ Р ИСО 37120-2020. Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200174970?section=text> (дата обращения: 24.10.2022).

⁷ Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 124.

ны быть проанализированы и отражены в правовом регулировании различные административно-политические функции и правовая природа урбанизированных муниципальных образований, обосновано и легальное закрепление градации административной

иерархии городов. Данные предложения заложат основу совершенствования городского самоуправления, формирования собственных вопросов местного значения в городах, а также активизации деятельности городских сообществ.

Библиографический список

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.

Рецензент: Архирейская Т.Ю., заведующий кафедрой конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

СОКОЛОВА ОКСАНА ВАЛЕРЬЕВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

ЧУБЫКИНА КРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА

магистрант кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, ctchubykina@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

SOKOLOVA OKSANA VALERIEVNA

PHD in Law, associate professor of the Department of constitutional and international law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, orenburg@msal.ru

CHUBYKINA KRISTINA ALEXANDROVNA

Master's student of the Department of Constitutional and International Law of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, ctchubykina@yandex.ru

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF MUNICIPAL SERVICE IN THE CONTEXT OF MUNICIPAL REFORM

Аннотация. *Общая тенденция выстраивания единой системы публичной власти в Российской Федерации требует продолжения исследований по вопросу разграничения статусов государственной и муниципальной службы, обозначая акцент именно на их взаимосвязи и взаимозависимости.*

Ключевые слова: *муниципальная служба, государственная служба, публичная власть, органы местного самоуправления.*

Review: *The general trend of building a unified system of public authority in the Russian Federation requires continued research on the issue of distinguishing the statuses of state and municipal service, indicating the emphasis on their relationship and interdependence.*

Keywords: *municipal service, civil service, public authority, local government.*

Местное самоуправление, как многогранное конституционное явление, остается в фокусе внимания исследователей с момента его возрождения в России в 90-е годы двадцатого века до настоящего времени¹. За этот период местное самоуправление претерпевало различные трансформации, что отражалось прежде всего, в развитии законодательной основы его организации и деятельности. В центре внимания ученых и практиков оказывались различные аспекты муниципальной власти, в том числе и вопросы, связанные с развитием института муниципальной службы.

Новый виток актуализации вопросы организации местного самоуправления получили с принятием по-

правок в действующую Конституцию Российской Федерации².

В результате конституционной реформы органы местного самоуправления были включены в систему публичной власти. В соответствии с ч. 3 ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Учитывая формулировку, установленную в ст. 12 Конституции РФ о том, что органы местного само-

¹ Теоретические и практические вопросы функционирования местного самоуправления исследовали такие авторы, как С.А. Авакьян, А.С. Автономов, Г.В. Атаманчук, Г.В. Барабашев, В.А. Баранчиков, В.И. Васильев, И.В. Выдрин, В.А. Кокотов, М.А. Краснов, О.Е. Кутафин, В.А. Пертцки, Н.Л. Пешин, Н.В. Постовой, В.И. Фадеев, В.Е. Чиркин, К.Ф. Шеремет, Е.С. Шургина.

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2022).

управления не входят в систему органов государственной власти, это нововведение ставит в некоторую неопределенность автономию местного самоуправления в России.

Например, одной из новелл в правовом регулировании местного самоуправления в России стала возможность органов государственной власти непосредственно оказывать свое влияние на процесс формирования органов муниципальной власти, что, соответственно, многими теоретиками права оценивается как угроза самостоятельности местного самоуправления в России в целом и муниципальной службы, в частности.

Общая тенденция выстраивания единой системы публичной власти в Российской Федерации ставит под вопрос также и разграничение статусов государственной и муниципальной службы, обозначая акцент именно на их взаимосвязи и взаимозависимости.

В то же время было бы неверным рассматривать как некое автономное образование, муниципальную службу по отношению к государственной, Конституционалисты отмечают, что тесная связь государственной, государственной гражданской и муниципальной служб в Российской Федерации прежде всего обуславливается тем, что все эти виды службы публичной, которые обеспечивают управленческие функции и властные полномочия, осуществляются на профессиональной основе кадрами государственных, государственных гражданских и муниципальных служащих, имеющих по своей природе немало как общего, так и особенного³.

Значимость института муниципальной службы и ее особенности проявляются в уровнях правового регулирования этого института.

Во-первых, нормами Конституции РФ определены «контуры» института муниципальной службы, в том числе установлена взаимосвязь с основными конституционными положениями, относящимися в целом к местному самоуправлению. Условно, конституционные нормы, относящиеся к местному самоуправлению, можно разделить на следующие группы:

- группа норм, определяющих правовой статус местного самоуправления и муниципальной службы, в частности, нормы определяющие взаимоотношения с государственной властью и обособление местного самоуправления от государства, а также нормы, определяющие основную модель выстраивания системы публичной власти в Российской Федерации;

- группа норм, закрепляющих основные права граждан в области местного самоуправления, и, в частности нормы, регулирующие основы избирательного права в России, в том числе и на уровне местной власти, нормы, регулирующие право граждан на ин-

дивидуальный и коллективный формат обращения в государственные и муниципальные органы власти и др.;

- группа норм, устанавливающих основы организации и принципы правового статуса органов местного самоуправления.

Во-вторых, свое развитие конституционные нормы получают в отраслевых федеральных законах. В частности, законодательное регулирование понятийного аппарата муниципальной службы началось в 1998 году, когда в федеральном законе от 8.01.1998 г. № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» во второй статье муниципальная служба была определена как «профессиональная деятельность, которая осуществляется на постоянной основе на муниципальной должности, не являющейся выборной»⁴.

В дальнейшей институционализации муниципальной службы определяющую роль сыграл Федеральный Закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁵ (далее – ФЗ «Об общих принципах»), который закрепил основные принципы и положения муниципальной власти, общие критерии организации и функционирования местного самоуправления как формы осуществления народовластия в России.

Стоит отметить, что данный акт в своих нормах определил основы правового регулирования правового статуса муниципального служащего в России.

Помимо этого, ФЗ «Об общих принципах» установил базовые положения муниципальной службы в России: равный доступ к муниципальной службе; регулирование муниципальной службы актами органов государственной власти и уставами муниципальных образований в соответствии с региональным и федеральным законодательством; определение статуса граждан, осуществляющих муниципальную службу, как муниципальных служащих.

Характеризуя этапы законодательного регулирования муниципальной службы, необходимо обратить внимание, что принятие Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»⁶ произошло в русле серьезного обновления всей законодательной базы о муниципальной службе в Российской Федерации, ставшего одной из основных частей проводимой административной реформы муниципальной службы в новой России.

Очевидно, что и предстоящая муниципальная реформа окажет влияние и на институт муниципальной службы. Как следует из пояснительной записки к проекту федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой

³ Козбаненко В.А. Публично-правовая природа статуса гражданских и муниципальных служащих: общее и особенное // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 3. С. 43.

⁴ Федеральный закон от 8 января 1998 года № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 25 июля 2002 г.) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 224; 2002. № 47. Ст. 3230.

⁵ Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 1 июля 2021 г. №-289-ФЗ) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2021. № 27. Ст. 5117.

⁶ Федеральный закон от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 26 мая 2021 г. № 152-ФЗ) // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152; 2021. № 22. Ст. 3687.

системе публичной власти»⁷, проект подготовлен в развитие положений Конституции РФ о единой системе публичной власти и направлен на совершенствование организации местного самоуправления в Российской Федерации и реализацию принципа единства системы публичной власти, предполагающего «согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан»⁸.

В соответствии с конституционными основами единства публичной власти ставится задача построить обновленную модель организации и деятельности органов местного самоуправления. Что касается правовых основ муниципальной службы, статья 31 законопроекта устанавливает, что правовое регулирование муниципальной службы, включая требования к должностям муниципальной службы, определение статуса муниципального служащего, условия и порядок прохождения муниципальной службы, осуществляется федеральным законом, а также принимаемыми в соответствии с ним законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований и иными муниципальными правовыми актами.

Очевидно, эта рамочная норма будет развиваться в специальном законодательстве о муниципальной службе, с учетом заложенного в законопроекте нового вектора трансформации местного самоуправления в контексте включения органов местного самоуправления в систему органов публичной власти.

Анализ статистических данных о состоянии муниципальной службы в Российской Федерации показывает, что имеется ряд вопросов и актуальных задач, требующих решения: недостаточная обеспеченность муниципальных образований квалифицированными кадрами; высокая текучесть кадров органов местного самоуправления; недостаток молодых специалистов, повышение среднего возраста муниципальных служащих; низкий уровень материально-технического обеспечения органов местного самоуправления. Решение указанных вопросов лежит в нескольких плоскостях.

С одной стороны, необходимо принятие мер, в целом повышающих престиж муниципальной службы, к которым относятся такие, как повышение возможностей для профессионального роста сотрудников органов местного самоуправления, развитие системы «кадровых» лифтов в органах местного самоуправления, закрепление дополнительных мер соци-

альной поддержки и социальных гарантий для муниципальных служащих; более широкое внедрение в деятельность органов местного самоуправления современных информационных технологий, цифровых решений в целях развития информационного взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти.

С другой стороны, как справедливо отмечает О.В. Сидорова, для современного муниципального служащего недостаточно иметь необходимые знания в экономической, социальной и правовой сферах, и уметь применить их на практике, он также должен обладать многочисленными управленческими и коммуникативными навыками, а необходимость усовершенствования решения кадровых вопросов обусловлена рядом таких факторов, как изменение качественных и количественных характеристик корпуса служащих и должностных лиц органов местного самоуправления; расширение и усложнение задач, возникающих в сфере материального производства; возникновение новых потребностей в определенном профессиональном опыте, знаниях⁹.

Полагаем, что для достижения вышеуказанных качеств муниципальными служащими и, таким образом, повышения статуса муниципальной службы в целом, необходимо продолжение теоретических исследований феномена муниципальной службы.

В теории муниципального права существуют два основных подхода к пониманию муниципальной службы: деятельностный и институциональный.

Первый подход раскрывает понятие муниципальной службы через профессиональную деятельность, направленную на реализацию публично-властных полномочий управления, как это и принято в легальном определении, указанном в федеральном законодательстве¹⁰. Второй подход интерпретирует муниципальную службу как социально-правовой или публично-правовой институт практического осуществления задач и функций местного самоуправления, для которого характерны свои особенности¹¹.

Важно отметить, что научные исследователи в сфере конституционного права рассматривают муниципальную службу, прежде всего, как форму осуществления публичной власти, поэтому определение муниципальной службы происходит сквозь призму осуществления публично-властных полномочий на профессиональной основе и за счет средств местного бюджета для решения вопросов местного значения в интересах муниципальных образований с учетом об-

⁷ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 26.11.2022).

⁸ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

⁹ Сидорова О.В. Современное состояние, проблемы и перспективы развития муниципальной службы в России // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8(212). С. 55.

¹⁰ Право государственной и муниципальной службы: учебное пособие / отв. ред. А.В. Гусева, А.Н. Митина, В.Ш. Шайхатдинова. Екатеринбург, 2011. С. 6.

¹¹ Фабричный С. Ю. Муниципальная служба в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 25-26.

щегосударственной и региональной политики, реализуемых на местном уровне¹².

Поскольку муниципальная служба относится к виду публичной профессиональной службы, ее специфика не может быть раскрыта без исследования вопросов, связанных с понятием «публичная власть», а также особенностей, отличающих муниципальную службу от государственной.

Впервые официальное упоминание термина «публичная власть» было использовано в постановлении Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 года¹³. Конституционный Суд РФ, отметил, что формулировка правовой конструкции «органы власти» не свидетельствует о государственности данных органов, а значит, не противоречит принципу самостоятельности и автономии муниципальной власти в России.

В дальнейшем термин «публичная власть» становится постоянно используемым в определениях и постановлениях Конституционного Суда РФ. В частности, в постановлении от 15 января 1998 года, Конституционный Суд РФ использовал термин «публичная власть» для подтверждения общности государственных и муниципальных органов, а также единой системы органов власти в России¹⁴.

По общему смыслу позиций Конституционного Суда РФ и смыслу конституционных норм с учетом поправок, внесенных в Конституцию РФ в 2020 году, государственная и муниципальная власть неразрывно взаимосвязаны и представляют собой единую систему публичной власти в Российской Федерации. Соответственно, органы местного самоуправления являются органами публичной власти в пределах конкретного муниципального образования¹⁵.

Что касается отличий муниципальной службы от государственной, принцип автономии местного самоуправления в России, на первый взгляд, позволяет сделать вывод о том, что и муниципальная служба должна рассматриваться как обособленный от государственной вид службы. Однако считать муниципальную службу принципиально самостоятельным, никаким образом не связанным с государственной видом службы на практике невозможно. Зачастую в литературе акцентируется внимание на существовании проблемы неправильного толкования норм Конституции Российской Федерации¹⁶.

Кроме этого, Конституционный Суд РФ в ряде своих решений признает возможным распростране-

ние на муниципальных служащих статуса государственных служащих, объясняя это тем, что статья 12 Конституции РФ, декларирующая самостоятельность местного самоуправления в России, не запрещает распространение законных положений, установленных для государственных служащих, на муниципальных служащих. Указанная позиция делает возможной унификацию и единообразное применение правового регулирования как по отношению к государственной службе, так и к муниципальной.

Аргументом взаимосвязи государственной и муниципальной службы является также и то, что муниципальные органы власти действуют в общем русле государственной политики в России, а также могут наделяться отдельными государственными полномочиями. При этом, сходства муниципальной и государственной службы находят свое отражение в идентичности элементов и структурных единиц, однако не в содержательном элементе¹⁷.

Взаимосвязь государственной службы и муниципальной службы прослеживается в единстве основных квалификационных требований к должностям, ограничений и обязательств при прохождении службы, требований к профессиональной подготовке и повышению квалификации, учета стажа, условий оплаты труда и обеспечения.

Некоторые авторы указывают на политико-властную общность государственной и муниципальной служб в России, которая заключается в единой правовой природе реализации служащими властных функций в интересах государственного и общественного развития¹⁸. Ряд ученых видят причины схожих черт государственной и муниципальной службы в предопределении их историческими и социально-политическими факторами нашего государства, которые оказывают непосредственное влияние на процесс становления публичной власти в России¹⁹.

Что касается отличий муниципальной службы, стоит отметить, что государственная и муниципальная службы в России различаются, в первую очередь, по своей правовой природе. Поскольку правовая природа службы представляет собой назначение любой служебной деятельности, задачи государственной службы заключаются в выполнении общегосударственных функций от имени государства, а муниципальной – в решении вопросов местного значения от имени конкретного муниципального образования.

¹² Муниципальное право России: Учебник / отв. ред. И.И. Овчинников, А.Н. Писарев. М.: Эксмо, 2007. С. 333.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 708.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 532.

¹⁵ Ноздрачев А.Ф. Преобразования в системе государственной службы в контексте административной реформы // Законодательство и экономика. 2005. № 12. С. 34

¹⁶ Научно-практический комментарий к Федеральному закону о муниципальной службе в Российской Федерации / отв. ред. Н.М. Кониная, А.С. Дугенца. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 4.

¹⁷ Муниципальное право России: Учебник / Отв. ред. И.И. Овчинников, А.Н. Писарев. М.: Эксмо, 2007. С. 334.

¹⁸ Братановский С.Н., Епифанов А.Е., Санеев В.А. Проблемы совершенствования муниципальной службы в России // СПС «КонсультантПлюс». 2017. С. 32-33.

¹⁹ Сурманидзе И.Н. Коррупционные схемы и преступления на государственной и муниципальной службе // Проблемы государства и права. 2018. № 3. С. 3-7.

Принципиальное отличие муниципальной службы от государственной состоит в порядке поступления на службу, так как статус муниципального служащего регулируется заключением трудового договора (контракта), а не служебного контракта, как это предусмотрено для государственных служащих в Российской Федерации. Стоит отметить, что рассматриваемое различие критикуется представителями административного и конституционного права, так как в отличие от правового регулирования государственной службы, базирующегося на нормах административного характера, правовое регулирование муниципальной службы в большей части основывается на нормах трудового характера, что естественно, может нарушить принцип единства требований к муниципальным служащим²⁰.

Таким образом, государственная служба и муниципальная служба в Российской Федерации – это два

самостоятельных правовых института публичной власти в России. Несмотря на очевидные различия в правовой природе, муниципальная служба и государственная служба имеют, безусловно, достаточно большое количество тождественных черт и характеристик, особенно в сфере организационного устройства.

Прогнозировать развитие института муниципальной службы возможно с учетом общего направления конституционных реформ, опосредующих все большее сближение органов государственной власти и органов местного самоуправления. Объем особенностей муниципальной службы будет зависеть от объема «муниципальности» в местном самоуправлении. Очевидно, если будут преобладать тенденции огосударствления местного самоуправления в целом, мы увидим сокращение отличительных признаков муниципальной службы и приближение ее по своей сущности к государственной.

Библиографический список:

1. Братановский С.Н., Епифанов А.Е., Санеев В.А. Проблемы совершенствования муниципальной службы в России: монография // СПС «КонсультантПлюс», 2017. – 230 с.
2. Гусева А.В., Митина А.Н., Шайхатдинова В.Ш. Право государственной и муниципальной службы: учебное пособие. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная и юридическая академия», 2011. – 216 с.
3. Козбаненко В.А. Публично-правовая природа статуса гражданских и муниципальных служащих: общее и особенное // Конституционное и муниципальное право. – 2003. – № 3. – С. 43-52.
4. Конин Н.М., Дугенец А.С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону о муниципальной службе в Российской Федерации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 214 с.
5. Ноздрачев А.Ф. Преобразования в системе государственной службы в контексте административной реформы // Законодательство и экономика. – 2005. – № 12. – С. 34-39.
6. Овчинников И.И. Муниципальное право России. Учебник. – М.: Эксмо, 2007. – 333 с.
7. Петров С.М. К вопросу о правовом регулировании муниципальной службы в Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2009. – № 7. – С. 15-22.
8. Сидорова О.В. Современное состояние, проблемы и перспективы развития муниципальной службы в России // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 8(212), – С. 55-63.
9. Сурманидзе И.Н. Коррупционные схемы и преступления на государственной и муниципальной службе // Проблемы государства и права. – 2018. – № 3. – С. 3-7.
10. Фабричный С.Ю. Муниципальная служба в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Фабричный Сергей Юрьевич. – М. 2005. – 225 с.

Рецензент: Архирейская Т.Ю., заведующий кафедрой конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

²⁰ Петров С.М. К вопросу о правовом регулировании муниципальной службы в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2009. № 7. С. 15.

СОРОКИН ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, us03@list.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ

SOROKIN YURI YURIEVICH

candidate of legal sciences, lecturer of the Department of theory of state and law, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, us03@list.ru

ABOUT SOME FEATURES OF THE LEGAL INTERVIEW

Аннотация. В статье рассмотрены исходные начала определения юридического интервью, как метода непосредственного получения первичной информации, имеющей юридическое значение. Во взаимосвязи с правом, психологическими закономерностями, коммуникативными особенностями и морально-нравственными требованиями отражена присущая ему специфика. В рассмотренной совокупности предложено собственное определение юридического интервью.

Ключевые слова: юридическое интервью, опрос, объяснение, допрос, правовые, психологические, коммуникативные, морально-нравственные особенности юридического интервью.

Review. The article considers the initial principles of defining a legal interview as a method of directly obtaining primary information of legal significance. In connection with the law, psychological patterns, communicative features and moral requirements, its inherent specificity is reflected. In the considered aggregate, a proper definition of a legal interview is proposed.

Keywords: legal interview, survey, explanation, interrogation, legal, psychological, communicative, moral and moral features of a legal interview.

Коммуникативная сфера буквально пронизывает всю юридическую деятельность. Особое место в этом процессе отводится юридическому интервью и присущей ему специфике.

Но, прежде чем перейти к обозначенному вопросу, методологически верным представляется сформулировать исходные начала рассматриваемого понятия в целом.

Термин «интервью» не является исконно юридическим и позаимствован из медицинской сферы (психиатрии), где и получил свое первоначальное применение. В последующем интервью стало широко использоваться в качестве одного из основных методов сбора информации и в настоящее время существенно распространилось на область социологии, получив не только последующую разработку, но и аккумуляцию ранее полученных знаний. На сегодняшний день в социологии английское слово «интервью» (interview – беседа с глазу на глаз) рассматривается как особый вид исследовательского общения с индивидом, применяемый в качестве метода сбора информации¹.

Концептуально отмеченное безусловно определяет сущностную характеристику юридического интервью, но не ограничивает в его последующем познании и отражении той специфики, которая ему присуща.

Для этого необходимо обратиться к понятию более общего порядка, которое в смысловом значении включает его в качестве структурной составляющей. В таком качестве выступает категория «опрос», как метод сбора первичной информации, предусматривающий, во-первых, устное или письменное обращение исследователя к определенной совокупности людей с вопросами, содержание которых представляет изучаемую проблему, и, во-вторых, регистрацию и статистическую обработку полученных ответов, а также их теоретическую интерпретацию².

Иными словами, как метод социологического исследования опрос в своем проявлении имеет две формы выражения: первая предполагает непосредственное, личное общение лиц в режиме «вопрос-ответ», что, собственно, и подразумевает интервью, и вторая основана на использовании анкетной формы обозначения вопросов и, следовательно, исключает процесс общения. В таком понимании именно сам опрос выступает исходным базовым методом исследования, направленным на получение искомой первичной информации, имеющей определенную специфику внешних форм выражения (прямую и опосредованную).

Таким образом, являясь одной из внешних форм проявления метода опроса, интервью концептуально ему соответствует и является прямым способом получения информации посредством формулирования

¹ Российская социологическая энциклопедия. Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. С. 163.

² Там же. С. 343.

вопросов. Уже бесспорно, что это универсальный сложившийся метод сбора социологической информации наряду с анализом документов и наблюдением. Кроме того, в интервью, в отличие от анкетного опроса, в живом общении «лицом к лицу» с респондентом (информантом) интервьюер имеет возможность наблюдать его отношение к опросу, его поведение в процедуре интервью³.

Тем не менее, интервью или интервьюирование, как сам процесс его проведения в юридической сфере, имеет определенную и очевидную специфику, общая совокупность признаков, которой позволяет их не только конкретизировать, но и сформулировать системно.

В качестве начального критерия, отражающего специфику юридического интервью, выделим право в его фактическом выражении. Процесс воздействия права на интервью взаимобусловлен, многоаспектен, детализирован и, что самое главное, юридически значим. Для определения и конкретизации этой совокупности особенностей, обратимся к содержанию самих нормативных правовых актов, использующих интервью в качестве метода получения информации и таковых не мало.

Однако термин «интервью» в современном законодательстве не употребляется, а его выражение преимущественно рассматривается через более общее понятие опрос. Классическим примером такой востребованности выступает, прежде всего, процессуальное законодательство и в наибольшей мере присуще уголовно-правовой сфере.

Несмотря на то, что понятийно опрос, как метод получения первичной информации, законодательно также не определен, он встречается в том или ином виде практически на всех процессуальных стадиях. Специфика же его определяется осуществляемой уголовно-правовой деятельностью в целом.

Например, на доследственной стадии опрос рассматривается как одно из оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в рамках оперативно-розыскной деятельности⁴. При этом в комментариях к соответствующему закону опрос понимается как оперативно-розыскное мероприятие, основанное на проведении специальной беседы с лицами, которым могут быть известны сведения, необходимые для решения тактических задач оперативно-розыскной деятельности⁵.

Здесь же особо стоит упомянуть и о таком виде получения первичной информации, как объяснение, относящиеся к проверочным мероприятиям и однозначно влияющим на принятие решения о возбуж-

дении или отказе в возбуждении уголовного дела. И хотя правовая природа объяснений в уголовном процессе остается дискуссионной⁶, подчеркнем главное, и объяснение и опрос по своей гносеологической природе тождественны, и в конечном счете преследуют единую цель получения исходной информации.

Не трудно заметить, что на последующих стадиях уголовного процесса опрос законодательно трансформирован в термин «допрос» и предстает уже как следственное или судебное действие. Учитывая, что термин допрос также нормативно не определен, хотя и используется систематически, его сущностное значение можно раскрыть при обращении к учебной или научной литературе.

Так, Б.Т. Безлепкин считает, что допрос является устным диалогом, который регламентирует уголовно-процессуальный кодекс, между должностным лицом, в производстве которого содержится уголовное дело, и допрашиваемыми лицами, который проводится для получения сведений, имеющих доказательственное значение по уголовному делу⁷.

По мнению В.П. Кольченко сущность допроса как следственного действия заключается в расспросе допрашиваемого лица, даче им устных показаний (в форме свободного рассказа или ответов на поставленные вопросы), восприятии (выслушивании) показаний, фиксации данных показаний и удостоверении правильности их записи в соответствии с требованиями УПК⁸.

В контексте указанных процессуальных взаимосвязей представляется целесообразным выделить общие и отличительные признаки, присущие опросу и допросу.

К числу общих признаков следует отнести:

- общность основания возникновения, которое выражается в наличии конкретной жизненной ситуации. Можно говорить о том, что это вынужденное общение и связано с правовым конфликтом;
- опрос и допрос преследуют единую цель получения информации посредством личного общения;
- формализованность самой процедуры юридического общения;
- обязательное наличие у опрашиваемого лица государственно-властных полномочий;
- использование специальных методик и тактик общения;
- процессуальное оформление результатов общения;
- правовая оценка получаемой информации и принятие на ее основе юридически значимого решения.

³ Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. С. 203-205.

⁴ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.11.2022).

⁵ Вагин О.А., Исиченко А.П., Чечетин А.Е. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). URL: <https://base.garant.ru/5591968/> (дата обращения: 04.12.2022).

⁶ Стельмах В.Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение. Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2016. Т. 26. Вып. 5. С. 148-149.

⁷ Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. М., 2010. С. 226.

⁸ Кольченко В.П. Допрос как способ доказывания и средство обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 7.

Отличительными особенностями являются:

- допрос – это самостоятельное следственное либо судебное действие, которое возможно только на определенной процессуальной стадии. Опрос таким процессуальным статусом не обладает;
- порядок допроса носит более формализованный характер;
- информация, полученная в ходе допроса, имеет доказательственное значение. Посредством опроса осуществляется сбор проверочной информации;
- опрос носит добровольный характер, в то время как допрос обязателен и в случае уклонения от него, за исключением специальных случаев, лицо подлежит уголовной ответственности.

Таким образом, выявленное общее и особенное напрямую опосредовано процессуальным правом. В таком значении, возвращаясь к категории «юридическое интервью», можно говорить о так называемом процессуальном интервью⁹, как некоей его разновидности. На данном этапе юридическое интервью носит самостоятельный характер и завершается самим фактом получения информации.

Вместе с тем стоит подчеркнуть и другой важный момент. Связь или опосредованность юридического интервью правом не сводится исключительно к воздействию процессуального права, преимущественно определяющего порядок его проведения. Эта связь гораздо шире и может включать в себя юридическое общение либо предшествующее процессуальному интервью, либо никак не быть с ним связанным в дальнейшем. С этой стороны можно говорить о внепроцессуальном интервью, поскольку порядок его проведения может быть законодательно не определен.

Примером такого общения может быть взаимодействие адвоката с клиентом, не являющимся на момент обращения за юридической помощью участником процесса. В этом случае порядок интервью правом не регламентирован, а руководящими нормами преимущественно выступают морально-нравственные требования. В этом смысле юридическое интервьюирование может выступать в качестве начального, обеспечительного этапа последующей коммуникативной деятельности юриста, имеющей конечной целью предоставление консультации¹⁰.

Исследуя специфику юридического интервью в его взаимодействии с правом, обратим внимание еще на один принципиально важный момент. Как процессуальное, так и внепроцессуальное общение тесно связано с правом материальным, поскольку большинство вопросов, подлежащих выяснению, опосредовано им. Тем самым материальное право определяют предмет

общения и формулируемый, в связи с этим, перечень вопросов.

Помимо особенностей интервью, связанных непосредственно с правом, необходимо учитывать и другие принципиально важные моменты, которые оказывают влияние и определяют его специфику. При этом их влияние настолько существенно, что в случае опосредования интервью правом, последнее не только не может их игнорировать, но и вынуждено формализовывать.

Итак, исходя из того, что юридическое интервью – это взаимодействие, по меньшей мере, двух лиц важное значение приобретает психологическая составляющая, поскольку все мы находимся не только в правовой, но и психофизиологической сфере, являемся носителями высшей нервной системы.

Отсюда необходимо говорить о психотехнологии собеседования (интервьюирования), как научно обоснованном и проверенном на опыте психологическом способе выполнения коммуникативных действий, обеспечивающих достижение намеченного результата (получение от клиента полной и достоверной информации)¹¹.

Очевидно, что реализация названного способа предполагает наличие определенных психологических навыков и умений, применение которых будет способствовать достижению намеченной цели общения.

Не ставя перед собой задачу перечислить их все, обозначим, на наш взгляд, наиболее важные. К их числу следует отнести: способность устанавливать и поддерживать психологический контакт с собеседником, умение преодолевать психологические и коммуникативные барьеры в процессе общения, верно оценивать складывающуюся ситуацию общения и собеседника, способность противостоять стрессу, саморефлектировать.

Но и названного еще недостаточно для успешности проводимого общения. Будучи деятельным процессом интервьюирование предполагает последовательное прохождение определенных самостоятельных этапов, каждый из которых имеет собственную цель. Следовательно, важно понимание самой структуры процесса коммуникации, присущих ей закономерностей и исходя из этого выработки подходящей методики и тактики.

На сегодняшний день единый подход к количественному выражению таких этапов отсутствует и является дискуссионным. По мнению Н.Д. Эриашвили их пять¹², В.А. Биляев и Л.А. Легеза считают, что их шесть¹³, Д.С. Ларионова исходит из того, что их семь¹⁴.

⁹ Биляев В.А., Легеза Л.А. Об особенностях процессуального (когнитивного) интервью по уголовным делам // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 2 (68). № 1. С. 109-110.

¹⁰ Введение в юридическую профессию: учебник для бакалавров / отв. ред. Т.Н. Радько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 103.

¹¹ Эриашвили Н.Д. Психотехнология интервьюирования адвокатом клиента // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 11. С. 31.

¹² Эриашвили Н.Д. Указ. соч. С. 32-33.

¹³ Биляев В.А., Легеза Л.А. Указ. соч. С. 110.

¹⁴ Ларионова Д.С. Особенности профессиональной коммуникации в юридической сфере // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 2. С. 63-64.

На наш взгляд принципиальных различий в имеющихся подходах нет, поскольку они все охватывают исследуемое явление, а количественное определение этапов связано с авторским подходом и разработкой имеющейся специфики отдельных стадий. В рамках настоящей статьи представляется обоснованным систематизировать имеющееся количественное разнообразие и исходить из того, что в общей совокупности их три – начальный (вводный), основной (содержательный) и завершающий (итоговый).

Их краткая характеристика сводится к следующему. Начальный (вводный) этап включает в себя подготовку к предстоящему общению, встречу и знакомство, а также установление первичного вербального контакта. На основном (содержательном) этапе предполагается информационный обмен, включая свободный рассказ и уточняющие вопросы. Завершающий (итоговый) этап подразумевает формулирование выводов, в случае необходимости оформление результатов проведенной беседы, определение дальнейшей стратегии.

Такой подход концептуально включает в себя все основные этапы психологического взаимодействия в процессе юридического интервью, а умелое применение психологических навыков будет способствовать получению необходимой информации.

Наличие целого ряда особенностей юридического интервью связано с объективной необходимостью использования и соблюдения в процессе его проведения правил речевой коммуникации. Ведь от того, как будет задан вопрос, во многом зависит какой на него будет получен ответ. Еще Леонардо да Винчи говорил: «Хочешь услышать умный ответ – спрашивай умно».

Речевая коммуникация, выступая средством социальной связи и общения, как уже было сказано ранее, буквально пронизывает всю юридическую деятельность. Именно с ее помощью осуществляются переговоры юриста с заинтересованными лицами, рассматриваются судебные дела, доводятся до сведения адресатов мнения и решения юристов¹⁵. Тем самым речевая коммуникация позволяет не только устанавливать сам процесс непосредственного взаимодействия и получать информацию, но и предполагает соблюдение определенных правил.

Очевидно, что современный юрист должен выступать носителем высокого типа речевой культуры и обладать соответствующими навыками. Речь юриста должна быть грамотной, логичной, ясной, терминологически определенной, эмоционально насыщенной и выразительной, включать в себя речевые обороты доступные для понимания и соответствующие устоявшейся юридической практике, аргументированной и обоснованной. Отдельно выделим навыки самостоятельности и импровизации речи, поскольку развитие изначально предполагаемой ситуации общения может выйти за пределы ранее намеченного плана.

В таком понимании компетентность юриста позволяет говорить не только о наличии в его багаже профессиональных знаний и умений в сфере права, но и коммуникативной компетентности, выражающейся в ее стратегии и тактике.

При изучении вопросов речевой коммуникации в юридической практике Е.Ф. Усманова указывает, что под коммуникативной компетентностью следует понимать совокупность языковых знаний и навыков, позволяющих юристу осуществлять выбор средств общения в соответствии с речевой ситуацией. Далее автор полагает, что коммуникативно-речевая стратегия – это линия речевого поведения, которую избирает юрист для выполнения коммуникативной задачи, достижения своих целей в речевом взаимодействии. В свою очередь под коммуникативно-речевой тактикой понимается совокупность практических ходов, речевых действий в реальном процессе речевого взаимодействия юриста с другими людьми, система коммуникативно-речевых приемов, в совокупности выполняющих ту или иную функцию, служащую для реализации одной из коммуникативно-речевых стратегий¹⁶.

В процессе речевой коммуникации необходимо учитывать и невербальные средства общения, которые также несут определенную информационную нагрузку. В этом плане, безусловно, следует самостоятельно использовать и обращать внимание на темп и громкость речи, интонации и паузы, жесты и мимику, в том числе применяемые непроизвольно. Невербальные средства могут служить своего рода индикатором достоверности информации, выражаемой посредством речи. Учет такой взаимозависимости позволяет в определенных случаях нейтрализовать возможные негативные психологические реакции, а в прогностическом плане и предупредить их возникновение.

Далее хотелось бы обратить внимание на особенности интервью, связанные с морально-нравственными аспектами общения. Обусловлено это тем, что в процессе коммуникации юрист не только непосредственно воздействует на человека, его внутренний мир, но и способен принимать юридически значимые решения, влияющие на его дальнейшую судьбу, материальное и социальное положение, а также близких ему людей.

Данный аспект предполагает связь с правом, но не ограничивается последним. Морально-нравственные требования, выражаемые в виде этических правил поведения, так же, как и право, регулируют общественные отношения. Следовательно, право должно соответствовать не только присущим ему принципам, но и учитывать влияние этики. Но морально-нравственные требования в своем регулятивном воздействии гораздо шире права и затрагивают сферы, которые ему порой не подвластны.

Не будучи формализованы правом, этические нормы носят универсальный характер и распростра-

¹⁵ Жалинский А.Э. Введение в специальность «Юриспруденция». Профессиональная деятельность юриста: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2009. С. 161.

¹⁶ Усманова Е.Ф. Речевая коммуникация в юридической практике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 10-11.

няются не только на отдельно взятый этап интервьюирования, но и опосредуют всю юридическую деятельность в целом. В таком понимании юридическое интервью, как и вся юридическая деятельность должна быть основана на справедливости, честности, ответственности, бескорыстности, порядочности, доверии, проявлении уважения, гражданственности, активности, толерантности, терпимости и др.

Особо выделим такую этическую категорию, как совесть. Совесть характеризует способность осуществлять моральный самоконтроль, самооценку индивида с точки зрения соответствия своего поведения нравственности, самостоятельно определять для себя нравственные цели и требовать от себя их исполнения. Чувство совести защищает индивида от аморальных поступков, развивает чувство благородства, ответственности. Значение совести особенно велико, когда индивид находится перед нравственным выбором, а внешний контроль со стороны общества исключается или затруднен. Совесть в этом случае является внутренним регулятором поведения человека, предъявляет требования поступать в соответствии с моральными установками и отвечать перед самим собой в тех случаях, когда мысли находятся вне видимого контроля окружающих¹⁷.

Таким образом, морально-нравственные начала могут распространяться не только на личность юриста, его профессиональную коммуникацию, но и поведение вне служебного времени. Их общность позволяет говорить о профессиональной этике юриста, под которой понимается совокупность моральных требований к работникам юридической профессии, обеспечивающих нравственный характер их трудовой деятельности и внеслужебного поведения¹⁸.

Позитивно, что в настоящее время данные этические требования не только обобщены и система-

тизированы, но и нашли свое буквальное выражение в виде соответствующих этических кодексов (Кодекс судейской этики, Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации, Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации, Кодекс профессиональной деятельности адвоката, Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации и др.). Важным моментом также является и то, что за нарушение этических положений, установленных кодексами, предусмотрена юридическая ответственность.

С учетом названных особенностей отметим, что юридическое интервью это не просто общение, это общение, обладающее определенными качественными характеристиками. Кроме того, юридическое интервью – это важный этап юридической деятельности, который направлен на получение значимой с точки зрения права информации. Успешность его проведения и, в конечном счете, разрешение юридического дела во многом зависит от правильного понимания и соблюдения присущей ему правовой специфики, а также учета психологических, речевых и этических особенностей. Очевидно, что названный перечень не носит исчерпывающего характера, но, по нашему мнению, во многом сущностно его определяет.

В таком понимании мы сходим из того, юридическое интервью – это опосредованное правом или непосредственно связанное с ним общение, базирующееся на психологических закономерностях, использующее вербальные средства и соблюдающее морально-нравственные требования.

Библиографический список

1. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. – М., 2010. – 484 с.
2. Биляев В.А., Легеца Л.А. Об особенностях процессуального (когнитивного) интервью по уголовным делам // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 2 (68). № 1. – С 109-114.
3. Вагин О.А., Исиченко А.П., Чечетин А.Е. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). URL: <https://base.garant.ru/5591968/> (дата обращения: 04.12.2022).
4. Введение в юридическую профессию: учебник для бакалавров / отв. ред. Т.Н. Радько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2022.
5. Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. – Самара: Универс-групп, 2004. – 448 с.
6. Жалинский А.Э. Введение в специальность «Юриспруденция». Профессиональная деятельность юриста: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Проспект», 2009. – 362 с.
7. Камалетдинов Э.С. Нравственные аспекты деятельности юриста: современное измерение // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. – С. 217-219.
8. Кольченко В.П. Допрос как способ доказывания и средство обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов 2003. – 26 с.
9. Ларионова Д.С. Особенности профессиональной коммуникации в юридической сфере // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 2. – С. 60-67.

¹⁷ Камалетдинов Э.С. Нравственные аспекты деятельности юриста: современное измерение // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 218.

¹⁸ Введение в юридическую профессию: учебник для бакалавров / отв. ред. Т.Н. Радько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 139.

-
10. Российская социологическая энциклопедия. Под общей ред. академика РАН Г.В. Осипова. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. – 672 с.
11. Стельмах В.Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. – 2016. – Т. 26. – Вып. 5. – С. 148-156.
12. Усманова Е.Ф. Речевая коммуникация в юридической практике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 25 с.
13. Эриашвили Н.Д. Психотехнология интервьюирования адвокатом клиента // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 11. – С. 31-34.

Рецензент: Кочеткова Е.А., доцент кафедры теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.и.н., доцент.

ШЕШУКОВА ГАЛИНА ВИКТОРОВНА

доктор политических наук, профессор, руководитель оренбургского социологического центра «Общественное мнение» (СЦОМ), ligaoreno@yandex.ru

ШИНКОВА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА

кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oSSShinkova@msal.ru

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ОРЕНБУРЖЬЯ

SHESHUKOVA GALINA VIKTOROVNA

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Orenburg Sociological Center «Public Opinion»(SCPO), ligaoreno@yandex.ru

SHINKOVA SVETLANA SERGEYEVNA

PHD in Philosophy, associate professor of the Department of humanities, social-economic, mathematical and natural sciences, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oSSShinkova@msal.ru

DYNAMICS OF VALUES OF ORENBURG STUDENT YOUTH

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики ценностных ориентаций студенчества Оренбуржья 1996 и 2022 годов. Практически – это поколение отцов и детей. Доказано, что общественные ценности студентов разных поколений существенно различаются. Выяснились также личностные жизненные ценности современных студентов, а также то, каким образом эти ценности определяют их поведение. Рассматривалось влияние ценностей на представления студентов о собственном счастье. Кроме того, была установлена связь жизненных ценностей с решением вопроса об отъезде из региона. Поэтому молодежная политика, направленная на сокращение оттока населения из области, должна учитывать результаты исследования ценностей студенческой молодежи.

Ключевые слова: классификация ценностей, доминантные, терминальные, инструментальные, витальные, социализирующие ценности, законность, справедливость, стабильность, права человека, либеральные ценности, традиционные ценности, государственная идеология.

Review. The article is devoted to the analysis of the dynamics of value orientations of Orenburg students in 1996 and 2022. Practically, this is the generation of fathers and children. It is proved that the social values of students of different generations differ significantly. The personal life values of modern students were also clarified, as well as how these values determine their behavior. The influence of values on students' ideas about their own happiness was considered. In addition, the connection of life values with the decision to leave the region was established. Therefore, youth policy aimed at reducing the outflow of population from the region should take into account the results of the study of the values of student youth

Keywords: classification of values, dominant, terminal, instrumental, vital, socializing values, legality, justice, stability, human rights, liberal values, traditional values, state ideology.

Почему в начале 90-х годов произошел обвальный распад мировой социалистической системы, основанной на монополии марксистской идеологии, и почти одномоментный распад СССР? Обычно, анализируя причины этих исторических событий, многие исследователи акцентируют внимание на социально-экономических и политических факторах: застой в экономике, падение цен на нефть и газ, ослабление влияния КПСС и т.д. Конечно, мы понимаем

источник этих событий – комплекс причин. Но глубинные причины называются нередко в последнюю очередь.

Речь идет о состоянии общественного сознания. Длительное время в СССР оно как бы было поражено вирусом скептицизма. Внешне существовала и скрепляла общественную систему совокупность коммунистических и советских ценностей. Однако реально массовое сознание уже содержало в себе глу-

бокое неверие в эти идеалы, символы и ценности. Именно поэтому так легко и произошел распад политической системы и всего СССР.

В 1984 году был проведен опрос студентов лечебного и педиатрического факультетов Оренбургской государственной медицинской академии. Им было предложено ответить на вопрос: верят ли они в то, что коммунизм в нашей стране будет? Более 70 процентов студентов тогда, в ходе анонимного опроса, ответили отрицательно. Напомним, что в соответствии с программой КПСС коммунизм должен был быть построен в СССР в 1980 году. Поэтому ничего удивительного в результатах этого опроса не было. Коммунизм, как главная ценность в государственной коммунистической идеологии, сохранялся, но большинство граждан относились к нему, как к горизонту, который по мере приближения неизменно отодвигается.

Поэтому в 1991 году в СССР мобилизовать людей на защиту ценностей, утративших свое значение для большинства граждан, никто и не пытался. Девальвация привычной системы ценностей и была главной причиной того, что СССР распался как картонный домик.

Однако российское руководство понимало, что нужны ценности, объединяющие граждан в новой России. Не случайно в середине 90-х годов предпринимались попытки поиска национальной идеи и новой системы ценностей, объединяющих общество.

В 2022 году мы наблюдаем аналогичный процесс: идут поиски системы традиционных ценностей, способных объединить россиян. Именно поэтому мы и предприняли попытку сравнить ценности оренбургского студенчества середины 90-х годов и современных студентов.

Проблема ценностей одна из центральных в философии, социологии и политологии. В качестве ценностей могут выступать практически любые предметы, явления, символы, в том случае, если они удовлетворяют определенные потребности и интересы людей.

Ценности могут быть представлены как целостные системы, благодаря существованию которых и передаче их из поколения в поколение в процессе социализации воспроизводится общество. Именно поиски такой системы мы наблюдали как в середине 90-х годов, так и в настоящее время.

Известный американский социолог Т. Парсонс справедливо предполагал, что любая социальная система предполагает существование неких разделяемых всеми общих ценностей.

Логично будет предположить, что и политическая система, в свою очередь, стабильна тогда, когда определенная совокупность ценностей объединяет вокруг себя большинство граждан.

Причем граждане в своей обычной повседневной жизни, как правило, отчуждены от политики, не вовлечены в нее. Активно политикой интересуются по данным различных социологических центров не более 30% населения России. Однако бывают такие пе-

риоды в жизни общества, когда в политику включаются до половины и более населения: это периоды перемен, войн, революций и избирательных кампаний.

Какие ценности выступают в качестве мотивов и норм, регулирующих поведение? Важно выяснить то, как можно классифицировать реальные ценности, определяющие характер гражданского поведения.

Как известно, условно ценности разделяются на **терминальные** (целевые, базовые) ценности и **инструментальные** ценности-средства. Причем на позиции граждан безусловное влияние оказывают, прежде всего, терминальные ценности, которые не являются собственно политическими. Это ценности жизни, семьи, свободы, благополучия. Их можно назвать и общечеловеческими ценностями, которые определяют поведение людей во всех исторических эпохах независимо от стабильного или кризисного состояния общества.

Ценности могут также рассматриваться в зависимости от классификации потребностей. В частности, первичным простейшим потребностям соответствуют витальные ценности (безопасность, благополучие), более сложным потребностям – социализирующие, смыслодерживающие ценности (патриотизм, социальная справедливость).

К сожалению, мы не предпринимали самостоятельного исследования ценностных ориентаций оренбуржцев и их влияния на общественное поведение в середине 90-х годов. Однако мы можем воспользоваться данными социологических исследований, проведенных Информационно-аналитическим центром областной администрации Оренбургской области (руководитель Цариценцева Е.В.), посвященных удовлетворенности оренбуржцев теми или иными сторонами жизни, в которых реализуются базовые и социализирующие ценности жизни. Исследования проводились в 1995 и 1996 годах в Оренбургской области. В ходе этих опросов исследовались и позиции студентов оренбургских вузов.

Мы использовали инструментарий этого центра, чтобы опросить современных студентов ОИ МГЮА, в частности, по поводу тех ценностей, которые могут объединять оренбуржцев и россиян. В настоящее время нас интересовало также и то, как объединяющие общество ценности сочетаются с личными ценностями студентов.

По мнению известных ученых И.Х. Дьюкера и Н. Фриды, связь ценностей и личности достаточно неопределенная. Личность, как они считают, это организованная совокупность психологических процессов и установок, стремящихся к индивидуальности. Для изучения личностных ценностей они вводят такие понятия, как: «потенция ценностей» – степень и напряженность, с которой ценности внедряются в личность; «доминантная ценность» – постоянно приоритетная для личности ценность, и, наконец, «фокусная ценность» – идеальная норма, которая обращена ко всем членам общества¹. Таким образом мож-

¹ Duijker H. and Frijda N. National character and national stereotypes. Amsterdam, 1960. С. 118.

но объединить общественные и личные ценности.

В ходе социологического опроса (июль 1995 года), проведенного ИАЦ областной администрации по Оренбургской области, выяснялся вопрос о том, какие социальные ценности являются приоритетными, доминирующими в общественном сознании. Респондентам было предложено указать идею, которая может объединить людей в нашей стране: «Какие идеи могли бы объединить граждан России?». В анкете тогда был предложен список слов-символов из 9 позиций. Самый высокий уровень поддержки у населения области получили 3 позиции:

- законность и порядок (34%)
- стабильность (29%)
- социальная защищенность (29%)

Эти три идеи выступили как наиболее актуальные ценности для оренбуржцев. Остальные идеи имели меньшую популярность:

- стремление к современному уровню цивилизации (18%)
- равенство и справедливость (17%)
- крепкая семья (13%)
- богатство и процветание (6%)
- взаимодействие религий (3%)
- независимость от центральных властей (2,5%)

6% опрошенных тогда указали, что нет такой идеи, которая могла бы объединить людей, 8% затруднились с ответом.

Сама постановка вопроса, предложенная респондентам, была направлена на то, чтобы выявить идеальные ценности, которые могли бы объединить людей. Если бы вопрос был поставлен иначе, а именно «Какие ценности наиболее актуальны для Вас лично?», то наверняка семья не попала бы в список менее популярных ценностей.

Итак, три ценности: **законность и порядок, стабильность и социальная защищенность** определяют вектор не только общественного, но и собственно политического сознания, т.к. состояние политической сферы, эффективность политики – основные каналы реализации этих ценностей.

Особый интерес представляют ценностные ориентации студенчества, поскольку в полной мере новая ценностная политическая культура должна сформироваться у молодых, хотя для этого требуется значительный период времени.

В течение ряда лет мы проводили социологические исследования, целью которых являлся анализ особенностей политической культуры студенчества².

Так, в октябре-ноябре 1993 года было опрошено 400 студентов Оренбургского медицинского института. В ходе опроса выяснилось, что приоритетной для студентов является такая ценность как права и свободы личности (70%). Для 18% студентов на первое место вышли интересы России, а для 7% – интересы своей нации.

На первый взгляд, можно было сделать вывод о том, что студенты выбирают скорее либеральные ценности, а не национальные или государственные. Однако на контрольный вопрос об отношении к лозунгу «Россия для русских» более 50% студентов ответили положительно. Аналогичные опросы в Оренбургском мединституте проводились с 1994 по 1996 годы. По итогам этих опросов от 50 до 60% студентов одобряли (полностью или частично) лозунг «Россия для русских». Поэтому и тогда явно преждевременно было говорить о преимуществе либеральных ценностей в политической культуре студенчества. В конкретной ситуации – в зависимости от предлагаемого вопроса – у студентов явно преобладают национальные, а не либеральные ценности.

В ходе октябряского опроса студентов 1993 года им было предложено также ответить на вопрос: «Придете ли Вы на выборы депутатов Государственной Думы?» Утвердительно ответили только 22%. Почти 50% не собирались приходить на выборы, остальные – еще не приняли решение. Выборы показали, что самую низкую электоральную активность тогда продемонстрировали именно студенты; причем не только в 1993 году, но и на последующих выборах. Студенческая политическая субкультура в 90-е годы включает в себя либо негативное, либо индифферентное отношение к выборам. Говорить о политике, интересоваться политикой, выборами – такой тип поведения, как правило, не одобряется в студенческой среде. Поэтому именно под воздействием ожиданий студенческой среды формируются электоральные ориентации студенчества. Между тем либеральные ценности предполагают личное участие в выборах и определении курса развития страны. Низкая электоральная активность характерна была и для студенчества других регионов России.

По данным анализа сотрудников Левада-Центра³, регулярно проводившего опросы молодежи, и в настоящее время «молодые люди, которые интересуются политикой, составляют меньшинство в своей возрастной группе. По сравнению со старшим поколением молодые вдвое реже следят за политическими новостями и обсуждают политические вопросы с друзьями и знакомыми, в три раза реже ходят на выборы. Интерес к серьезным вопросам и политическому участию обычно пробуждается не раньше 30 лет, когда молодые люди начинают жить самостоятельно и обнаруживают, что они должны сами решать повседневные проблемы»⁴.

Если иметь в виду приоритетность для студентов такой ценности как права и свободы личности, то скорее можно говорить не о либеральной системе ценностей, а о противоречивой политической культуре студенчества, которую Б.Г. Капустин и И. Клямкин метко определили термином «нелиберальный индивидуализм»⁵.

² Опросы проводил СЦОМ. Руководитель – профессор Шешукова Г.В.

³ Левада-Центр включён в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

⁴ Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoj-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (дата обращения: 29.11.2022).

⁵ Клямкин И., Капустин Б. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. С. 74.

По данным социологического опроса в 1996 году в Оренбургской области, проведенного Информационно-аналитическим центром областной администрации Оренбургской области, ценностные ориентации студентов существенно отличались от ценностных ориентаций населения в целом, особенно по набору либеральных ценностей (см. табл. 1).

Таблица 1. *Сравнение некоторых ценностных ориентаций населения Оренбургской области и студенчества (май 1996 года, в %)*

<i>Идеи-символы</i>	<i>население области</i>	<i>студенчество</i>
1. Возрождение России	11	20
2. Свобода	4	15
3. Вхождение в современный мир	3	10
4. Права человека	14	32

Эти данные, на первый взгляд, свидетельствуют о либеральной направленности мировоззрения студентов. Но это только вербальная направленность, которая слабо реализуется в поведении студентов, особенно в электоральном поведении. Лишь 43% тех же студентов тогда были ориентированы на участие в выборах. А осознанное участие в выборах является важнейшим показателем зрелости либерального сознания.

Низкая электоральная активность студенчества сопровождается нередко достаточно высоким протестным потенциалом.

Если сравнить приоритетные общественные ценности студентов в 1996 году с приоритетными ценностями других групп населения, то мы видим, что студенчество по-прежнему отличается особенностями

ценностных ориентаций (см. табл. 2)

Выяснилось, что для 30% студентов права человека – доминирующая ценность.

Однако законность, как ценность, объединяет студентов с другими группами населения. Она на первом месте. Это особенность 90-х годов.

По существу, было предложено респондентам из набора слов-символов самим сконструировать «российскую идею». В 1996 году из набора в 19 позиций, куда были включены и дореволюционная триада идей, оренбуржцы выбрали вновь те же доминантные ценности:

- законность (49%)
- порядок (26)
- социальную защищенность (24%)

Итак, в ходе трех опросов 1995–1996 годов с использованием уточненного инструментария было установлено, что безусловно доминантными ценностями для населения региона являются ценности законности и порядка. Причем именно такое восприятие идей-ценностей характерно в постперестроечный период не только для оренбуржцев, но и для россиян в целом. То, что «законность и порядок» превратились в доминирующую ценность, объясняется прежде всего российским менталитетом, его двойственностью. С одной стороны, это тяготение к вольности, анархизму, с другой стороны, – накопившаяся в народе усталость от хаоса, неразберихи, слабости власти. Политический кризис лишь усилил доминирование этой ценности. По-видимому, это не российская (по существу) ценность-идея, а идея любого народа, переживающего трудный переход (транзит) к новому политическому сообществу.

Итак, потенция ценности «законность и порядок» по степени интенсивности внедрения в общественное сознание и степени распространенности в самых различных социальных группах очень высока.

Таблица 2. *Сравнительный анализ ценностных ориентаций различных статусных групп в Оренбургской области (май 1996 года, в %)*

<i>население в целом</i>	<i>элитные группы</i>			
	<i>руководители</i>	<i>специалисты</i>	<i>предприниматели</i>	<i>студенты</i>
законность 49	законность 55	законность 62	законность 59	законность 45
порядок 26	сильная держава 37	соц. защищенность 28	стабильность 29	права человека 32
соц. защищенность 24	соц. защищенность 31	порядок 25	порядок 29	стабильность 27
	<i>массовые группы</i>			
	<i>рабочие пром.</i>	<i>рабочие с/х</i>	<i>пенсионеры</i>	<i>неработающие</i>
	законность 50	законность 41	законность 46	законность 47
	порядок 25	порядок 29	справедливость 29	порядок 28
	справедливость 24	справедливость 24	порядок 28	соц. защищенность 27

Кроме того, тогда, по данным всех опросов СЦОМ, борьба с преступностью входила в тройку приоритетных для власти проблем. И совсем иное положение сейчас.

Борьба с преступностью ушла из первой десятки проблем, которые должна решать власть. А законность, как мы понимаем, является главным средством для борьбы с преступностью.

В ноябре 2022 года мы задали студентам ОИ МГЮА в той же формулировке аналогичный вопрос⁶. На выбор были предложены те же ценности, что и в 1996 году (см. табл. 3).

Таблица 3. *Ценностные ориентации студентов Оренбургской области (ноябрь 2022 года, в %)*

<i>Укажите идеи (слова-символы), которые могут объединить людей в нашей стране. (Выберите не более пяти ответов)</i>	<i>%</i>
законность	29,5
порядок	23,7
стабильность	29,5
достойная жизнь	48,9
сильная держава	27,3
возрождение России	10,8
богатство	12,2
равенство	36
справедливость	46,8
социальная защищенность	34,5
благополучие в семье	30,2
свобода	27,3
спасение отечества	13,7
коммунизм	5,8
связь с западом	3,6
православие	11,5
народность	15,8
права человека	25,2
затрудняюсь ответить	5,8
другое: напишите	2,1

Итак, мы видим, что доминантные ценности (первая тройка), которые могут объединить общество, современные студенты представляют иначе по сравнению со студентами середины 90-х годов:

- достойная жизнь (48,9%)
- справедливость (46,8%)
- социальная защищенность (34,5%)

Так выглядит набор идей-символов в представлении современных студентов, которые могут объединить россиян в настоящее время.

На наш взгляд, именно эти ценности в настоящее время и могут привлечь и объединить не только студентов и молодежь, но и представителей других поколений нашего общества.

Практически современные студенты – это дети того поколения, которое опрашивали социологи в

1996 году.

Поэтому треть студентов по-прежнему привлекают такие ценности, как законность, стабильность. Можно ли считать их традиционными ценностями, которые передаются из поколения в поколение? Это вопрос, который требует дальнейшего исследования. Необходимо провести опрос населения области, а также сравнить результаты с исследованиями этой проблемы российскими социологическими центрами, и сопоставить эти данные с российскими и оренбургскими исследованиями 1995–1996 годов.

Социальная реальность интенсивно конструируется нашими действиями, в основе которых лежит отношение к ценностям. Именно ценности и определяют содержание наших действий. Сама постановка вопроса, предложенная респондентам в 1995 и 1996 годах была направлена на то, чтобы выявить идеальные ценности, которые могли бы объединить людей. В опросе студентов ОИ МГЮА в 2022 году мы предложили еще один вопрос, а именно «Каковы главные жизненные ценности для Вас лично?» (см. табл. 4).

Таблица 4. *Личные жизненные ценности студентов Оренбургской области (ноябрь 2022 года, в %)*

<i>Каковы главные жизненные ценности для Вас лично? (Выберите любое число ответов)</i>	<i>%</i>
здоровье	71,9
личная безопасность и безопасность близких	76,3
материальный достаток	69,1
семейное благополучие	67,6
любовь	59,7
карьерный рост	49,6
дружба	46
карьерный рост	49,6
независимость	42,4
свобода	46,8
успехи в учебе	15,1
отдых	31,7
путешествия	30,2
затрудняюсь ответить	0,7
другое (напишите)	2,4

В позицию «другое» студенты дописали: любовь к родине, патриотизм, мечта, равенство, построение демократического государства.

Итак, первая пятерка личностных жизненных ценностей для студентов выглядит так:

- личная безопасность и безопасность близких (76,3%)
- здоровье (71,9%)
- материальный достаток (69,1%)
- семейное благополучие (67,6%)
- любовь (59,7%)

Нам представляется, что набор доминантных личных жизненных ценностей зависит и от современной

⁶ Опрос проведен СЦОМ 8-11 ноября 2022 года. Опрошено 139 респондентов (48% студентов бакалавриата, 32% студентов специалитета и 20% студентов магистратуры).

ситуации в стране. Поэтому в наше турбулентное время конфликта России и Украины, проблемы безопасности для себя и близких вышли на первое место. После еще не закончившейся пандемии ковида на второе место вышло здоровье и на третье, с учетом снижения доходов населения последние 8 лет, все-таки материальное благополучие.

Институт воспитания РАО провел исследование ценностных ориентаций молодежи, результаты которого были представлены 5 июля 2022 года. В исследовании приняли участие школьники, родители, педагоги, молодежь в возрасте от 18 до 35 лет. Всего приняли участие 200 тысяч респондентов. Исследование проводилось в формате фокус-групп и онлайн анкетирования. Данные исследования ценностных ориентаций молодежи, проведенных институтом РАО в марте 2022 года в целом совпадают с результатами нашего исследования. Успех в жизни учащиеся и молодые связывают с:

- созданием крепкой семьи (57% по сравнению с 41% 2021 года)
- наличием интересной работы по душе (55% по сравнению с 53% в 2021 году)
- построением карьеры (49% по сравнению с 35% в 2021 году)
- хорошим здоровьем (48% по сравнению с 46% в 2021 году)
- хорошими верными друзьями (47% по сравнению с 52% в 2021 году).⁷

По данным нашего опроса в 2022 году 81% студентов ОИ МГЮА чувствуют себя счастливыми. И на вопрос «Укажите, пожалуйста, почему Вы ощущаете себя счастливым человеком?» студенты отметили те же личные жизненные ценности, которые уже заявили, как доминантные для себя.

- у меня хорошая семья (86%)
- есть здоровье у меня и моих родных (72%)
- есть друзья (63%)

Итак, «хорошая семья» выходит на первый план для подавляющего большинства студентов. По итогам опросов, проводимых другими социологическими центрами нашей страны, семья – это главная ценность для людей. По данным опросов СЦОМ, проведенных по области в 1995 году на фоне большой неудовлетворенности экономическими, материальными условиями жизни наблюдался высокий уровень удовлетворенности оренбуржцев отношениями в семье (86%) и кругом межличностных отношений (81%). Семья всегда выступает в своей главной роли: она является «психологическим убежищем», в котором люди спасаются от бурь и невзгод общественной жизни. Такую же роль в определенной степени могут играть и доверительные, искренние, межличностные отношения, складывающиеся между друзьями, близ-

кими людьми, родственниками, а иногда и коллегами.

Ценность семейной личной жизни в совокупности базовых ценностей по данным многих исследований является доминантной. Однако говорить о формировании у молодежи традиционных ценностей в отношении семьи также преждевременно. Один из выводов исследования, проведенного институтом воспитания РАО: «Традиционные и семейные ценности постепенно трансформируются: среди молодежи все чаще звучит тема нежелания иметь детей. Обязательным условием для вступления в брак для большинства становится финансовая и профессиональная состоятельность. Молодёжь проявляет интерес к истории и традициям семьи, но уже не проецирует эти ценности на себя»⁸. Эту трансформацию взглядов молодежи на семейные отношения надо учитывать, когда мы пытаемся сформулировать складывающиеся ценностные ориентации современного студенчества.

Исследователи института воспитания РАО пришли к выводу, что молодёжь говорит о необходимости поддерживать и развивать традиционные духовно-нравственные ценности, но эти слова носят скорее декларативный характер, нежели отражают реальную ситуацию. Понятие «традиционные ценности» для многих выступает своего рода речевым клише, а не реальной жизненной установкой.

В Администрации президента России задумались над формированием образа будущего⁹. На наш взгляд, это новая попытка экспертов-политологов сформулировать национальную идею или заложить основы новой государственной идеологии. Мы знаем, что в соответствии со статьей 13 Конституции РФ в России признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной¹⁰. А между тем формирование единого представления об образе будущего России – это отказ от идеологического многообразия. Политические партии, религиозные конфессии имеют различные представления об образе будущего. Но при этом очень важно выявлять и находить общие ценности для различных возрастных, конфессиональных и этнических групп в РФ, что позволит реально разрешать противоречия и конфликты в общественных отношениях. Однако любые попытки создать и навязать обществу государственную идеологию, как показал опыт СССР, обречены на неудачу.

В ходе нашего опроса мы выясняли также отношение студентов к своей малой родине – Оренбургской области. Наш регион является для большинства опрошенных студентов именно той территорией, где они родились и выросли. Выяснилось, что 65% сту-

⁷ Исследование института воспитания РАО. Пресс-релиз: Новые ценности молодежи: исследование: <https://после-уроков.рф/пovyе-сennosti-molodezhi-issledovanie-v-rossii/> (дата обращения: 29.11.2022).

⁸ Исследование института воспитания РАО. Пресс-релиз: Новые ценности молодежи: исследование: <https://после-уроков.рф/пovyе-сennosti-molodezhi-issledovanie-v-rossii/> (дата обращения: 29.11.2022).

⁹ Лионов Д.В. В Администрации президента России задумались над формированием образа будущего: <https://www.nakanune.ru/news/2022/11/07/22685165/> (дата обращения: 29.11.2022).

¹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

дентов нравится наш регион¹¹. А когда мы поинтересовались у этих студентов «Что именно Вам нравится в нашем регионе?», то получили следующие ответы (см. табл. 5).

Таблица 5. *Сравнение результатов студенческого опроса 2021 и 2022 годов по оценке достоинств Оренбургской области (в %)*

Что именно Вам нравится в нашем регионе? (Выберите любое число ответов) ¹²	октябрь 2021	ноябрь 2022
климат	44	43
культурный уровень	31	38
инфраструктура труда и отдыха	17	27
уровень здравоохранения	3	16

Студенты дополнительно дописали и то, что им нравится в регионе:

- здесь живут мои близкие, семья моя, родной дом,
- коммуникативные способности правоохранительных органов,
- дружелюбный народ,
- мое социальное положение в нашем регионе,
- привязанность,
- регион в целом,
- ощущение спокойствия и отсутствие суматохи,
- мой родной город,
- родина,
- природа.

Что касается оценки того, что студентам не нравится в Оренбургской области, то здесь результаты таковы (см. табл. 6).

Таблица 6. *Оценка студентами недостатков Оренбургской области (ноябрь 2022 года, в %)*

Что именно Вам НЕ нравится в нашем регионе? ¹³ (Выберите любое число ответов)	%
культурный уровень	58
уровень здравоохранения	38
климат	58
инфраструктура труда и отдыха	83

Студенты дополнительно зафиксировали и то, что им не нравится при проживании в регионе:

- транспортная инфраструктура,
- неухоженность улиц,
- отсутствие мест для прогулки,
- сокращение рабочих мест,

- работа коммунальных служб,
- труднодоступность интернета,
- грязь,
- много людей, ведущих аморальную жизнь.

Итак, мы видим, что одни и те же характеристики региона по-разному рассматриваются студентами, которые объясняют свое позитивное или негативное отношение к нашей области.

В анкете мы предложили студентам ответить на вопрос: «Планируете ли Вы уехать в другой регион России или другую страну на длительный срок для трудоустройства или на постоянное жительство?» И если в октябре 2021 года утвердительно ответили на этот вопрос 52% студентов ОИ МГЮА, то в ноябре 2022 года собираются уехать только 39%.

Студенты объясняли, почему планируют уехать из Оренбуржья после окончания вуза. Отвечали на вопрос только те студенты вузов, которые готовы покинуть область (см. табл. 7).

Таблица 7. *Сравнение причин планирования отъезда студентов из Оренбургской области в 2021 и 2022 годах (в %)*

Если планируете уехать из Оренбуржья после окончания вуза, то объясните, почему? (любое число ответов, в %)	октябрь 2021	ноябрь 2022
низкий уровень заработной платы	72	65
отсутствие перспектив карьерного роста	66	48
желание посмотреть другие города	47	57

Итак, мы видим, что причины, по которым студенты, будущие юристы, готовы покинуть Оренбургскую область остались прежние, причем в таких же процентных пропорциях. Главная причина, по которой студенты готовы покинуть регион – это низкая зарплата. Почти 70% опрошенных студентов в тройку личных жизненных ценностей включили материальный достаток. Какую же зарплату ожидали выпускники вуза в 2021 и 2022 годах (см. табл. 8)?

Итак, мы видим, что больше студентов в 2022 году согласны на меньший уровень зарплат, по сравнению с 2021 годом. Можно предположить, что в 2022 году в сознании студентов отразилась та ситуация в пострадавшей от санкций экономике России, свидетелями которой они стали.

Ценности студенческой молодежи раскрываются и в тех формах досуга, которые они предпочитают (см. табл. 9).

¹¹ Оренбургский социологический центр «Общественное мнение» (СЦОМ) с 18 по 25 октября 2021 года проводил опрос студентов оренбургских вузов по теме «Качество трудовых ресурсов». Тогда было опрошено 195 студентов, из них 130 студентов инженерного факультета ОГАУ и 65 студентов и магистрантов ОИ МГЮА. Было выявлено, что в октябре 2021 года только 57% студентов-юристов позитивно оценили Оренбургскую область. В ноябре 2022 года по тем же вопросам в режиме мониторинга мы опросили 139 студентов ОИ МГЮА.

¹² На данный вопрос отвечали только те, кому нравится наш регион.

¹³ На данный вопрос отвечали только те, кому не нравится наш регион.

Таблица 8. Сравнение представлений оренбургских студентов о достойной заработной плате для выпускников вузов в 2021 и 2022 годах (в %)

Какую заработную плату вы считаете справедливой для выпускника вуза? (Выберите один вариант ответа)	октябрь 2021	ноябрь 2022
от 20 до 30 тысяч рублей	13	13
от 30 до 40 тысяч рублей	30	34
от 40 до 50 тысяч рублей	24	20
от 50 до 100 тысяч рублей	33	29

Таблица 9. Сравнение предпочитаемых форм досуга оренбургских студентов в 2021 и 2022 годах (в %)

Как Вы предпочитаете проводить свободное время? (Выберите любое число ответов)	октябрь 2021	ноябрь 2022
провожу время с друзьями	67	75
хожу в кино, театр, на концерты	59	52
занимаюсь спортом, посещаю спортивные мероприятия	49	38
посещаю увеселительные заведения, клубы, танцполы	21	24

Итак, мы вновь увидели, что на первом месте в процессе проведения досуга – общение с друзьями. И, действительно, как мы знаем, друзья появляются именно в молодости и остаются нередко на всю жизнь. Однако на 10% уменьшилось число студентов, посещающих спортзалы и спортивные мероприятия. В целом иерархия форм отдыха для студентов-юристов осталась прежняя. Конечно, по-прежнему, значительную часть студентов не устраивают досуговые учреждения Оренбурга (см. табл. 10).

Таблица 10. Сравнение оценки оренбургскими студентами досуговых учреждений региона в 2021 и 2022 годах (в %)

Устраивают ли Вас досуговые учреждения Оренбурга? (один вариант ответа, в %)	октябрь 2021	ноябрь 2022
да	43	43
нет	46	32
затрудняюсь ответить	11	25

Только 43% студентов устраивают досуговые учреждения Оренбурга. И поэтому неудовлетворенность досугом еще одна причина, по которой молодежь с высшим образованием покидает регион.

Для нашего региона крайне важны те факторы, которые могут задержать наших студентов в Оренбургской области (см. табл. 11).

Таблица 11. Сравнение условий, при которых оренбургские студенты остались бы в регионе в 2021 и 2022 годах (в %)

При каких условиях Вы бы остались в Оренбурге? (Выберите любое число ответов) ¹⁴	октябрь 2021	ноябрь 2022
достойная заработная плата	82	80
возможность карьерного роста	64	71
интересная работа	61	51
возможность открыть свое дело	39	34

Иерархия ответов студентов не изменилась за год. Главный фактор для 80% студентов – это достойная зарплата, и для 71% студентов – возможности карьерного роста.

Еще раз подтверждается важнейшая жизненная ценность для студентов, которую они назвали уже в ходе нашего опроса, – материальный достаток.

Мы понимаем, что регион, который даже губернатор Д. Паслер в начале своего срока назвал депрессивным, в короткий срок не может измениться. Тем не менее мы уже говорили подробно о том, что нужна продуманная молодежная политика в регионе, которая сможет удержать больше молодых в Оренбургской области.

Выводы

1. Ценности, которые объединяют общество той или иной страны, способствуют сохранению морали, культуры и исторических традиций. Актуальность исследования ценностей молодежи определяется тем, что реализация ценностей в жизненной практике молодых определяет будущее страны. Однако невозможно навязать обществу государственную идеологию, которая будет включать в себя перечень сформулированных свыше ценностей. Марксистская идеология и коммунизм как главная цель общественного развития, способствовали распространению скептицизма в обществе и особенно в общественном сознании молодежи. В конечном счете в составе множества причин это и явилось важнейшим фактором распада СССР.

2. В качестве ценностей могут выступать практически любые предметы, явления, символы, в том случае, если они удовлетворяют определенные потребности и интересы людей.

3. Первичным простейшим потребностям соответствуют витальные ценности (безопасность, благополучие), более сложным потребностям – социализирующие, смыслодержающие ценности (патриотизм, социальная справедливость).

4. Мы проследили динамику ценностей студенческой молодежи, сравнив ценностные ориентации студентов Оренбурга в 1996 году и в 2022 году. Студентам был предложен набор из 19 ценностей (слов-символов), которые могут объединить людей в нашей стране. В 1996 году студенты выбрали три доминантные ценности: законность, права человека и ста-

¹⁴ На данный вопрос отвечали только те, кто планирует уехать из Оренбурга.

бильность. В 2022 году студенты выбрали другие доминантные ценности: достойная жизнь, справедливость, социальная защита.

5. Современным студентам было также предложено определить, каковы главные жизненные ценности лично для них. Были выявлены главные жизненные личностные ценности современных студентов: по нисходящей – личная безопасность и безопасность близких, здоровье, материальный достаток, семейное благополучие, любовь. В наше турбулентное время вооруженного конфликта России и Украины, проблемы безопасности для себя и близких вышли на первое место. После еще не закончившейся пандемии ковида, на второе место вышло здоровье и на третье, с учетом снижения доходов населения последние 8 лет, все-таки материальное благополучие.

6. Эти же ценности были выявлены при постановке для студентов контрольного вопроса, о причинах того, почему они ощущают себя счастливыми людьми. Студенты назвали следующие причины: у меня хорошая семья, есть здоровье у меня и моих родных, есть друзья.

7. Выяснялось отношение студентов к «малой Родине» – Оренбургской области. 65% студентов нравится Оренбургская область. Наш регион является для большинства опрошенных студентов именно той территорией, где они родились и выросли. Мы заинтересовались у студентов, планируют ли они уехать в другой регион России или другую страну на длитель-

ный срок для трудоустройства или на постоянное жительство. И если в октябре 2021 года утвердительно ответили на этот вопрос 52% студентов ОИ МГЮА, то в ноябре 2022 года собираются уехать из региона только 39%.

8. Главная причина, по которой студенты готовы покинуть Оренбуржье, – низкая зарплата в регионе. Почти 80% студентов готовы остаться в области, если будут иметь достойную зарплату, 70% останутся при наличии возможности карьерного роста. И половина студентов останутся, если им будет предложена интересная работа. Важно и то, что треть студентов не устраивают досуговые учреждения Оренбурга. Причем приоритетная форма досуга – это отдых с друзьями. А дружба – важнейшая жизненная ценность для студенческой молодежи.

9. Исследование жизненных ценностей молодежи и других категорий населения необходимо осуществлять для того, чтобы выявить общие ценности, которые могут объединить граждан нашей страны. Ценности формируются у людей под воздействием множества факторов в сложном процессе социализации и инкультурации. Их невозможно внедрить в сознание граждан через простое постулирование, навязать сверху или по плану через образовательные программы, если эти ценности не соответствуют потребностям и интересам граждан. Поэтому, прежде всего, нужно изменять жизненные условия людей и учитывать реальные ценностные ориентиры в политическом процессе.

Библиографический список

1. Клямкин И., Капустин Б. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. – 1994. – С. 39-75.
2. Duijker H. and Frijda N. National character and national stereotypes. – Amsterdam, 1960. 238 p.

Рецензент: Солодка М.С., профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественно-научных дисциплин Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), руководитель Оренбургского отделения Российского философского общества, д.филос.н.

Раздел второй

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

БУЯНОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, ekbuyanova@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

BUYANOVA EKATERINA VLADIMIROVNA

candidate of legal sciences, Associate Professor of civil Law and Process, Orenburg
Institute (branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Orenburg,
Komsomolskaya Street, 50, ekbuyanova@yandex.ru

ORGANIZATION OF JUSTICE IN CIVIL CASES INVOLVING MINORS ACCORDING TO THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Аннотация: В статье рассматривается зарубежный опыт функционирования специализированных ювенальных и семейных (опекунских) судов, деятельность которых направлена на оказание помощи такой незащищенной категории граждан, как несовершеннолетние. Выделяются достоинства и недостатки существующей системы ювенальной юстиции в зарубежных государствах. Делаются выводы о необходимости дальнейшего совершенствования процесса осуществления правосудия по гражданским делам с участием несовершеннолетних в Российской Федерации с учетом имеющихся в мировой зарубежной практике моделей и подходов к решению указанного вопроса. Определяются перспективы становления и развития системы ювенальной юстиции в Российской Федерации как одного из вариантов создания надежного и эффективного механизма защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, гражданские дела, ювенальная юстиция, специализированные ювенальные суды, специализированные семейные суды.

Review: The article examines the foreign experience of the functioning of specialized juvenile and family (guardianship) courts, whose activities are aimed at providing assistance to such an unprotected category of citizens as minors. The advantages and disadvantages of the existing juvenile justice system in foreign countries are highlighted. Conclusions are drawn about the need for further improvement of the process of justice in civil cases involving minors in the Russian Federation, taking into account the models and approaches available in the world foreign practice to address this issue. The prospects for the formation and development of the juvenile justice system in the Russian Federation are determined as one of the options for creating a reliable effective mechanism for protecting the rights and legitimate interests of minors.

Keywords: minors, civil cases, juvenile justice, specialized juvenile courts, specialized family courts.

Защита прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних на сегодняшний день является одним из приоритетных направлений политики российского государства. Несомненно, касается это и правосудия с участием несовершеннолетних.

Несмотря на сложившуюся в настоящий момент напряженную международную обстановку, нельзя отрицать того, что дальнейшее реформирование порядка организации и функционального осуществле-

ния судопроизводства с участием несовершеннолетних невозможно без учета положительного опыта зарубежных государств, накопивших в решении анализируемого вопроса богатый положительный опыт.

Вместе с тем, системный анализ норм зарубежного процессуального законодательства, позволяет сделать вывод о сложившейся в подавляющем большинстве стран Дальнего Зарубежья, и в ряде стран Ближнего Зарубежья системе ювенальной юстиции. Ины-

ми словами, речь идет о правосудии по делам (в том числе и гражданским) с участием несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, которое в зарубежных государствах осуществляется специализированными ювенальными или семейными судами.

Примечательно, что идея создания специализированных судов не нова для российской правовой действительности. Известно, что в 1910 – 1917 годах в России существовала система судов по делам несовершеннолетних, предусматривавшая единоличное рассмотрение уголовных дел в отношении данной категории лиц мировым судьей¹. Мировой судья осуществлял функции по делам несовершеннолетних, активно привлекал к работе различные благотворительные общества и попечительские службы, акцент в работе делался на помощь подростку. Однако с тех пор подобных судов в нашей стране не существовало.

Следует отметить, что в Российской Федерации на данный момент времени нет ювенальной юстиции, так как для этого не создана законодательная база, хотя существует большое количество проектов законов о ювенальной юстиции, а также предприняты попытки практической реализации ряда пилотных проектов по созданию ювенальных составов в ряде регионов России (к примеру, в Ростовской области). Так, в апреле 2000 г. в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации состоялись парламентские слушания, посвященные обсуждению законопроекта «Основы законодательства о ювенальной юстиции в Российской Федерации»².

Вместе с тем, несмотря на отсутствие в России специализированных судов, проблема эффективности осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних не только не ослабевает, но и приобретает с течением времени все большую значимость. Кроме того, следует учитывать, что равное значение имеет качество осуществляемого судопроизводства с участием несовершеннолетних как по уголовным и административным, так и по гражданским делам. Следует осознавать значимость самого субъекта материального правоотношения, субъективные права и законные интересы которого имеют ключевое значение в процессе судебного разбирательства. Именно это обстоятельство является первостепенным при определении специфики процессуальных норм, регулирующих порядок участия несовершеннолетних при рассмотрении и разрешении судами уголовных и гражданских дел.

Однако, учитывая то, что большая часть публикаций по проблемам защиты прав несовершеннолетних посвящена именно уголовному судопроизводству, данное исследование хотелось бы посвятить особенностям защиты прав несовершеннолетних посредством гражданского судопроизводства. Причем исследовательский интерес представляют нормы граж-

данского процессуального права зарубежных стран, регулирующих порядок судопроизводства с участием несовершеннолетних.

Как справедливо указывает О.Н. Здрок специализированные суды для несовершеннолетних, которые возникли и развивались преимущественно как суды, рассматривающие уголовные дела, в настоящее время приобретают цивилистический характер.

Такие суды уже функционируют в Австрии, Польше, Франции, Испании, Португалии, Японии, США, Колумбии и называются по-разному – семейными, опекунскими, по матримониальным делам, по делам несовершеннолетних и семьи.

Указанное обстоятельство, по мнению автора, свидетельствует о наметившейся тенденции преобразования судов по делам несовершеннолетних по типу судов смешанной уголовно- и гражданско-правовой юрисдикции. Следует также поддержать точку зрения автора о необходимости отнесения именно гражданских дел с участием несовершеннолетних к подсудности специализированных судов³.

Следует отметить, что законодательство различных зарубежных государств демонстрирует неоднозначность и разнообразие в подходах по организации правосудия в отношении несовершеннолетних. На сегодняшний день сложились два основных подхода в разрешении указанного вопроса: 1) создание самостоятельного специализированного суда, не включенного в систему общих судов и 2) создание специализированного судебного состава, органично инкорпорированного в систему общих судов. Иными словами, речь идет об англо-саксонской и континентальной моделях организации ювенальных судов.

Говоря об истоках становления ювенальной юстиции в зарубежных государствах, следует отметить, что первый вариант организации специализированных судов для несовершеннолетних был реализован в законодательстве таких государств, как Англия, Австралия, Бельгия, Венгрия, Греция, Египет, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, США, Франция, кантоны французской Швейцарии, Япония. И если в указанных государствах деятельность специализированных ювенальных судов была направлена, прежде всего, на рассмотрение уголовных дел с участием несовершеннолетних и осуществлением превентивной функции и профилактики детской и подростковой преступности, то деятельность специализированных опекунских судов, организованных в таких государствах, как Австрия, Германия, Испания, Португалия, кантоны немецкой Швейцарии, была сопряжена с судебной защитой гражданских прав несовершеннолетних⁴.

Второй вариант организации специализированных судов для несовершеннолетних, то есть, путем

¹ Ювенальная юстиция: опыт зарубежных стран системы общего права. URL: <https://lib.sale/yuvenalnaya-yustitsiya-pravo/yuvenalnaya-yustitsiya-opuyit-zarubejnyih-stran-33755.html> (дата обращения: 09.12.2022).

² Ювенальная юстиция: опыт зарубежных стран системы общего права. URL: <https://lib.sale/yuvenalnaya-yustitsiya-pravo/yuvenalnaya-yustitsiya-opuyit-zarubejnyih-stran-33755.html> (дата обращения: 09.12.2022).

³ Здрок О.Н. Особенности гражданского судопроизводства по делам, связанным с защитой прав и интересов несовершеннолетних // Право и демократия: Сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; под ред. В.Н. Бибило. Минск: Право и экономика, 1998. Выпуск 9. (Приложение к журналу «Право и экономика»). URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/29895> (дата обращения: 09.12.2022).

⁴ Ювенальная юстиция в зарубежных странах. URL: <https://law.wikireading.ru/hVh2MrTGdu> (дата обращения: 09.12.2022).

создания специализированных составов судей по делам несовершеннолетних был использован в таких государствах, как Греция, Ирландия, Италии, Швейцарии (кантон Женева), Япония⁵.

В таких государствах, как США, Англия, Франция и Германия суда для несовершеннолетних начали функционировать эффективнее всего. И несмотря на то, что основной акцент в судах указанных государств делался на рассмотрении уголовных дел с участием несовершеннолетних, ряд направлений их деятельности заслуживают внимания и применительно к рассмотрению гражданских дел с участием несовершеннолетних.

Так, в ювенальных судах США судьями признавалась необходимость упрощения судопроизводства по делам несовершеннолетних для уменьшения вредного влияния на детей и подростков самой процедуры рассмотрения дел в суде. Так, в США формальная судебная процедура в судах для несовершеннолетних была заменена беседой судьи с несовершеннолетним подсудимым. Сразу была признана необходимость рассматривать дела при закрытых дверях⁶.

Вместе с тем, не все исследователи вопросов ювенальной юстиции поддерживают указанный подход. Так, по справедливому замечанию О.Н. Здрок организация судопроизводства с участием несовершеннолетних должна осуществляться на основе развития существующих принципов правосудия, а не путем отказа от них. Имевшее место в истории судов по делам несовершеннолетних упрощение судебной процедуры и неиспользование основных процессуальных правил приводило к уменьшению гарантий соблюдения процессуальных прав несовершеннолетних и, в конечном итоге, вызывало кризис таких форм судопроизводства⁷.

В контексте обсуждаемой проблемы возражения вызывают и предложения об абсолютной преемственности отечественного дореволюционного опыта деятельности мировых судей по делам несовершеннолетних, в свете чего предлагается передать из районных судов мировым судьям рассмотрение материалов по делам несовершеннолетних и выделить для этих целей специализированного мирового ювенального судью⁸. Такой подход считаем недопустимым в отношении организации судопроизводства с участием несовершеннолетних. Полагаем, что «ювенальные суды» должны быть созданы только на базе районных судов общей юрисдикции. Критерий малозначительности, который служит определяющим в вопросе отнесения гражданских дел к подсудности мировых судей, к делам с участием несовершеннолет-

них, не применим.

В Германии первый суд по делам несовершеннолетних был создан в 1908 г. во Франкфурте. Этот суд не был автономным, в составе общего суда одному из его членов на год давались двойные полномочия (рассмотрение дел и опекуновское производство в отношении малолетних). Гласность при судебном разбирательстве не была ограничена, хотя заседания и проходили в специальном помещении, отдельно от других отделений общего суда. Специализация была предусмотрена и для прокурора.

Охранительная ориентация франкфуртского суда особенно проявилась в осуществляемом в данном суде опекуновском судопроизводстве в отношении малолетних.

Попечительские функции в суде для несовершеннолетних брали на себя члены союзов попечения о детях. По поручению суда они предоставляли ему сведения об условиях жизни и воспитания несовершеннолетних подсудимых. А по решению суда они брали на себя обязанность попечения о подростках, оставленных на свободе.

Профессор П.И. Люблинский, анализировавший франкфуртскую модель суда для несовершеннолетних, высоко оценил именно такое соединение в руках судьи карательных и попечительских функций. Он полагал, что этим «достигаются главные черты судов для юношества: специализация, соединение опеки и наказания и планомерное привлечение организованного попечительства о малолетних»⁹.

В 70-е годы XX столетия семейные суды были созданы в Польше. Вновь созданные суды носили экспериментальный характер. По мнению М.Я. Булошников, данные суды имели широкую компетенцию (семейные и опекуновские дела, рассмотрение дел о преступлениях несовершеннолетних и т. п.), особые требования к отбору судей (повышенный возрастной барьер, подготовка в области психологии, тестирование и другие формы квалификационных экзаменов), взаимодействие семейных судов с консультациями по вопросам брака и семьи и диагностическими центрами, насыщенность суда профессиональными кураторами, участие психолога в судебном заседании, контакт судьи с семьями своего «участка» и другие методические и организационные особенности¹⁰. Следует отметить, что в Польше семейные суды существуют по сей день, и главной задачей их деятельности является охрана и помощь семье и ребенку, а также устранение негативных факторов и условий жизни в процессе воспитания несовершеннолетних¹¹.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Здрок О.Н. Особенности гражданского судопроизводства по делам, связанным с защитой прав и интересов несовершеннолетних // Право и демократия: Сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; под ред. В.Н. Бибило. Минск: Право и экономика, 1998. Выпуск 9. (Приложение к журналу «Право и экономика»). URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/29895> (дата обращения: 09.12.2022).

⁸ Ткачев В.В. В Ростовской области создается региональная модель ювенальной юстиции // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 27.

⁹ Ювенальная юстиция в зарубежных странах. URL: <https://law.wikireading.ru/hVh2MrTGdu> (дата обращения: 09.12.2022).

¹⁰ Булошников М.Я. Специализированные суды в ПНР // Проблемы семейного права. М., 1980. С. 70.

¹¹ Ювенальная юстиция: опыт зарубежных стран системы общего права. URL: <https://lib.sale/yuvenalnaya-yustitsiya-pravo/yuvenalnaya-yustitsiya-opyit-zarubejnyih-stran-33755.html> (дата обращения: 09.12.2022).

В Японии к юрисдикции семейного суда относятся споры между супругами, родителями и детьми, в том числе споры о признании лица недееспособным, о назначении опекунов, а также споры о назначении содержания иждивенцам. Рассмотрение дел в семейном суде осуществляется судьей в присутствии специальных советников, избираемых из граждан. В отличие от обычной процедуры предусматривается закрытая форма судебного заседания, отсутствует устное состязание, споры решаются на основе судебного усмотрения. Практически по всем брачно-семейным спорам установлена предварительная примирительная процедура. Примирительная комиссия, ее осуществляющая, состоит из судьи семейного суда и двух членов, назначаемых данным судом. К юрисдикции судов общей компетенции относятся иски о признании недействительности брака, об аннулировании развода, об усыновлении, о признании отцовства (однако по ним также обязательна предварительная примирительная процедура в примирительной комиссии при семейном суде)¹². Как справедливо указывает И.В. Воробьева, именно такая организация и порядок судебного рассмотрения семейных споров соответствует традициям правовой системы Японии¹³.

В Республике Беларусь специализированные суды для рассмотрения дел с участием несовершеннолетних не созданы. Однако производство по делам с участием несовершеннолетних, связанным с защитой их прав и законных интересов, и порядок принудительного исполнения судебных актов имеют некоторые процессуальные особенности. К их числу относятся, в частности, допущение закрытого судебного заседания для обеспечения тайны усыновления (ст. 10 ГПК Республики Беларусь); обязательное привлечение органа опеки и попечительства к рассмотрению судом споров, связанных с воспитанием детей, с признанием недействительным или отменой усыновления (ст. 78, ст. 129 КоБС Республики Беларусь); предоставление судье прав при рассмотрении дел о лишении родительских выходов за пределы исковых требований и взыскивать алименты на детей независимо от предъявления такого иска (ст. 192 ГПК Республики Беларусь, п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 1994 года «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»); нераспространение ограничений размера удержаний из заработной платы должника и приравненных к ней платежей при взыскании алиментов на несовершеннолетних детей (ст. 367 ГПК Республики Беларусь).

Заслуживает внимания и поддержки предложение О.Н. Здрок о закреплении возможности назна-

чения несовершеннолетнему, у которого отсутствуют родители, усыновители, опекуны или попечители, а также в случаях, когда в соответствии со ст. 167 КоБС Республики Беларусь они не могут быть допущены к судебному представительству разового представителя для конкретного дела. Механизм назначения несовершеннолетнему разового представителя закрепляется в законодательстве Индии¹⁴, США и Англии¹⁵.

Как показывает опыт этих государств, порядок оформления разового представительства должен исходить с учетом следующих обстоятельств:

– разовый представитель должен назначаться либо судьей по собственной инициативе, либо по ходатайству заинтересованного несовершеннолетнего или других лиц, участвующих в деле;

– необходимо предусмотреть в качестве оснований для отказа к участию в деле в качестве разового представителя случаи ведения дела между несовершеннолетним и супругом или близким родственником кандидата в разовые представители, так как, при наличии такой возможности в законодательстве будет нивелироваться назначение и сущность разового представительства, и замена законного представителя разовым теряет всякий смысл;

– суд должен располагать специальным списком лиц для назначения разовых представителей, на тот случай, если ходатайство заявлено без указания конкретной кандидатуры или предложенный кандидат не согласен или не может быть представителем. Думается, что этот список может быть составлен из числа работников органов опеки и попечительства, социальных педагогов, детских психологов¹⁶.

Несомненный интерес представляют предложения ряда исследователей законодательства Республики Беларусь, в частности, М. Чуприса, о необходимости привлечения к участию в деле, в котором затрагиваются права и законные интересы несовершеннолетнего медицинского работника (педиатра, психолога, психиатра или нарколога)¹⁷, так как физическое и психическое благополучие несовершеннолетнего ребенка должно всемерно обеспечиваться и в процессе судебного разбирательства, участником которого является несовершеннолетний.

В Республике Казахстан, в ходе проводимой судебно-правовой реформы решен вопрос о дальнейшей специализации судей путем создания специализированных судов, в частности, ювенальных (судов по делам несовершеннолетних). В соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 23 августа 2007 года в городах Астана и Алматы образованы специализированные межрайонные суды по де-

¹² Вагацума Сакаэ, Ариндзуми Тору. Гражданское право Японии. М., 1983. С. 172-173.

¹³ Воробьева И.В. К вопросу о целесообразности создания специальных семейных судов в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2013. № 19 (120). С. 113.

¹⁴ Рябкин В.И. Гражданский процесс Индии. М., 1992. С. 57.

¹⁵ Пучинский В.К. Участники буржуазного гражданского процесса (Англия, США, Франция). М., 1991. С. 38.

¹⁶ Здрок О.Н. Особенности гражданского судопроизводства по делам, связанным с защитой прав и интересов несовершеннолетних // Право и демократия: Сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; под ред. В.Н. Бибило. Минск: Право и экономика, 1998. Выпуск 9. (Приложение к журналу «Право и экономика»). URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/29895> (дата обращения: 09.12.2022).

¹⁷ Чуприс М. Обеспечение прав несовершеннолетних, привлекаемых к административной ответственности, в Республике Беларусь // Законность и правопорядок. 2017. № 2 (42). С. 53.

лам несовершеннолетних, что явилось базой для развития ювенальной юстиции Республики Казахстан¹⁸. При этом следует отметить, что суды по делам несовершеннолетних в Республике Казахстан организованы по типу судов смешанной уголовно- и гражданско-правовой юрисдикции. Указанный вывод подтверждает тот факт, что ювенальные суды в Республике Казахстан рассматривают как гражданские дела, связанные с воспитанием и содержанием детей (о расторжении брака, лишении родительских прав, установлении отцовства и т.д.), так и осуществляют судебное разбирательство дел о преступлениях и административных правонарушениях несовершеннолетних, а также дел о преступлениях взрослых лиц, в результате которых нарушается нормальное развитие и воспитание детей и подростков (вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения и т.д.)¹⁹.

Таким образом, следует отметить, что термин «ювенальная юстиция» в последние годы получает все большую распространенность в отечественной теории и практике. В частности, юристы, отстаивающие позицию о необходимости создания в Российской Федерации специализированных судов, мотивируют это, с одной стороны, фактами практически повсеместного распространения специализированных судов по делам несовершеннолетних в зарубежных государствах, а, с другой, наличием общепризнанных международных стандартов в сфере осуществления судопроизводства с участием несовершеннолетних.

В то же время, при детальном рассмотрении указанной проблемы следует признать справедливыми выводы ряда исследователей о небеспорности вышеназванных утверждений в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, политическая карта мира насчитывает около 200 государств в мире, и только в 30 из них существуют ювенальные или семейные (опекунские) суды. Вместе с тем, следует признать тот факт, что, несмотря на отсутствие специализированных судов для рассмотрения дел с участием несовершеннолетних, законодательство этих государств предусматривает множество особенностей судопроизводства по делам с их участием. Это проявляется и в специфике действия принципа гласности гражданского или уголовного судопроизводства, причем в одних государствах обеспечение гарантий соблюдения прав несовершеннолетних тяготеет в сторону ограничения принципа гласности судопроизводства, в других, напротив, пропагандирует открытое разбирательство

дел с участием несовершеннолетних; в составе участников процесса, проявляющееся в привлечении «вспомогательных» участников процесса: педагогов, психологов, медицинских работников, органов опеки и попечительства, прокурора, «детского» адвоката; в особенностях допроса несовершеннолетнего свидетеля и выяснения мнения ребенка по какому-либо юридически значимому факту, входящему в предмет доказывания по делу, а также ряд других процессуальных гарантий, а, во-вторых, международные стандарты в сфере осуществления судопроизводства с участием несовершеннолетних не содержат в себе императивных норм о необходимости создания в каждом государстве судов по делам несовершеннолетних²⁰. В указанных положениях содержатся лишь рекомендации о реализации в национальном законодательстве режима более гуманного подхода к ребенку, ставшему участником процессуальных отношений. Вопросы же организации правосудия государства вправе решать самостоятельно.

Несмотря на вышеизложенные аргументы, следует учитывать, что ювенальная юстиция – это не только система специально созданных для разрешения дел с участием несовершеннолетних ювенальных или семейных судов. Представляется, ювенальная юстиция – это еще и особое отношение к детям и подросткам. Именно ювенальный суд должен стать инициатором актуализации проблемных вопросов воспитания и оказания помощи этой незащищенной категории граждан²¹. Главное назначение ювенального суда в том, чтобы обеспечить особый подход к несовершеннолетнему, попытаться выяснить настроения, мотивы, суждения ребенка. Не только применить норму права, но и попытаться выяснить глубинные причины произошедших событий, участником которых вольно или невольно стал несовершеннолетний ребенок.

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что во многих зарубежных странах накоплен богатый опыт работы специализированных служб для несовершеннолетних, достаточно эффективно защищающих их права и интересы²². Однако, как известно, любая попытка построить что-то новое через заимствование учреждений, эффективных в других странах, наталкивается на отсутствие системных условий (в виде связанных с деятельностью ювенальных судов учреждений, способов управления и политики, культурного уровня населения и т. д.). Все это требует теоретического анализа функций ювенальной юстиции в обществе и их исторической эволюции. Только после этого возможно учреждение необходимых структур²³. Поми-

¹⁸ Мауленов Г.С. Ювенальная юстиция: опыт зарубежных стран // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2010. № 1 (17). С. 56.

¹⁹ Мауленов Г.С. Ювенальная юстиция: опыт зарубежных стран // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2010. № 1 (17). С. 56; Сыздыкова А.Т. Ювенальная юстиция в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2010. № 4 (12). С. 171.

²⁰ Ювенальная юстиция: опыт зарубежных стран системы общего права. URL: <https://lib.sale/yuvenalnaya-yustitsiya-pravo/yuvenalnaya-yustitsiya-opyit-zarubejnyih-stran-33755.html> (дата обращения: 09.12.2022).

²¹ Даулетияр А.Ж. Правовые аспекты становления и развития казахстанской модели ювенальной юстиции // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2010. № 1 (17). С. 121.

²² Ведерникова О.Н. Современная тенденция развития ювенальной юстиции за рубежом // Российская юстиция. 2005. № 3. С. 44; Булошников М.Л. Специализированные суды в ПНР // Проблемы семейного права. М., 1980. С. 70.

²³ Ювенальная юстиция в зарубежных странах. URL: <https://law.wikireading.ru/hVh2MgTGdu> (дата обращения: 09.12.2022).

мо прочего, это требует тщательного и глубокого изучения истории развития правовой системы и юстиции каждого конкретного государства, его базовых правовых институтов. Только после этого можно очень осторожно вводить новые правовые учреждения внимательно наблюдая на каждом этапе его функционирования за результатом и эффективностью нового правового явления.

Как верно указывает А.Ж. Даулетияр предпосылками становления и развития ювенальной юстиции в каждом отдельном государстве являются: имплементация закрепленных норм международного права в национальное законодательство; определение концепции юридического воздействия; формирование нормативно-правовой базы; формирование институциональной базы; определение системы подготовки и повышения квалификации кадров²⁴.

Безусловно, в идеальном варианте, создание ювенальных или семейных судов, специализирующихся на рассмотрении и разрешении семейно-правовых вопросов – это цель, к которой должно стремиться государство на пути обеспечения наиболее эффективной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Вместе с тем, не менее очевидно и то, что процесс создания ювенальной юстиции в Российской Федерации – процесс довольно длительный, тогда как разрешение вопросов, связанных с осуществлением правосудия по гражданским делам с участием несовершеннолетних жизненно необходимо уже сегодня. Именно поэтому, вне зависимости от наличия или отсутствия в ближайшей или отдаленной правовой перспективе специализированных судов в Российс-

кой Федерации, полагаем необходимым учесть положительный опыт специализированных «детских» судов в зарубежных странах при отправлении правосудия по гражданским делам в отношении несовершеннолетних в российских судах.

Важно и то, что особенности рассмотрения гражданских дел с участием несовершеннолетних должны определяться необходимостью компенсировать неполный объем их гражданской процессуальной дееспособности и обеспечить им возможность защиты своих прав и интересов в суде в условиях равенства с другими лицами, участвующими в деле²⁵.

Еще один нюанс. Однозначно нельзя признать правильной практику существования подавляющего большинства процессуальных норм в семейном законодательстве Российской Федерации, в том числе, и по вопросу регулирования отношений с участием несовершеннолетних. При этом, как верно указывает И.В. Воробьева, опять откладывается на неопределенное время процесс совершенствования гражданского процессуального права, в частности, реализации различных вариантов семейно-правовой специализации, направленной на рассмотрение и разрешение семейных споров²⁶.

Нельзя забывать и о межведомственном взаимодействии суда и иных государственных органов, деятельность которых так или иначе связана с защитой прав несовершеннолетних. Думается, в российском обществе и государстве надлежит сформировать особое отношение к несовершеннолетним и понимание важности и судьбоносности принимаемых решений по делам с участием несовершеннолетних.

Библиографический список:

1. Булошников М.Я. Специализированные суды в ПНР // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Проблемы советского семейного права» (19-21 января 1979 г.). – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. – С. 68-70.
2. Ведерникова О.Н. Современная тенденция развития ювенальной юстиции за рубежом // Российская юстиция. – 2005. – № 3. – С. 43-47.
3. Воробьева И.В. К вопросу о целесообразности создания специальных семейных судов в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2013. – № 19 (120). – С. 112-115.вопр
4. Даулетияр А.Ж. Правовые аспекты становления и развития казахстанской модели ювенальной юстиции // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2010. – № 1 (17). – С. 118-121.
5. Здрок О.Н. Особенности гражданского судопроизводства по делам, связанным с защитой прав и интересов несовершеннолетних // Право и демократия: Сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; под ред. В.Н. Бибило. – Минск: Право и экономика, 1998. Выпуск 9. (Приложение к журналу «Право и экономика»). URL: <http://elibr.bsu.by/handle/123456789/29895> (дата обращения: 09.12.2022).
6. Мауленов Г.С. Ювенальная юстиция: опыт зарубежных стран // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2010. – № 1 (17). – С. 56-59.
7. Сыздыкова А.Т. Ювенальная юстиция в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2010. – № 4 (12). – С. 170-175.
8. Ткачев В.В. В Ростовской области создается региональная модель ювенальной юстиции // Российская юстиция. – 2002. – № 2. – С. 25-27.

²⁴ Даулетияр А.Ж. Правовые аспекты становления и развития казахстанской модели ювенальной юстиции // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2010. № 1 (17). С. 118.

²⁵ Здрок О.Н. Особенности гражданского судопроизводства по делам, связанным с защитой прав и интересов несовершеннолетних // Право и демократия: Сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; под ред. В.Н. Бибило. Минск: Право и экономика, 1998. Выпуск 9. (Приложение к журналу «Право и экономика»). URL: <http://elibr.bsu.by/handle/123456789/29895> (дата обращения: 09.12.2022).

²⁶ Воробьева И.В. К вопросу о целесообразности создания специальных семейных судов в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2013. № 19 (120). С. 115.

9. Чуприс М. Обеспечение прав несовершеннолетних, привлекаемых к административной ответственности, в Республике Беларусь // Законность и правопорядок. – 2017. – № 2 (42). – С. 49-54.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ЕРШОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50,

ФРАНЦ ОЛЕСЯ ВИКТОРОВНА

студентка Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50,
olesya_franc@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА О СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ

YERSHOVA YULIA VIKTOROVNA

candidate of legal sciences, assistant, assistant professor of the Department of civil law and procedure Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50,
yuliya.erschova@mail.ru

FRANTS OLESYA VIKTOROVNA

student of the Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, olesya_franc@mail.ru

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF THE SURROGACY CONTRACT

Аннотация. В статье анализируется правовая природа договора о суррогатном материнстве, представлены различные позиции ученых о типологии договора. Рассматривается проблема определения некоторых элементов договора, в частности, предмета и формы. Анализируются отдельные аспекты наступления ответственности за неисполнение сторонами обязательств по договору о суррогатном материнстве.

Ключевые слова: договор о суррогатном материнстве, суррогатная мать, суррогатное материнство, ответственность, установление материнства, вспомогательные репродуктивные технологии, форма договора о суррогатном материнстве.

Review. The article analyzes the legal nature of the surrogacy contract, presents the various positions of scientists on the typology of the contract. The problem of defining some elements of the contract, in particular, the subject and form, is considered. Separate aspects of liability for non-fulfillment of obligations by the parties under the surrogate motherhood agreement are analyzed.

Keywords: surrogacy contract, surrogate mother, surrogate motherhood, responsibility, establishment of motherhood, assisted reproductive technologies, surrogacy contract form.

Правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации существует и развивается параллельно с развитием медицины в этой сфере. Суррогатное материнство – один из сложнейших и наиболее дискуссионных правовых институтов современности. Институт является смежным и объединяет в себе нормы семейного и гражданского права. Кроме того, имея очень большую морально-нравственную составляющую, постоянно подвергается попыткам оценки, изменения регулирования и даже зачастую серьезным ограничениям. В настоящей статье предпринята попытка формального анализа правовой конструкции договора о суррогатном материнстве, не затрагивая морально-нрав-

ственных аспектов и в этом смысле игнорируя позиции многих политиков и общественных деятелей.

В России как некоммерческое, так и коммерческое суррогатное материнство разрешено законодательно.

Следует сказать, что качественные статистические данные исходят от Российской Ассоциации Репродукции Человека (далее - РАРЧ)¹. Данная ассоциация ведет регистр медицинских данных об использовании репродуктивных технологий, в том числе и суррогатного материнства.

По данным Регистра ВРТ РАРЧ в 2010 году в России было зафиксировано 193 случая рождения с использованием суррогатного материнства, в 2016 году

¹ <https://rahr.ru/index.php>

родами закончились 470 из 676 клинических беременностей².

Общее число медицинских центров, проводивших лечение бесплодия с использованием программ ВРТ, в 2018 составляло 230, в 2019 году – 299, т.е. увеличилось на 30%. Из них в 2019 году 114 центров ВРТ работало с участием суррогатных матерей. Родами закончились 806 беременностей³. При этом количество рожденных детей превышает количество родов значительно ввиду распространенного многоплодия.

Таким образом, мы можем наблюдать явную тенденцию увеличения количества случаев использования услуг суррогатной матери. Это прямо означает, что законодатель должен принять во внимание это обстоятельство и работать над совершенствованием законодательства. Кроме того, следует отметить, что различные источники называют гораздо большие цифры, однако при этом, не являясь официальными статистическими ресурсами⁴.

В теории отмечается, что в мировых правовых системах существует три основных подхода к регулированию отношений, вытекающих из договора о суррогатном материнстве⁵. Законодательство отдельных стран признает приоритет прав генетических родителей в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью (например, Белоруссия, Украина, некоторые штаты США). Следовательно, из данной позиции вытекает позитивное отношение и к договорам о «заменяющем материнстве». Вторая позиция прямо противоположна, закрепляется приоритет прав суррогатной матери. Из второй позиции следует отрицательное отношение к договорам суррогатного материнства. Третья позиция сводится к тому, чтобы решать вопрос в соответствии с волеизъявлением «заменяющей матери»: если она желает оставить ребенка себе, она признается субъектом родительских прав, в ином случае такими субъектами признаются генетические родители⁶. Это сочетается с признанием некоторых договоров действительными, некоторых – нет.

В Российской Федерации предпринимались неоднократные попытки запрещения суррогатного материнства, которые так и не были реализованы. Мотивация отмены данного явления содержится, например, в пояснительной записке к законопроекту № 133590-7⁷

(в последующем отклоненному). В ней указывается, что институт суррогатного материнства нарушает права ребенка, поскольку он позиционируется как объект сделки, которому присущи признаки товара, а не личности. По мнению разработчиков законопроекта, суррогатное материнство представляет собой сделку, которая направлена на оказание не только услуги, но и связана с передачей определенного будущего объекта по договору.

Стоит подчеркнуть, что институт суррогатного материнства на территории Российской Федерации активно используется иностранными гражданами, которые выступают в качестве потенциальных родителей. Так, группой депутатов Государственной Думы был предложен законопроект о введении запрета на использование услуг суррогатного материнства иностранцами⁸. Согласно пояснительной записке к законопроекту, предлагается закрепить в законодательстве РФ право пользоваться услугами суррогатной матери только состоящих в браке граждан России, либо одинокой женщины – гражданки РФ, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. Кроме того, предлагается также наделять рожденных суррогатными матерями на территории нашей страны детей гражданством Российской Федерации по рождению в случаях, если биологические родители являются иностранными гражданами или лицами без гражданства с целью обеспечения безопасности наиболее уязвимой категории людей – детей. Однако данный законопроект 21.12.2021 г. был отклонен.

В 2021 году была аналогичная попытка урегулировать данные вопросы, им был посвящен законопроект № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенный депутатами Государственной Думы А.Ю. Кузнецовой, В.И. Пискаревым, П.О. Толстым и другими. Официальный отзыв на этот проект, поступивший от Правительства РФ, содержал критику, в том числе, указания на то, что «предлагаемое регулирование в части приобретения ребенком, рожденным в результате суррогатного материнства, гражданства Российской Федерации является избыточным», «законопроект содержит риски нарушения прав и интересов ребенка» и прочие⁹. Уровень аргументов явственно по-

² Российская Ассоциация Репродукции Человека: национальный регистр ВРТ. [Электронный ресурс] // URL: http://www.rahr.ru/registr_otchet.php (дата обращения: 30.05.2022).

³ Российская Ассоциация Репродукции Человека: национальный регистр ВРТ [Электронный ресурс] // URL: https://rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrART2019.pdf (дата обращения: 30.05.2022).

⁴ См., например: Мационг Е. Врач рассказал, как отбирают суррогатных матерей и кто заказывает детей // <https://rg.ru/2020/02/15/reg-urfo/vrach-rasskazal-kak-otbiraiut-surrogatnyh-materej-i-kto-zakazyvaet-detej.html> (дата обращения: 30.05.2022).

⁵ Анисимов А.П., Мограбян А.С. Договор о суррогатном материнстве в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5. С. 119.

⁶ Азизов А.А. Сравнительная характеристика договора суррогатного материнства в России, США, Израиле и Германии // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 183.

⁷ Пояснительная записка к законопроекту 133590-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета суррогатного материнства от 27.03.2017» [Электронный ресурс] URL: <https://lawmon.ru/law/133590-7.html> (дата обращения 30.04.2022).

⁸ Законопроект № 1191971-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления требования о наличии гражданства Российской Федерации при использовании суррогатного материнства на территории Российской Федерации) от 11.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1191971-7> (дата обращения: 30.04.2022).

⁹ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЗЫВ Правительства РФ на проект федерального закона № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенный депутатами Государственной Думы П.О. Толстым, А.Ю. Кузнецовой, В.И. Пискаревым и другими, сенатором Российской Федерации М.Н. Павловой. URL: https://rahr.ru/d_index/otzpr.pdf (дата обращения: 30.04.2022).

казывает уровень законопроекта. При этом сама идея, заложенная в проекте, в отзыве не отвергается.

Рассмотрим формальную конструкцию договора, уже закрепленную в законодательстве.

Впервые легальное определение понятия суррогатного материнства было дано в ч. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁰, где сказано, что суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям.

Также нормы, регламентирующие в части данные отношения, содержатся в Семейном кодексе РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ¹¹, Законе РФ «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ¹², Приказе Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»¹³ и др. Но, к сожалению, указанные нормативные правовые акты не регламентируют положения, непосредственно связанные с договором о суррогатном материнстве. В них не содержатся существенные условия и порядок его заключения, права и обязанности сторон и гарантии соблюдения прав будущего ребенка, а также ответственность.

Это дает почву для научно-теоретического анализа. Несмотря на показанную выше востребованность института суррогатного материнства в России, единое определение договора о суррогатном материн-

стве на законодательном уровне отсутствует. Отношения, которые возникают в результате его реализации, как полагают А.В. Малютина¹⁴, Т.В. Краснова¹⁵ и другие авторы, имеют гражданско-правовой характер. О.В. Фетисова также считает договор о суррогатном материнстве гражданско-правовым: «внешним выражением отношений служит договор возмездного оказания услуг, а его предметом могут быть лишь имущественные взаимоотношения сторон»¹⁶.

С.Ю. Чашкова¹⁷, Н.Ф. Звенигородская¹⁸ полагают, что, несмотря на гражданско-правовую природу, договор о суррогатном материнстве следует относить и к сфере семейно-правового регулирования, что говорит о его комплексном характере, поскольку существует на границе гражданского и семейного права. Предлагается, например, в работах Е.В. Стеблевой, признавать его особой семейно-правовой природой¹⁹.

Представители третьей группы не относят договор о суррогатном материнстве ни к гражданско-правовым, ни к семейно-правовым договорам, а признают за ним особый статус, обозначая его как непоименованный, смешанный договор²⁰. В частности, о необходимости выделения договора о суррогатном материнстве в отдельный, самостоятельный вид договора говорит Т.Е. Борисова²¹. По ее мнению, договор о суррогатном материнстве во многом похож по признакам на договор возмездного оказания услуг, но между ними имеется и ряд различий. В частности, в том, что по российскому законодательству он осуществляется как на возмездной, так и на безвозмездной основе, что нехарактерно для договора возмездного оказания услуг и исключает возможность его отнесения к подвидам последнего.

Высказано в литературе и мнение о том, что договор о суррогатном материнстве является смешанным полиотраслевым договором, состоящим из гражданско-правовых и семейно-правовых элементов²².

¹⁰ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 ноября. № 263.

¹¹ Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Российская газета. 1996. 27 января. № 17.

¹² Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. 1997. 20 ноября. № 224.

¹³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению». [Электронный ресурс]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/8023-prikaz-o-poryadke-ispolzovaniya-vspomogatelnyh-reproduktivnyh-tehnologiy-protivopokazaniyah-i-ogranicheniyah-k-ih-primeneniyu> (дата обращения: 30.04.2022)

¹⁴ Малютина А.В. О правовой природе договора суррогатного материнства // Всероссийский журнал научных публикаций. 2015. № 1. С. 46.

¹⁵ Краснова Т.В. Основания возникновения семейных правоотношений // Современное состояние российского законодательства: проблемы и пути совершенствования: тезисы докладов международной научно-практической конференции. 2012. № 32. С. 264.

¹⁶ Фетисова О.В. Бездетные семьи в России: пути решения проблемы // Семья и дети. Труды Института государства и права РАН. 2008. № 2. С. 59.

¹⁷ Чашкова С.Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 23.

¹⁸ Звенигородская Н.Ф. Семейно-правовые сделки: проблемы классификации // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 4. С. 85.

¹⁹ Стеблева Е.В. Проблемы реализации прав участников отношений суррогатного материнства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 15.

²⁰ Скаянская Д.Д. К вопросу о правовой природе договора суррогатного материнства // Человек. Социум. Общество. 2022. № 1. С. 69-70.

²¹ Борисова Т.Е. Договор суррогатного материнства: актуальные вопросы теории, законодательства и практики // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 8.

²² Брагинский М.И. Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. М.: Статут, 2007. С. 39; Чельшев М.Ю., Огородов Д.В. К вопросу о видах смешанных договоров в частном праве // Законодательство и экономика. 2006. № 2. С. 35.

Мы придерживаемся позиции той авторов, которые считают, что такого рода договоры следует относить к гражданско-правовым, а именно к договору о возмездном оказании услуг. Обосновывая такую точку зрения, следует отметить, что, заключая договор о суррогатном материнстве его сторонами являются: суррогатная мать, исполнитель, и потенциальные родители (генетические) или одинокая женщина – заказчица, преследующие личные интересы. Интересом исполнителя в первую очередь следует признать получение материальной выгоды, заказчика – возможность стать родителями. Если говорить о моменте заключения договора, то следует полагать, что он должен заключаться до момента оплодотворения яйцеклетки суррогатной матери, то есть уже при наличии определенных договоренностей по всем существенным условиям договора. Важно, что при отсутствии соглашения по таким, договор будет признан незаключенным. Те аспекты, которые описывают авторы в аргументации об ином типе договора (безвозмездность, семейно-правовой характер и пр.), следует признать малозначительными и не влияющими на разрешение вопроса.

Существует несколько вопросов по поводу элементов и содержания договора. Во-первых, нет единой позиции о том, что является предметом договора о суррогатном материнстве. Во-вторых, проработаны механизмы защиты сторон и содержание договора.

Существуют различные позиции по вопросу о том, что является предметом договора о суррогатном материнстве. Например, М.Б. Цаликова и М.В. Кульчиева считают, что договор о суррогатном материнстве аналогичен договору возмездного оказания услуг, по которому одна сторона обязуется выполнить определенные действия, а другая – их оплатить²³. И.И. Калаушина в своём исследовании приходит к выводу, что данный договор можно считать смешанным, как гражданско-правовую сделку, содержащую элементы различных договоров, предусмотренных законом²⁴. Безусловно, предметом договора выступают услуги, оказываемые суррогатной матерью. Но какие именно? Начало исполнения? Например, бывает множество ситуаций, и статистика РАРЧ тому в подтверждение, когда в отношении потенциальной суррогатной матери осуществляются медицинские процедуры, в итоге не приводящие к рождению ребенка. Так, в 2019 году 2573 цикла с участием суррогатных матерей завершились переносом эмбрионов, в результате наступила 1191 беременность²⁵. И только 806 беременностей закончились родами. Следовательно, 1767 случаев не привели к желаемому результату, а объем медицинских манипуляций в каждом случае

был разновеликим. Включаются ли эти манипуляции в предмет договора? Все или только часть? Как оплачиваются? Ответа на это законодательство не дает. Однако, на наш взгляд, заключение договора должно иметь место еще «до порога» медицинского центра и включать в себя весь комплекс предварительных обследований и подготовки женщины к будущей беременности. На практике этот вопрос нивелируется, как правило, тем, что заказчица в любом случае несет расходы на данные мероприятия, но, к сожалению, при отсутствии договора ни одна из сторон не имеет тех гарантий прав, которые были бы в обратном случае. Кроме того, заключение договора исключило бы и «теневые отношения».

Затрагивая вопрос формы договора о суррогатном материнстве, авторы пишут о необходимости письменной, зачастую унифицированной формы. Это облегчит разрешение возможных споров и урегулирует отношения между сторонами²⁶, которые определены в п. 10 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Также следует согласиться с О.Н. Артюшиной и М.В. Прохоровой в части возможного, но не обязательного, использования нотариального удостоверения данной сделки²⁷. Мы считаем, что нотариальную форму договора необходимо популяризировать во всех случаях, когда содержание договора весьма значимо для сторон. Этому должна быть посвящена часть государственных мероприятий в сфере правового просвещения населения.

Особое внимание следует уделить ответственности за невыполнение сторонами обязательств по договору о суррогатном материнстве.

Необходимо законодательно закрепить недопустимость расторжения договора до фактического окончания беременности, а также возложить ответственность за отказ от рожденного ребенка для обеих сторон договора. Авторами поддерживается данная позиция, например, указывается, что «для защиты прав и законных интересов ребенка и суррогатной матери необходимо установить в законе запрет на расторжение договора суррогатного материнства (как в случае нарушения, так и добросовестного исполнения договора суррогатной матерью) по инициативе супругов-заказчиков после наступления беременности суррогатной матери. Супруги должны четко представлять последствия своих действий перед заключением договора. Этот запрет снизит риск легкомысленного отношения к заключению договора суррогатного материнства со стороны супругов-заказчиков»²⁸.

²³ Цаликова М.Б., Кульчиева М.В. Договор суррогатного материнства // Перспективы развития АПК в современных условиях: материалы 7-й Международной научно-практической конференции. 2019. № 14. С. 508.

²⁴ Калаушина И.И. Предмет договора суррогатного материнства: теория и практика // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. 2020. № 12. С. 267-268.

²⁵ https://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrART2019.pdf (дата обращения: 30.04.2022).

²⁶ Борисова В.Б., Кудрявцева Л.В. Договор суррогатного материнства: понятие, правовая природа, проблемы правоприменения // Эпомен. 2020. № 48. С. 75.

²⁷ Артюшина О.Н., Прохорова М.В. Правовая природа договора о суррогатном материнстве // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1. С. 237.

²⁸ Артюшина О.Н., Прохорова М.В. Указ. соч. С. 235.

Стоит отметить, что вынашивание ребенка – это долгий, зачастую мало предсказуемый процесс, который несет в себе риски как фактического, медицинского, так и правового характера, поэтому договор о суррогатном материнстве можно отнести к алекторным договорам.

Суррогатная мать может быть привлечена к гражданско-правовой ответственности: за умышленное препятствование прохождению ею оговоренных в договоре процедур, осмотров и анализов; за несоблюдение предписаний врачей; за несоблюдение условий проживания, питания и режима дня, а также других условий, касающихся жизни суррогатной матери во время беременности, что были оговорены в договоре; за умышленное причинение вреда своему здоровью, если это могло повлечь за собой негативные последствия для ребенка; за дачу заведомо ложной информации о себе; за разглашение конфиденциальной информации. Все эти случаи наступления ответственности должны быть закреплены в договоре суррогатного материнства.

Генетические родители также могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности за несвоевременную оплату услуг суррогатной матери; за отказ от признания ребенка своим; за дачу заведомо ложной информации; за разглашение конфиденциальной информации; за необеспечение оговоренных в договоре условий проживания и питания суррогатной матери.

Следует отметить, что в договоре о суррогатном материнстве необходимо заблаговременно устанавливать ответственность сторон за несоблюдение или ненадлежащее соблюдение условий договора. Также в такой договор следует включить обеспечение исполнения заказчиками денежных обязательств перед суррогатной матерью. Такое нововведение гарантировало бы осуществление прав суррогатной матери.

В окончании повествования затронем наиболее сложный вопрос – вопрос приоритета воли в установлении статуса родителей одной из сторон договора.

Действительно, по этому поводу имеется максимальное количество публикаций как правового, так и социального, политического толка. При общей неоднозначной оценке института суррогатного материнства краеугольным именно для законодательства остается решение суррогатной матери либо передать ребенка заказчикам, либо оформить родительские права за собой. Информационные источники неправового характера содержат данные о том, что проблема является весьма преувеличенной, так как подавляющее число суррогатных матерей заключают данный договор исключительно из меркантильных соображений, поэтому отказы очень редки. Но именно эти отказы и выявляют спорность правовой конструкции.

На наш взгляд, современное разрешение вопроса, установленное абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» правильно и логично. Приоритет воли и волеизъявления суррогатной матери может быть изменен судом в случае, если это необходимо для реализации прав и законных интересов ребенка.

Таким образом, в Российской Федерации назрела необходимость более детальной разработки норм о суррогатном материнстве, которые в свою очередь будут основаны на выработке концептуальной позиции государства об институте суррогатного материнства. Все политические аспекты в этом смысле должны быть приняты во внимание с учетом интересов граждан Российской Федерации и их прав на свободное, самостоятельное решение вопросов деторождения. Участие иностранных граждан, которое обсуждается в последнее время все более широко, возможно ограничить. Без концептуального отношения продолжится ситуация меняющих друг друга законопроектов, нестабильности отношений, отсутствия должных гарантий прав и, как следствие, «теневых отношений» в рассмотренной сфере.

Библиографический список

1. Азизов А.А. Сравнительная характеристика договора суррогатного материнства в России, США, Израиле и Германии // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 11. – С. 181-188.
2. Анисимов А.П., Мограбян А.С. Договор о суррогатном материнстве в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – №15(5). – С. 117-125.
3. Артюшина О.Н., Прохорова М.В. Правовая природа договора о суррогатном материнстве // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – № 1. – С. 234-238.
4. Борисова В.Б., Кудрявцева Л.В. Договор суррогатного материнства: понятие, правовая природа, проблемы правоприменения // Эпомен. – 2020. – № 48. – С. 74-79.
5. Борисова Т.Е. Договор суррогатного материнства: актуальные вопросы теории, законодательства и практики // Российская юстиция. – 2009. № 4. – С. 8-10.
6. Брагинский М.И. Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. – М.: Статут, 2007. – 129 с.
7. Звенигородская Н.Ф. Семейно-правовые сделки: проблемы классификации // Вестник Омского университета. – Серия: Право. – 2014. – № 4. С. 83-85.
8. Калаушина И.И. Предмет договора суррогатного материнства: теория и практика // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. – 2020. – № 12. – С. 266-272.

-
9. Краснова Т.В. Основания возникновения семейных правоотношений // Современное состояние российского законодательства: проблемы и пути совершенствования: тезисы докладов междунар. науч.-практ. конференции. – 2012. – № 32. – С. 264-266.
 10. Малютина А.В. О правовой природе договора суррогатного материнства // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2015. – № 1. – С. 46-48.
 11. Скаянская Д.Д. К вопросу о правовой природе договора суррогатного материнства // Человек. Социум. Общество. – 2022. – № 1. – С. 68-79.
 12. Стеблева Е.В. Проблемы реализации прав участников отношений суррогатного материнства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – 20 с.
 13. Фетисова О.В. Бездетные семьи в России: пути решения проблемы // Семья и дети. Труды Института государства и права РАН. – 2008. – № 2. – С. 59-60.
 14. Цаликова М.Б., Кульчиева М.В. Договор суррогатного материнства // Перспективы развития АПК в современных условиях: материалы 7-й Международной научно-практической конференции. – 2019. – № 14. – С. 508-510.
 15. Чашкова С.Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – 25 с.
 16. Челышев М.Ю., Огородов Д.В. К вопросу о видах смешанных договоров в частном праве // Законодательство и экономика. – 2006. – № 2. – С. 35-38.

Рецензент: Залавская О.М., доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

МАРЧЕНКО ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА

доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oTVMarchenko@msal.local

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

MARCHENKO TATIANA VASILEVNA

candidate of legal sciences, associate professor of the Department of civil law and procedure, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oTVMarchenko@msal.local

PRIORITY AREAS OF CONSUMER RIGHTS PROTECTION

Аннотация. В настоящей статье проводится сравнительный анализ Рекомендаций Коллегии ЕЭК «О перечне приоритетных мер, направленных на защиту прав потребителей» и распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года» относительно мер, предложенных по улучшению, развитию и защите потребительских отношений.

Ключевые слова: права потребителей, кодификация, защита прав потребителей, право на информацию, государственный контроль, добросовестная деловая практика, мониторинг розничных цен.

Review. This article provides a comparative analysis of the Recommendations of the EAC Board «On the list of priority measures aimed at protecting consumer rights» and the Decree of the Government of the Russian Federation «On approval of the Strategy of the state policy of the Russian Federation in the field of consumer rights protection for the period until 2030" regarding the measures proposed for improvement, development and protection of consumer relations.

Keywords: consumer rights, codification, consumer protection, right to information, state control, fair business practice, retail price monitoring.

Совет Евразийской экономической комиссии своим распоряжением утвердил Перечень мер по повышению устойчивости экономик государств - членов Евразийского экономического союза, включая макроэкономической стабильности¹. Были предложены меры по улучшению, развитию и защите отношений в рамках таможенного, таможенно-тарифного и нетарифного регулирования; внутреннего рынка и кооперации; финансовых и валютных рынков; международного экономического сотрудничества. В число договаривающихся государств, членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) входили Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия. Меры направлены на осуществление критического импорта и оперативной поставки товаров во взаимной торговле; на сохранение целостности внутреннего рынка Евразийского Союза; на улучшение обмена актуальной и достоверной информацией о перемещаемых товарах и транспортных средствах; на формирование новых логистических цепочек; на стимулирование взаимных инвестиций; на оптимизацию на национальном уровне обязательных требований к продукции, процедур оценки соответствия, а также правил

ее выпуска в обращение (обращения); на расширение использования национальных валют; на выработку подходов по обеспечению прав и законных интересов инвесторов, а также потребителей финансовых услуг, что, в конечном итоге, будет способствовать повышению устойчивости экономики в условиях санкций.

В развитие мер по оптимизации в сфере технического регулирования и обязательных требований к продукции, в частности, были приняты: решение Совета ЕЭК от 15.04.2022 № 54 «О внесении изменений в приложение № 2 к техническому регламенту Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011)»; решение Совета ЕЭК от 15.04.2022 № 50 «О внесении изменений в Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 8 августа 2019 г. № 114»; решение Совета ЕЭК от 5.04.2022 № 45 «О внесении изменений в Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877»².

8 ноября 2022 г. Коллегией Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) были приняты Рекомендации «О перечне приоритетных мер, направленных

¹ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 17.03.2022 № 12 «О реализации мер по повышению устойчивости экономик государств - членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности». URL: <http://eaeunion.org> (дата обращения 20.10.2022).

² <http://eaeunion.org> (дата обращения 20.10.2022).

на защиту прав потребителей»³, где отмечена целесообразность соблюдения баланса интересов потребителей и хозяйствующих субъектов. Данные рекомендации были созданы в целях реализации перечня мер по повышению устойчивости экономик государств - членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности, утвержденного распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 17 марта 2022 г. № 12. Необходимость соблюдения баланса интересов потребителей и предпринимателей неоднократно отмечалась и в системообразующих правовых нормах, и в правовой литературе.

Но еще 28 августа 2017 г. вышло распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года»⁴ (далее - Стратегия), которая создала ориентиры регулирования в данной сфере. Стратегия определяет цели, задачи и принципы государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей, направленные на обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов в данной области (абз. 1 ч. 1). Основой для ее разработки стали «Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для защиты интересов потребителей», принятые Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 22 декабря 2015 г. резолюцией N 70/186. Вскоре был утвержден План мероприятий по реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года⁵. В нем предусмотрены: меры по совершенствованию нормативно-правовой базы; проведение мониторинга, анализа правоприменения, в том числе международного; развитие информационных ресурсов и альтернативных механизмов разрешения споров, содействие просвещению и образованию потребителей; развитие регионального и местного уровня национальной системы защиты прав потребителей; развитие рыночной конъюнктуры и международного сотрудничества.

Надо отметить, что велась работа по реализации данного плана в Российской Федерации. Например, в п. 1 распоряжения № 481 предусмотрена разработка и утверждение концепции кодификации законодательства о защите прав потребителей на основе анализа национального и международного законодательства и его правоприменительной практики в этой

сфере. Перспективы кодификации потребительского законодательства широко обсуждались юристами. Роспотребнадзором, Минюстом России, Минэкономразвития России и Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ совместно велась работа по подготовке концепции кодификации потребительского законодательства. На IX Петербургском международном юридическом форуме (14–18 мая 2019 г.) в ходе сессии «Перспективы кодификации потребительского законодательства: российский и международный опыт» проводили анализ опыта кодификации потребительского законодательства в Бразилии, Франции, Бельгии и др.; анализ существующей практики кодификации законодательства в Российской Федерации; анализ отраслевого законодательства Российской Федерации, судебной практики его применения в целях выявления основных правовых коллизий и возможных направлений систематизации законодательства о защите прав потребителей; подготовили предложения о необходимости имплементации норм международного права в потребительское законодательство Российской Федерации.

Были высказаны позиции о необходимости систематизации существующих норм потребительского законодательства. Развитие информационных технологий, цифровизация и активные изменения в экономике свидетельствуют об этом, по мнению многих авторов⁶. Проявление массового потребительского недовольства практически во всех сферах жизни общества, потребность в гармонизации обширного и разрозненного, нередко противоречивого потребительского законодательства, требование усиления государственных гарантий защиты прав потребителей в Российской Федерации – это предпосылки для кодификации. Кроме того, сторонники создания кодекса исходят из однородности потребительских отношений, являющихся по своей природе гражданско-правовыми отношениями⁷.

Однако, состояние российского права таково, что целесообразность кодификации потребительского законодательства или принятие единого нормативного правового акта вызывает сомнения.

Отличительной чертой законодательства о защите прав потребителей, по мнению В.И. Солдатовой, выступает взаимная связь всех положений, в нем содержащихся, с нормами специальных законов федерального значения, которые определяют права потребителей продукции, работ либо услуг⁸.

³ Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 08.11.2022 № 42 «О перечне приоритетных мер, направленных на защиту прав потребителей» // <https://eaeunion.org> (дата обращения 20.11.2022).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837 «Об утверждении стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года» // Российская газета. № 208. 15.09.2017.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2018 № 481-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р» // СЗ РФ. 2018. № 15 (Часть V). Ст. 2172.

⁶ Сурков А.Н., Мельник С.В., Черных Е.В. Закон «О правах потребителей» Великобритании: права, обязанности, ответственность // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. № 3 (78). Райлян А.А. Потребительский кодекс Российской Федерации или Основы потребительского законодательства Российской Федерации? // Журнал российского права. 2017. № 11; Бычко М.А. Кодификация потребительского законодательства: вызов времени // Актуальные проблемы права, государства и экономики. Сборник статей Всероссийской конференции и межведомственного круглого стола. Орёл, 2020.

⁷ Райлян А.А. Потребительское право России: основные положения. СПб., 2005. С. 226-227.

⁸ Солдатова В.И. Законодательство о защите прав потребителей: проблемы совершенствования // Право и экономика. 2015. № 1 (323). С. 3–10.

Потребительское право вбирает в себя нормы различных отраслей права: конституционного, административного, гражданского, гражданского процессуального, муниципального, предпринимательского, уголовного, уголовно-процессуального. Поэтому потребительское право можно признать комплексной отраслью права⁹. Потребительские отношения регулируются как нормами частного права, так и нормами публично-правовых отраслей. Е.Б. Казакова отмечает, что некоторые потребительские отношения отличаются гражданско-правовым характером, но есть отношения публичного типа, муниципального характера и корпоративные (общественные)¹⁰. Кроме того, ряд авторов утверждает, что подобные взаимоотношения отличаются многоуровневостью и значительным разнообразием, поэтому не представляется возможным составить их четкий список¹¹.

Законодательство о защите прав потребителей – это совокупность разноотраслевых нормативных актов, объединенных общим предметом регулирования отношений между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), а также отношения, складывающиеся при государственной и общественной защите потребительских прав. Потребительское законодательство – законодательство в сфере частного права, содержащего элементы публично-правового характера.

Потребительское законодательство обширно и разнообразно. Но подавляющее большинство нормативных правовых актов также затрагивают иные виды отношений, не имеющих потребительского характера. Одни и те же нормы применяются и к потребительским, и к иным отношениям. Создание отдельного акта повлечет дублирование уже имеющихся и применяемых норм. Придется создавать акт огромного объема, ведь нужно будет включать в него нормы, регулирующие различные институты, например, страхования, банковского вклада и др., уже имеющие собственное специальное регулирование. Или же вводить большое количество отсылочных норм. Не является ли это одной из причин, по которой разработка концепции кодификации законодательства Российской Федерации о защите прав потребителей на основе анализа национального и международного законодательства и его правоприменительной практики в этой сфере, запланированная на март 2019 г., не закончилась ее утверждением?

В Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 8 ноября 2022 г. № 42 перечислены приоритетные меры, направленные на защиту прав потребителей:

1. Информационная поддержка потребителей, в том числе отдельных категорий потребителей (инвалидов, несовершеннолетних, пожилых людей), спе-

цифика жизнедеятельности которых учитывается при проведении государственной политики в сфере защиты прав потребителей, по вопросам защиты прав потребителей путем:

а) организации консультирования населения уполномоченными органами государств – членов Евразийского экономического союза о характере, способах осуществления защиты прав потребителей и охраняемых законодательством государств-членов интересов, в том числе в случаях закрытия или приостановления деятельности иностранных хозяйствующих субъектов (изготовителей, продавцов, лиц, выполняющих функции иностранных изготовителей) на территориях государств-членов, с привлечением представителей общественных организаций потребителей и бизнес-сообществ государств-членов;

б) проведения публичных информационно-просветительских мероприятий, направленных на: сдерживание необоснованно повышенного потребительского спроса на отдельные виды товаров (работ, услуг); создание условий для развития правовой и цифровой грамотности населения в целях безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» при приобретении товаров (работ, услуг) дистанционным способом.

Если сравнивать с мерами, предусмотренными Стратегией, то видно, что они совпадают по многим параметрам. Например, в Стратегии предусматривается способствование созданию и развитию просветительских и исследовательских программ в областях: продовольствие, медицинские услуги, водоснабжение, фармацевтические товары, энергоснабжение и коммунальные услуги, туристические услуги. Предлагается также организация в многофункциональных центрах консультирования потребителей, включающего такие аспекты защиты интересов потребителей, как здоровое питание, предупреждение заболеваний, вызываемых пищевыми продуктами, фальсификация продуктов питания, опасности, связанные с использованием товаров, маркировка товаров, порядок доступа к механизмам урегулирования споров, информация об организациях по вопросам защиты прав потребителей. Предполагается реализация проектов Всемирного банка, Министерства финансов Российской Федерации, Центрального банка Российской Федерации, направленных на обеспечение права потребителей на просвещение и получение новых и важных знаний в сфере управления личными финансами. При этом отмечается необходимость обеспечения защищенности личной информации и данных потребителей, в том числе через введение запрета на понуждение потребителей под угрозой отказа в совершении сделки к предоставлению персональных данных в случаях, когда предоставление таких дан-

⁹ Актуальные проблемы защиты прав потребителей: Учебное пособие / Т.В. Марченко. Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. 68 с. С. 13.

¹⁰ Казакова Е.Б. Структура и особенности законодательства о защите прав потребителей на современном этапе развития рыночных отношений // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9. № 4. С. 27-36.

¹¹ Валеев Д.Х., Васильевич В.П., Чельшев М.Ю. Комментарий к Закону РФ «О защите прав потребителей» / под общ. ред. М.Ю. Чельшева. М.: Юрайт-М, 2003. С. 4.

ных не предусмотрено законодательством Российской Федерации и не связано с совершением сделки по реализации товаров (работ, услуг), а также через установление административной ответственности за нарушение такого запрета. Отмечено также содействие обеспечению всеобщего доступа к публичным услугам, прежде всего, потребителей социально уязвимых групп населения. Необходимо обеспечение защиты потребителей в сфере электронной торговли на уровне не ниже того, который обеспечивается применительно к другим формам торговли, в том числе в части расширения состава информации о продавце (исполнителе, изготовителе) и о товарах (работах, услугах), доведение которой до сведения потребителя является обязательным, а также по размещению такой информации на сайтах в сети «Интернет» (в соответствующих мобильных приложениях) лица, являющегося продавцом (исполнителем) в соответствии с Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей», и о лице, предоставляющем в сети «Интернет» возможность заключить договор с продавцом (исполнителем) и произвести предварительную оплату товара (услуги) на свой банковский счет. Предполагается разработка программ информирования потребителей в сельских районах через средства массовой информации или по другим обеспечивающим охват таких потребителей каналам.

Однако на международный уровень не было вынесено весьма разумное предложение об информировании потребителей о влиянии предпочтений и поведения потребителей на состояние их здоровья и о возможных негативных и позитивных последствиях изменений в потреблении; о здоровом питании, предупреждении заболеваний, вызываемых пищевыми продуктами, фальсификации продуктов питания, опасности, связанной с товарами, маркировке товаров, эффективном использовании материалов, энергии и воды; о рациональных моделях потребления.

Ст. 8 Закона «О защите прав потребителей»¹² закрепила право потребителя требовать предоставления необходимой и достоверной информации об изготовителе (исполнителе, продавце), режиме его работы и реализуемых им товарах (работах, услугах). А также федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»¹³ в ст. 5 говорит об обязанности предоставить потребителям информацию. Закон РФ «О защите прав потребителей» говорит о праве потребителя требовать предоставления информации, а не об обязанности продавца (изготовителя, исполнителя). В то время как ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» закрепляет обязанность предоставить своевременную информацию. Но ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» регулирует отношения в области обеспечения качества пищевых продуктов и их безопасности для здоровья человека, а Закон РФ «О

защите прав потребителей» регулирует более широкий круг ситуаций. Поэтому можно предположить, что только в случае, если вопрос касается качества и безопасности продукции (работ, услуг) продавец (производитель, исполнитель) обязаны предоставлять соответствующую информацию. В остальных случаях она должна быть предоставлена по требованию потребителя, имеющего на это право¹⁴. Но в настоящее время мы видим тенденцию к все большему обязанности изготовителей (исполнителей, продавцов) предоставления информации помимо прямых требований потребителей.

2. Повышение профилактической роли системы мер государственного контроля (надзора) на потребительском рынке в целях устранения причин, способствующих нарушениям прав потребителей.

Подобной цели, например, способствовало бы введение механизма контрольной закупки, как предложено в Стратегии. А также осуществление контроля за соблюдением хозяйствующими субъектами требований законодательства Российской Федерации о защите прав потребителей, исключая незаконную, неэтичную, дискриминационную или вводящую в заблуждение практику, такую, как использование агрессивных методов маркетинга или взимания долгов, или иную деятельность, которая может подвергать потребителей излишнему риску или причинять им ущерб; обеспечение поступления на рынок безопасных товаров (работ, услуг), в том числе путем разработки нормативных правовых актов, касающихся безопасности; осуществление контроля за предоставлением хозяйствующими субъектами понятной, легкочитаемой, достоверной и не вводящей в заблуждение потребителей информации о товарах (работах, услугах); предотвращение оборота продукции, содержащей заведомо недостоверные сведения в маркировке, и контрафактной продукции, которая представляет угрозу для здоровья и безопасности потребителей и состояния окружающей среды, а также снижает доверие потребителей к рынку и др. Для предотвращения различных нарушений прав потребителей в Стратегии предлагается множество эффективных и актуальных в современный период мер.

3. Взаимодействие с бизнесом в части информирования, популяризации и внедрения принципов добросовестной деловой практики в отношении потребителей, а также учета особенностей, связанных с обеспечением прав и законных интересов отдельных категорий потребителей.

Здесь заметна мягкая формулировка относительно пожеланий к бизнесу об осуществлении его деятельности с соблюдением моральных и нравственных категорий. В Стратегии же присутствуют более жесткие изречения: предлагается проводить политику, четко определяющую ответственность производителя или продавца за то, чтобы товары отвечали

¹² Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. // Российская газета. № 8. 16.01.1996.

¹³ Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02.01.2000 № 29 // Российская газета. № 5. 10.01.2000.

¹⁴ Актуальные проблемы защиты прав потребителей: Учебное пособие / Т.В. Марченко. Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. С. 25.

предъявляемым требованиям и были пригодными для использования по назначению, а также речь идет о социальной ответственности.

В данном контексте, предполагается наиболее полезным создание Кодекса добросовестной деловой практики в отношении потребителей, имеющего добровольный характер, принятие которого позволит повысить доверие потребителей к производителям и продавцам товаров (работ и услуг).

4. Нормативное закрепление перечня недопустимых, ущемляющих права потребителей условий договоров в целях усиления гарантий защиты прав потребителей.

Аналогичная мера сформулирована в Стратегии. Данный перечень, представляется, не может иметь закрытый характер, поскольку затруднительно предусмотреть все возможные и вероятные в будущем нарушения прав потребителей. Также можно сформулировать лишь критерии их определения.

5. Разработка и реализация дополнительных механизмов защиты прав потребителей с учетом Общих подходов к установлению особых мер защиты прав и интересов отдельных категорий потребителей (приложение к Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 мая 2019 г. N 15).

В данном документе разработаны общие подходы к установлению особенностей регулирования правоотношений с участием отдельных категорий потребителей (инвалидов, несовершеннолетних, пожилых людей), специфика жизнедеятельности которых учитывается при проведении государственной политики в сфере защиты прав потребителей, а также содействия пониманию общих подходов к проведению государствами – членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей путем определения особых мер защиты прав и интересов отдельных категорий потребителей, рекомендуемых для учета в законодательстве государств-членов¹⁵. Защите потребительских прав социально уязвимых групп населения в Стратегии уделено особое внимание.

6. Проведение мониторинга розничных цен на товары первой необходимости и тарифов на жилищно-коммунальные услуги.

Данная мера не была отражена в Стратегии. Но 11 марта 2020 г. вышел приказ Минэкономразвития № 130 «Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных

рынках субъекта Российской Федерации»¹⁶, где в главе XIV отмечено проведение мониторинга цен (с учетом динамики) на товары, входящие в перечень отдельных видов социально значимых продовольственных товаров первой необходимости.

7. Популяризация и поддержка внедрения альтернативных процедур и способов урегулирования споров, возникающих в сфере защиты прав потребителей (процедуры медиации).

В Стратегии нет прямого упоминания медиации, но предлагается внедрять правовые механизмы защиты прав и законных интересов групп потребителей в судах (групповых исков); способствовать наличию механизмов рассмотрения коммерческими предприятиями претензий потребителей для оперативного, справедливого, прозрачного, не сопряженного со значительными расходами, доступного, безотлагательного и действенного урегулирования споров без излишних финансовых или иных издержек; продолжать политику сотрудничества с общественными объединениями потребителей в деле повышения осведомленности потребителей о способах избегания споров (в первую очередь имущественных) с коммерческими структурами, механизмах их урегулирования (в том числе досудебного) и обеспечения правовой защиты, доступной для потребителей.

8. Активизация развития международного сотрудничества и взаимодействия по вопросам защиты прав потребителей между государствами-членами и государствами - наблюдателями при Евразийском экономическом союзе.

Стратегия предполагает расширение международного сотрудничества в области защиты прав потребителей и большой перечень мер межгосударственного сотрудничества в области защиты прав потребителей.

Принятие Рекомендации связано с необходимостью гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в области защиты прав потребителей и созданием равных условий по защите прав и интересов их граждан. Рекомендации «О перечне приоритетных мер, направленных на защиту прав потребителей» и Стратегия – это два документа, не противоречащих друг другу, свидетельствующих о том, что ведется большая работа по обеспечению национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов в данной области.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы защиты прав потребителей: Учебное пособие / Т.В. Марченко. – Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. – 68 с.
2. Бычко М.А. Кодификация потребительского законодательства: вызов времени // Актуальные проблемы права, государства и экономики. Сборник статей Всероссийской конференции и межведомственного круглого стола. – Орёл, 2020. – С. 34-36.
3. Валеев Д.Х., Васькевич В.П., Челышев М.Ю. Комментарий к Закону РФ «О защите прав потребителей» / под общ. ред. М.Ю. Челышева. – М.: Юрайт-М, 2003. – 255 с.

¹⁵ Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 мая 2019 г. N 15 «Об Общих подходах к установлению особых мер защиты прав и интересов отдельных категорий потребителей» // <http://eaeunion.org> (дата обращения 20.10.2022).

¹⁶ Приказ Минэкономразвития от 11.03.2020 № 130 «Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации» / Документ опубликован не был.

4. Казакова Е.Б. Структура и особенности законодательства о защите прав потребителей на современном этапе развития рыночных отношений // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2021. – Т. 9. – № 4. – 27-36.

5. Райлян А.А. Потребительский кодекс Российской Федерации или Основы потребительского законодательства Российской Федерации? // Журнал российского права. – 2017. – № 11 (251). – С. 63-72.

6. Райлян А.А. Потребительское право России: основные положения. – СПб., 2005. – 451 с.

7. Солдатова В.И. Законодательство о защите прав потребителей: проблемы совершенствования // Право и экономика. – 2015. – № 1 (323). – С. 3-10.

8. Сурков А.Н., Мельник С.В., Черных Е.В. Закон «О правах потребителей» Великобритании: права, обязанности, ответственность // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2018. – № 3 (78). – С. 137-144.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ШАКУРОВА НАИЛЯ КАМИЛЕВНА

соискатель, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
420055, г. Казань, улица Домрачевых, 23,

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ГРАЖДАН
ПРИ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ОБЪЕКТАМИ ПОВЫШЕННОГО РИСКА:
ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА И ВЛИЯЮЩИЕ НА
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФАКТОРЫ**

SHAKUROVA NAILA KAMILEVNA

Applicant, Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, 420055, Kazan,
Domrachevykh Street, 23,

**RESPONSIBILITY OF LEGAL ENTITIES AND CITIZENS WHEN HARM
IS CAUSED BY HIGH-RISK OBJECTS: FEATURES OF
COMPENSATION FOR HARM AND FACTORS AFFECTING LIABILITY**

Аннотация. Настоящая статья посвящена обязательствам вследствие причинения вреда объектами повышенного риска (источниками повышенной опасности). Автором отмечаются особенности возмещения вреда, причиненного данной разновидностью источника повышенной опасности, определяются субъекты таких правоотношений в зависимости от готовности объектов повышенного риска, которыми причинен вред, где их строительство и ввод в эксплуатацию имеет правовое значение. Автором обосновывается позиция о необходимости привлечения к ответственности юридических лиц и граждан, хотя и не являющихся владельцами объектов повышенного риска либо фактическими причинителями вреда, но виновными действиями (бездействием) которых была создана обстановка, способствующая причинению вреда либо увеличению ее размера.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих, владелец источника повышенной опасности, разрешение на ввод объекта в эксплуатацию, регрессные требования, исковая давность.

Review. This article is devoted to obligations as a result of causing harm by objects of increased risk (sources of increased danger). The author notes the features of compensation for harm by this type of source of increased danger, determines the subjects of such legal relations depending on the readiness of high-risk objects that caused harm, where their construction and commissioning has legal significance. The author substantiates the position on the need to hold legal entities and citizens liable, although they are not the owners of high-risk objects or the actual inflictors of harm, but whose guilty actions (inaction) created an environment conducive to causing harm or increasing its size.

Key words: source of increased danger, activities that create increased danger to others, owner of a source of increased danger, permission to commission an object, recourse requirements, limitation period.

В действующем законодательстве отсутствует разграничение правового регулирования отношений по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности, в зависимости от того, при каких условиях причинен такой вред, на стадии эксплуатации источника повышенной опасности либо при его создании как объекта повышенного риска.

По нашему мнению, главным фактором разграничения ответственности организаций, создающих объекты повышенного риска, и тех предприятий, кто их непосредственно использует, является ввод такого объекта в эксплуатацию.

Приходя к такому выводу, мы исходим из следующего.

В соответствии с п. 1 ст. 55, п. 1, 2 ст. 55.24 Градостроительного кодекса РФ¹, документом, удостоверяющим осуществление и завершение строительных (в том числе, связанных со строительством) работ (при соблюдении всех требований законодательства, градостроительных и строительных норм и правил) является разрешение на ввод объекта в эксплуатацию; соответственно, до получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию запрещается его использование (эксплуатация)².

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (Ч. 1). Ст. 16.

² Об этом, подробнее, см., например: Киндеева Е.А. Права на вновь возведенные и реконструируемые объекты недвижимости // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2001. № 6. С. 45; Люкшин А. Правовое значение разрешения на ввод объекта в эксплуатацию // Хозяйство и право. 2010. № 3. С. 124. Данная позиция подтверждается и судебной практикой. См., напр.: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.10.2020 № 11АП-13176/2020 по делу № А65-8606/2019. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.10.2022). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23.09.2020 № 88-18562/2020. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.10.2022). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

В случае причинения вреда гражданам и юридическим лицам, вследствие разрушения или повреждения объекта капитального строительства, разграничение ответственности, возлагаемой на организацию, осуществляющие строительную деятельность по созданию объекта недвижимости и организации, владеющие объектом (эксплуатирующие объект) на основе критерия ввода объекта в эксплуатацию следует из положений ст. 60 Градостроительного кодекса РФ. При этом в соответствии с п. 5 ст. 60 Градостроительного кодекса РФ, собственник построенного и введенного в эксплуатацию объекта недвижимости (иное лицо, владеющее указанным объектом и эксплуатирующее его на законном основании) после возмещения вреда и выплаты установленной законом компенсации, вправе предъявить регрессные требования ответственным виновным участникам строительного процесса (изыскателям, проектировщикам или строителям, а также соответствующей саморегулируемой организации, другим субъектам, несущим ответственность, солидарную с членами саморегулируемой организации).

Как следует из п. 4 ст. 60 Градостроительного кодекса РФ, в случае, если гражданская ответственность регрессантов застрахована, они возмещают вред в части, не покрытой страховыми возмещениями, и в случае, если это предусмотрено федеральным законом, компенсационными выплатами профессионального объединения страховщиков³. По всей видимости, имеющееся в данном случае отступление от общего, предусмотренного в ГК РФ (абз. первый п. 1 ст. 1064) положения о возмещении вреда его причинителем (в том числе, субъектом, осуществляющим строительную или иную повышенно опасную деятельность) продиктовано интересами наиболее полного возмещения вреда потерпевшим, при этом, согласуется с положением абз. 2 п. 1 ст. 1064 ГК РФ о том, что законом может быть возложена обязанность возмещения вреда на лицо, не являющееся его причинителем (в том числе, владельца соответствующего объекта – источника повышенной опасности, как это допускается правилами ст. 1079 ГК РФ⁴).

Указанные положения градостроительного законодательства вполне, на наш взгляд, применимы к отношениям, связанным со строительством и вводом в эксплуатацию рассматриваемых объектов повышенного риска при условии отсутствия на данный счёт норм специального регулирования (п. 2 ст. 4 Градостроительного кодекса РФ⁵). В свою очередь, специальные нормы, относящиеся к особенностям выполнения строительных, проектных, изыскательских работ в связи с созданием особо опасных и технически сложных объектов недвижимости и из регистраций⁶ не затрагивают юридической значимости и, по сути, универсального характера самого факта ввода объекта в эксплуатацию. При этом следует учитывать возлагаемые на владельца объекта повышенного риска дополнительные обязанности, включая обязанность страхования своей гражданской ответственности на случай аварии на объекте и причинения в этой связи вреда окружающим⁷.

В специальной литературе, не без оснований, указано на дополнительные сложности, встречающиеся при доказывании наличия причинной связи между воздействием некоторых источников повышенной опасности (в частности, радиационным воздействием объектов ядерных установок) и наступлением вреда, из-за нетипичного характера отдельных последствий такого воздействия, возникает потребность использования правоприменителем категорий вероятности⁸. По всей видимости, здесь возрастает роль экспертных заключений лиц, сведущих в соответствующей области (а именно, в сфере эксплуатации и использования соответствующего объекта повышенного риска, природы заложенных в нём потенциально опасных для человека и окружающей среды свойств⁹).

Следует принять во внимание специальные правила исковой давности заявления требований о возмещении вреда, причинённого различным правоохраняемым интересам, в ходе осуществления деятельности с использованием и эксплуатацией объектов повышенного риска производственного и иного назначения. Как известно, общий срок исковой давности, установленный п. 1 ст. 196 ГК РФ, составляет

³ Более подробно по данному вопросу, см., например: Дедиков С.В. Проблемы страхования гражданской ответственности членов строительных саморегулируемых организаций // Финансы. 2015. № 8. С. 55-57.

⁴ Что, в свою очередь, следует из смысла положений ст. 1079 ГК РФ.

⁵ Здесь также обратим внимание на то, что в ст. 48.1 Градостроительного кодекса указаны отдельные особо опасные и технически сложные объекты недвижимости.

⁶ Как следует из специальных законодательных и подзаконных нормативно-правовых положений (ст. 2 Федерального закона о промышленной безопасности; Постановление Правительства РФ от 24.11.1998 № 1371 «О регистрации объектов в государственном реестре опасных производственных объектов» // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5938) все опасные производственные объекты подлежат занесению в реестр, который ведется Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору. Подробнее об этом, см., например: Тихомирова Л.А. Документация по промышленной безопасности [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс», 2020; Кодолова А.В. Особенности гражданско-правового статуса юридических лиц, эксплуатирующих экологически особо опасные объекты [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс», 2009.

⁷ Как это прямо следует из п. 2 ст. 4 Федерального закона от 27.07.2010 № 225-ФЗ Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4194.

⁸ Об этом, см., напр.: Международное атомное право /под ред. А.И. Ёгорыша, А.М. Петросьянца, В.Ф. Петровского. М., 1987. С. 232.

⁹ Значимость экспертных заключений для определения источника происхождения вреда, механизма его причинения, размера, характера и объёма мер по его возмещению отражена в официальных разъяснениях Верховного Суда РФ. – См., например: п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причинённого окружающей среде».

три года с момента возникновения у лица права на иск¹⁰, законом могут устанавливаться специальные сроки исковой давности (ст. 197 ГК РФ). При этом, как следует из ст. 208 ГК РФ на отдельные требования (в том числе, связанные с возмещением вреда жизни или здоровью гражданина) исковая давность не распространяется.

В свою очередь, специальные законодательные акты, регулирующие отношения в связи с эксплуатацией и использованием объектов повышенного риска, развивают и конкретизируют приведённые положения гражданского законодательства¹¹.

Для обязательств, рассматриваемых в настоящей статье, с учётом природы объектов повышенного риска, параметров проявляемых в аварийных с ними ситуациях вредоносных свойств и массового причинения вреда, характерна множественность лиц на стороне потерпевших. В этой связи, здесь востребован институт так называемого «группового иска», широко распространённый в зарубежной практике и относительно новый в России, при этом выступающий эффективной формой правовой защиты¹².

Масштабы аварий на объектах повышенного риска и причиняемого в этой связи вреда окружающим, возможная недостаточность средств финансового обеспечения гражданской ответственности непосредственно эксплуатирующей организации (владельца объекта повышенного риска) предопределяет особую значимость действий государства (в лице уполномоченных органов) по установлению порядка возмещения вреда в таких ситуациях. Как следует из положений некоторых специальных законодательных актов и подтверждается практикой, государство устанавливает размер компенсационных выплат (не освобождающих обязанного к возмещению вреда субъекта от обозначенного обязательства)¹³. Порядок возмещения вреда в ситуациях, когда он превышает сумму финансового обеспечения, устанавливает Правительство РФ¹⁴.

Следует учитывать факторы, влияющие на повышение риска аварий на объектах повышенного риска и взаимосвязанное с этим увеличение размера причинения вреда, в том числе, отсутствие или ненадлежащий уровень контрольно-надзорной деятельности органов государственного регулирования безопасности соответствующего вида объектов повышенного риска, и др. В соответствии с обосновываемой по-

зицией, мы полагаем, что в данном случае виновными действиями (бездействием) конкретных субъектов создаётся обстановка, способствующая причинению вреда соответствующим видом деятельности, либо увеличение его размера, и в ситуации причинения вреда в связи с этими обстоятельствами юридические лица и граждане, хотя и не являются владельцами источника повышенной опасности либо фактическими причинителями вреда, тем не менее, должны нести перед потерпевшими солидарную или долевую ответственность (вместе с лицами, обязанными к возмещению вреда положениями ст. 1064 и 1079 ГК РФ) по правилам ст. 1080 ГК РФ.

Особенно актуальный характер носят положения ст. 1065 ГК РФ, направленные на предупреждение вреда (его увеличение) в результате эксплуатации объектов повышенного риска производственного назначения.

Таким образом автор приходит к следующим выводам:

- при доказывании наличия причинной связи между воздействием некоторых источников повышенной опасности (в частности, радиационным воздействием объектов ядерных установок) и наступлением вреда, имеют место дополнительные сложности, которые встречаются из-за нетипичного характера отдельных последствий такого воздействия, возникает потребность использования правоприменителем категорий вероятности. Здесь возрастает роль экспертных заключений лиц, сведущих в данной области (а именно, в сфере эксплуатации и использования соответствующего объекта повышенного риска, природы заложенных в нём потенциально опасных для человека и окружающей среды свойств);

- в данных случаях имеют место специальные правила исковой давности заявления требований о возмещении вреда, причинённого различным правоохраняемым интересам в ходе осуществления деятельности с использованием и эксплуатацией объектов повышенного риска производственного и иного назначения (не затрагивают бессрочный характер требований о возмещении вреда жизни и здоровью);

- с учётом природы опасных объектов, параметров проявляемых в аварийных с ними ситуациях вредоносных свойств и массового причинения вреда, характерна множественность лиц на стороне потер-

¹⁰ По общему правилу, данный юридический факт связан с днём, когда лицо узнало (или должно было узнать) о нарушении своего права и об ответчике в связи с данным нарушением (п. 1 ст.200).

¹¹ Так, на основании Федерального закона об использовании атомной энергии (ст. 58) на требования о возмещении убытков и вреда, причиненных радиационным воздействием жизни и здоровью граждан, исковая давность не распространяется, тогда как срок исковой давности по требованиям о возмещении убытков и вреда, причиненных радиационным воздействием имуществу или окружающей среде, устанавливается в три года со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. В соответствии с п. 3 ст. 78 Закона об охране окружающей среды иски о компенсации вреда окружающей среде могут быть предъявлены в течение двадцати лет. Также по этому вопросу, см. п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причинённого окружающей среде».

¹² Об этом, см.: Аболонин Г.О. Практическое применение групповых исков в некоторых странах мира // Вестник гражданского процесса. 2015. № 4. С. 207-260; Румянцев М.Б. Правовое регулирование отношений из причинения вреда источником повышенной опасности в Российской Федерации и США: монография. М., 2015. С. 152-155.

¹³ См., напр., ст. 16.1. Федерального Закона от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» // СЗ РФ. 1997. N 30. Ст. 3589.

¹⁴ См., напр., ст. 18 Федерального Закона от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» // СЗ РФ. 1997. N 30. Ст. 3589.

певших, в связи с чем, здесь востребован институт так называемого «группового иска», широко распространённый в зарубежной практике и относительно новый в России, при этом выступающий эффективной формой правовой защиты;

- масштабы аварий на опасных объектах и причиняемого в этой связи вреда окружающим, возможная недостаточность средств финансового обеспече-

ния гражданской ответственности непосредственно эксплуатирующей организации (владельца объекта повышенного риска) предопределяет особую значимость действий государства (в лице уполномоченных органов) по установлению порядка возмещения вреда в таких ситуациях, а также и в целом – в возмещении вреда, причинённого в ходе рассматриваемой деятельности.

Библиографический список

1. Аболонин Г.О. Практическое применение групповых исков в некоторых странах мира // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 4. – С. 207-260.
2. Дедиков С.В. Проблемы страхования гражданской ответственности членов строительных саморегулируемых организаций // Финансы. – 2015. – № 8. – С. 55-57.
3. Международное атомное право / под ред. А.И. Йорыша, А.М. Петросьянца, В.Ф. Петровского. – М., 1987. – 232 с.
4. Киндеева Е.А. Права на вновь возведенные и реконструируемые объекты недвижимости // Бюллетень Министерства юстиции РФ. – 2001. – № 6. – 45 с.
5. Кодолова А.В. Особенности гражданско-правового статуса юридических лиц, эксплуатирующих экологически особо опасные объекты // СПС «КонсультантПлюс». 2009.
6. Люкшин А. Правовое значение разрешения на ввод объекта в эксплуатацию // Хозяйство и право. – 2010. – № 3. – 124 с.
7. Романова В.В. Правовое регулирование строительства и модернизации энергетических объектов. – М.: Юрист, 2012. – 426 с.
8. Румянцев М.Б. Правовое регулирование отношений из причинения вреда источником повышенной опасности в Российской Федерации и США: монография. – М., 2015. – С. 152-155.
9. Тихомирова Л.А. Документация по промышленной безопасности [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс, 2020.

Рецензент: Салиева Р.Н., заведующий лабораторией правовых проблем недропользования и экологии Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан; профессор кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., профессор.

Раздел третий

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

БАГУН ЭЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

ПРИЗНАК СИСТЕМАТИЧНОСТИ В СТРУКТУРЕ ИСТЯЗАНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

BAGUN ELINA ALEKSANDROVNA

candidate of legal sciences, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law
University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50,

A FEATURE OF SYSTEMATICITY IN THE STRUCTURE OF TORTURE: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу признака систематичности в составе, предусмотренном ст. 117 УК РФ «Истязание». В рамках представленного исследования рабиблосматриваются вопросы, касающиеся количественных и качественных характеристик систематичности, обозначаются временные рамки между отдельными эпизодами побоев, анализируется содержание иных насильственных действий в составе истязания. Делается вывод о необходимости принятия Постановления Пленума Верховного суда по вопросам, связанным с квалификацией побоев и истязания.

Ключевые слова: систематичность, побои, истязание, иные насильственные действия, количественный признак систематичности, качественный признак систематичности, физические и психические страдания.

Review. This article is devoted to the analysis of the sign of systematicity in the composition provided for in Art. 117 of the Criminal Code of the Russian Federation «Torture». Within the framework of the presented study, issues related to the quantitative and qualitative characteristics of systematicity are considered, the time frame between individual episodes of beatings is indicated, and the content of other violent actions as part of torture is analyzed. It is concluded that it is necessary to adopt a Resolution of the Plenum of the Supreme Court on issues related to the qualification of beatings and torture.

Keywords: systematicity, beatings, torture, other violent actions, quantitative sign of systematicity, qualitative sign of systematicity, physical and mental suffering.

С момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года сложилась ситуация, при которой анализу состава истязания не уделяется должного внимания ни на законодательном, ни правоприменительном уровнях. В юридической литературе периодически поднимаются спорные вопросы квалификации данного преступления, требующие законодательного решения и практического переосмысления, однако, они остаются на уровне научных дискуссий. Вместе с тем, деяние, предусмотренное ст. 117 УК РФ, является достаточно распространенным и динамичным.

Так, в 2016 году число осужденных за истязание составило 2680 человек (по ч. 1 – 2131, по ч. 2 – 549

человек); в 2017 – 1673 человека (ч. 1 – 1226, ч. 2 – 447); в 2018 – 1705 человек (ч. 1 – 1188, ч. 2 – 517); в 2019 – 753 человека (ч. 1 – 545, ч. 2 – 208); в 2020 – 1297 человек (ч. 1 – 931, ч. 2 – 366); в 2021 – 1188 человек (ч. 1 – 740, ч. 2 – 448).¹ Как видно из приведенных данных, за последние шесть лет число лиц, ежегодно осуждаемых за истязание, то сокращается, то вновь увеличивается, однако, в целом наметилась общая тенденция снижения их количества (с 2680 человек в 2016 году до 1188 – в 2021 году). Это может быть связано, как с позитивными факторами, так и с негативными, прежде всего, с нечеткостью законодательных конструкций и отсутствием разъяснений по поводу трактовки ряда понятий, входящих в

¹ Статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Электронный ресурс: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.11.2022).

состав истязания, что затрудняет процесс квалификации данного преступления и привлечения виновных к ответственности.

Одним из сложных и дискуссионных понятий является «систематичность», которая относится к числу обязательных признаков состава истязания, однако, ее содержание не раскрывается на законодательном уровне. Нет и действующего на сегодняшний день постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам истязания, в котором бы давались актуальные на данный момент разъяснения по этому понятию.

Вместе с тем, понятие систематичности в той или иной степени раскрывается в УК РФ и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ применительно к другим нормам уголовного права, а также приводится в утратившем силу постановлении Пленума по вопросам истязания.

Так, в примечании к ст. 232 УК РФ под систематическим предоставлением помещений понимается предоставление помещений более двух раз.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» «под систематическим неисполнением несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия понимает неоднократные (более двух раз) нарушения в течение назначенного судом срока применения принудительной меры воспитательного воздействия...»².

Аналогичным образом систематичность понималась и в утратившем с 6 февраля 2007 года силу постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 сентября 1979 № 4 (в ред. от 25 октября 1996 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР», согласно которому «истязание состоит в умышленном систематическом (более двух раз) нанесении потерпевшему побоев либо совершении иных насильственных действий, характер которых свидетельствует об умысле лица на причинение потерпевшему особой мучительной боли или страданий»³.

Следует отметить, что в теории уголовного права и в практической деятельности закрепилось и до сих пор остается актуальным понимание систематичности побоев при истязании, основанное именно на определении, приведенном в указанном выше Постановлении (оно же было воспринято уголовным пра-

вом для понимания признака систематичности применительно к иным деяниям). Вместе с тем, в данном определении четко отражена лишь количественная характеристика систематичности – нанесение побоев более двух раз (то есть три и более раза), качественная же ее сторона раскрыта через направленность умысла лица на причинение особой мучительной боли или страданий. Такой подход не в полной мере дает представление о сущности внутреннего содержания систематичности.

Следует отметить, что в науке, начиная с доктрины советского уголовного права, сложилась последовательная тенденция выделения, помимо количественного, также и качественного критерия систематичности нанесения побоев при истязании.

Так, еще А.А. Жижиленко в 1924 году писал, что совершение деяния «систематически предполагает наличие не просто повторения одного и того же преступного деяния, а ряда таких действий виновного, в которых можно усмотреть проявление известного общего плана его действий или укоренение виновным известных преступных навыков – все его преступные деяния, неоднократно учиненные, должны быть внутренне связаны друг с другом»⁴.

И.Д. Самолук, за 10 лет до принятия постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 25.09.1979 г. № 4, уже применительно к истязанию указывал, что противоправное деяние должно свидетельствовать о том, что причинение страданий потерпевшему характерно для поступков виновного и является опасной тенденцией его поведения⁵.

И, наконец, после принятия УК РФ 1996 года в юридической литературе под систематичностью стали понимать «не только многократность периодически совершаемых насильственных действий, но также их взаимосвязь, внутреннее единство, образующие определенную линию поведения виновного в отношении одной и той же жертвы, при которых последние причиняются не просто физическая боль, но и психические страдания, она унижается, над ней глумятся»⁶. По мнению Н.П. Поповой, под систематичностью применительно к составу истязания понимается нанесение побоев одному и тому же лицу три и более раз, характеризуемое стереотипным отношением к жертве, а также единством умысла, направленного на причинение ей особых мучений и страданий⁷.

Резюмируя все вышеприведенные высказывания, можно сделать вывод, что в теории уголовного права сложился подход, в соответствии с которым количе-

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.09.1979 № 4 (ред. от 25.10.1996) «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Жижиленко А.А. Должностные (служебные) преступления. Практический комментарий. Изд. 2-е. М., 1924. С. 25.

⁵ Самолук И.Д. Особая жестокость как элемент состава преступления // Проблемы искоренения преступности в период строительства коммунизма: ученые записки ДВГУ. 1969. Т. 30. С. 21.

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (3-е издание, дополненное и измененное) / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. «ИНФРА-М-НОРМА», 2000 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Попова Н. П. Правовые критерии квалификации истязания по уголовному законодательству России // Актуальные вопросы современной науки. 2008. № 1. С. 316.

ственный признак систематичности в составе истязания должен оцениваться в совокупности с качественным. Помимо того, что для квалификации деяния как истязания побои должны быть нанесены не менее трех раз, необходимо, чтобы они отражали единую линию поведения виновного в отношении конкретной жертвы, были внутренне взаимосвязаны одной целью, намерением причинить потерпевшему особые мучения и страдания. Количественный признак систематичности является первостепенным, при его отсутствии не имеет смысла определять наличие качественного признака. В то же время, если он будет установлен, в обязательном порядке необходимо исследовать качественную составляющую систематичности и лишь в случае ее наличия квалифицировать деяние по ст. 117 УК РФ «Истязание». Отсутствие качественной составляющей будет означать и отсутствие самой систематичности, в этом случае неоднократное нанесение побоев будет квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 116 УК РФ.

На практике правоприменители нередко квалифицируют действия виновного как истязание уже на стадии констатации трех фактов избиения, либо и вовсе выносят оправдательные приговоры, не усматривая признака систематичности, а значит истязания, в действиях обвиняемого.

Так, приговором Могойтуйского районного суда от 26 мая 2020 года Б. был оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 117 УК РФ, - ввиду отсутствия в действиях состава преступления. В апелляционном определении от 22 июля 2020 года № 22-1593/2020 с учетом допущенных нарушений судебная коллегия признала выводы суда необоснованными, а оправдательный приговор - незаконным и необоснованным, подлежащим отмене с направлением уголовного дела на новое судебное разбирательство. При этом судебная коллегия указала, что «по смыслу закона под систематическим нанесением побоев следует понимать цепь взаимосвязанных действий, объединенных общей линией поведения виновного по отношению к потерпевшему и стремлением причинять ему постоянные физические или психические страдания»⁸.

Вместе с тем, в подавляющем большинстве случаев в приговорах верно обосновывается наличие совокупности количественного и качественного признаков систематичности.

Так, согласно приговору Черемушкинского районного суда г. Москвы от 25 марта 2019 года № 1-11/19, действия Д.А. Громова квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ, как истязание, совершенное в от-

ношении лица, заведомо для виновного находящегося в иной зависимости от виновного.

Установлено, что Громов Д.А. систематически (в марте 2016 года, в ноябре 2016 года, 27 марта 2017 года, в июне 2017 года) причинял физические и психические страдания своей супруге путём нанесения побоев (каждый раз не менее трёх ударов) руками и ногами по голове, туловищу и конечностям потерпевшей, повлекших физическую боль и моральные страдания потерпевшей. Из совокупности доказательств следует, что действия подсудимого «представляли собой определённую линию поведения в отношении потерпевшей, охватывались единым умыслом, направленным на подавления воли ФИО, угнетение её сознания и создания у потерпевшей чувства постоянного страха за свою жизнь и здоровье, с целью полного послушания потерпевшей указаниям Громова Д.А. в быту»⁹.

В науке уголовного права на протяжении многих лет ведутся дискуссии относительно длительности временных интервалов между отдельными актами избиения, образующими в своей совокупности истязание. Единого мнения по данному вопросу среди ученых нет: одни правоведы считают, что отдельные эпизоды нанесения побоев должны быть разделены небольшими промежутками времени (часы, дни, недели), другие придерживаются мнения, что эти временные интервалы могут быть достаточно длительными, исчисляясь месяцами и даже годами.

Сторонник первого подхода И.П. Портнов считает, что истечение небольших промежутков времени между отдельными эпизодами избиения, когда еще не зажили раны от перенесенных побоев, не позволяет жертве забыть перенесенные болевые ощущения. Если же эти временные интервалы равняются месяцам или году, и в данные периоды между сторонами устанавливаются нормальные отношения, то, по мнению автора, будет неправильным рассматривать данные ситуации как истязание, совершенное путем систематического нанесения побоев¹⁰. В целом поддерживая приведенную точку зрения, В.Б. Боровиков вместе с тем констатирует, что есть те редкие ситуации, когда судебная практика все же признает деяние истязанием в случае, если между отдельными фактами нанесения потерпевшему побоев установлены более длительные временные отрезки. При этом необходимым условием является внутреннее единство и взаимосвязь всех эпизодов избиения¹¹.

Приверженцы второй позиции полагают, что систематичность при истязании будет и в случаях, когда отдельные акты нанесения побоев разделены достаточно длительными временными интервалами, огра-

⁸ Обобщение судебной практики по делам об истязании Забайкальского Краевого суда от 22 апреля 2021 года. URL: http://obsud.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=161 (дата обращения 23.11.2022).

⁹ Приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы от 25 марта 2019 года № 1-11/19 //Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы <https://mos-gorsud.ru/rs/cheryomushkinskij/services/cases/criminal/details/fd35f257-6e17-4d22-9217-49ee86e4eff8?respondent=%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B2+%D0%B4.%D0%B0> (дата обращения: 15.11.2022).

¹⁰ Портнов И.П. Истязание (криминологический и уголовно-правовой аспекты) // Насильственные преступления: природа, расследование, предупреждение: сб. науч. трудов. М.: ВНИИ МВД России, 1994. С. 89-90.

¹¹ Боровиков В.Б. и др. Уголовный закон в практике мирового судьи: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. А.В. Галаховой. М., 2005. С. 53.

ничение сроков в данном случае ошибочно, противоречит интересам охраны личности. Зачастую удары, побои наносятся жертве на протяжении многих месяцев и даже лет через различные промежутки времени. При этом психика потерпевшего травмируется постоянным ощущением страха, физической боли, нравственных мучений и телесных страданий, которые не проходят бесследно в течение длительного времени¹².

Представителями обеих позиций в той или иной части высказаны рациональные соображения по поводу отрезка времени, отделяющего конкретные акты избиения при истязании. Следует согласиться с И.С. Алихаджиевой, которая считает неэффективными попытки выделения и закрепления в законодательстве универсальных критериев систематичности, так как это создаст трудности в процессе правоприменительной деятельности¹³. В том числе, на наш взгляд, нельзя четко прописать точные временные промежутки между актами побоев, требуемые для наличия состава истязания. Все зависит от конкретной ситуации, от взаимоотношений между жертвой и виновным, образа их жизни, особенностей воспитания, от личностных характеристик: характера, темперамента, мировосприятия, моральных и нравственных ориентиров и т.п. С.А. Иванов считает целесообразным установление конкретных сроков оставить на усмотрение суда, и с ним вполне можно согласиться.

Вместе с тем, на практике сформировался подход, в соответствии с которым предельно допустимый временной интервал между отдельными актами нанесения побоев при истязании все же установлен.

Так, в п. 14 ранее упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 сентября 1979 № 4 (в ред. от 25 октября 1996 г.) указано, что неоднократное нанесение легких телесных повреждений (легкого вреда здоровью - по действующему уголовному законодательству) или побоев «не может рассматриваться как истязание, если по одному или нескольким эпизодам обвинения, дающим основание для квалификации действий лица как систематических, истек срок давности для привлечения к уголовной ответственности либо к лицу за эти действия ранее уже были применены меры административного взыскания и постановления о применении таких мер не отменены»¹⁴. Другими словами, несколько эпизодов нанесения побоев образуют систематичность при истязании в том случае, если по ним не истек срок давности привлечения к уголовной ответственности, который в силу п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ

составляет два года с момента совершения преступления.

Приведенное разъяснение Пленума Верховного Суда РСФСР, которое на сегодняшний день не имеет юридической силы, вместе с тем остается актуальным в правоприменительной практике.

Так, например, президиум Забайкальского краевого суда, обобщая судебную практику по делам об истязании, указал следующее: «Учитывая, что срок давности привлечения к уголовной ответственности по преступлениям небольшой тяжести составляет два года, временной разрыв между побоями более двух лет при любых обстоятельствах указывает на отсутствие единой линии в поведении виновного и не позволяет квалифицировать деяние как единое преступление»¹⁵.

Пожалуй, теоретически с этим утверждением можно согласиться, хотя на практике сложно представить ситуацию, когда побои, трижды нанесенные в течение, например, одного года и десяти месяцев, будут расцениваться как систематические по признаку направленности умысла на причинение особых мучений и страданий жертве. Настолько длительные временные интервалы между отдельными актами избиения также стирают в памяти потерпевшего негативные воспоминания, психические переживания, притупляется чувство страха. Да и сам виновный вряд ли объединяет все три эпизода насильственного воздействия на потерпевшего единым намерением, желая причинить ему особые мучения и страдания. Вместе с тем, необходим индивидуальный подход к оценке признака систематичности в составе истязания в каждом конкретном случае, поэтому считаем вполне допустимым ограничить временной интервал между побоями двумя годами.

Еще один требующий разрешения вопрос заключается в том, относится ли признак систематичности только лишь к побоям либо также и к иным насильственным действиям.

Согласно ч. 1 ст. 117 УК РФ, под истязанием понимается «причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями...». Некоторые ученые считают, что с точки зрения юридической техники формулировка диспозиции данной нормы не совершенна. Так, В.В. Векленко полагает, что при буквальном толковании диспозиции данной нормы возникают вопросы по поводу того, относится ли признак систематичности только к нанесению побоев либо и к иным насильственным действиям¹⁶.

¹² См.: Симонов В.И. К вопросу о понятии истязания // Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1983. С. 68; Чель Г.И. Систематическое нанесение побоев как признак истязания // Гарантии прав личности и проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Ярославль, 1989. С. 118.

¹³ Алихаджиева И.С. Вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией: недостатки конструкции и содержания статей 240 и 241 УК РФ // Вестник Поволжского института управления. 2009. № 3. С. 113-114.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.09.1979 N 4 (ред. от 25.10.1996) «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Обобщение судебной практики по делам об истязании Забайкальского Краевого суда от 22 апреля 2021 года. URL: http://oblsud.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=161 (дата обращения 23.11.2022).

¹⁶ Векленко В.В. Отчет о мониторинге судебной практики применения ст. 117 УК РФ в 2019-20 годах и предложения по совершенствованию законодательства об ответственности за истязание // Электронный ресурс: https://spbu.ru/sites/default/files/veklenko_otchet_o_monitoringe_st.117_uk.pdf (дата обращения: 20.11.2022).

На наш взгляд, исходя из синтаксического строения содержащегося в ч. 1 ст. 117 УК РФ предложения, признак систематичности относится только к побоям, что касается иных насильственных действий, то в законе прямо не указано, должны ли они носить систематический характер. Опираясь на логическое и системное толкование данной нормы, полагаем, что указанные действия в составе истязания могут носить либо систематический, либо однократный характер.

Учитывая тот факт, что иные насильственные действия также являются признаком объективной стороны побоев (ст. 116 и 116.1 УК РФ) считаем, что возможны три ситуации их квалификации.

В зависимости от вида и характера данных действий, их интенсивности, продолжительности воздействия на организм человека, от степени причиняемых ими болевых ощущений деяние может квалифицироваться либо по ст. 116 или 116.1 УК РФ (а также по ст. 6.1.1 КоАП РФ), то есть потерпевшему причиняется лишь физическая боль (при наличии всех иных обязательных признаков составов данных преступлений), либо по ст. 117 УК РФ, когда природа совершаемых по отношению к потерпевшему насильственных действий такова, что он испытывает физические и психические страдания, то есть более интенсивную, мучительную, продолжительную боль. Авторы Комментария к УК РФ верно отмечают, что «единичные, однократные случаи насилия при определенных условиях могут рассматриваться как истязание, если они характеризуются интенсивным и продолжительным воздействием на человеческий организм и потерпевшему причиняются при этом особые физические или психические страдания («поджаривание» на костре, причинение множественных ожогов раскаленным металлическим предметом или электрическим током, втыкание иголок под ногти, защемление пальцев щипцами, избивание плетью, розгами, вырывание волос и иные аналогичные действия)».¹⁷

И, наконец, насильственные действия, изначально оцениваемые в рамках ст. 116 или 116.1 УК РФ или ст. 6.1.1 КоАП РФ, в случае их повторения (три и более раза в течение определенного промежутка времени) должны быть признаны систематическими и квалифицироваться по ст. 117 УК РФ как истязание (при наличии качественного признака систематичности). В таком случае постоянно испытываемая

потерпевшим физическая боль приобретает качественно новое состояние, трансформируясь в физическое страдание, сопровождаемое и психическими переживаниями жертвы. К насильственным действиям, причиняющим лишь физическую боль в случае их однократного применения, относятся царапины, укусы, защемление кожи, выкручивание и заламывание рук, таскание за волосы и т.п. Эти же действия, совершаемые три и более раза за определенный промежуток времени, должны быть оценены как истязание при наличии качественного признака систематичности.

На практике редко встречаются случаи, когда отдельные эпизоды насилия сопровождаются только лишь применением насильственных действий. Как правило, виновный одновременно наносит побои и применяет иные насильственные действия по отношению к жертве.

Так, 05 июля 2019 года Мамаев Н.А., находясь в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, на почве личной неприязни, в целях причинения физических и психических страданий заведомо малолетнему ФИОБ, на протяжении не менее получаса нанес последнему множество, не менее 7-ми ударов ладонью правой руки в область лица, а также применил в отношении него насилие - с силой не менее 3-х раз толкал его рукой, в результате чего ФИОБ не менее 3-х раз падал и ударялся головой о стену комнаты, журнальный стол и холодильник.¹⁸

Таким образом, полагаем, что иные насильственные действия в составе истязания могут носить как систематический, так и однократный характер. Подобное разъяснение должно быть приведено на уровне постановления Пленума Верховного суда РФ.

От верной, однозначной и однообразной оценки понятия «систематичность» в составе истязания, как органами предварительного расследования, так и судебными органами, зависит правильная квалификация деяний и реализация принципа законности при привлечении виновных в данных преступлениях лиц к уголовной ответственности. Именно поэтому необходимо принятие Пленумом Верховного суда РФ постановления «О судебной практике по делам о побоях и истязании», в котором бы давались разъяснения по вопросам, рассмотренным в рамках настоящего исследования, а также по иным спорным аспектам квалификации составов, предусмотренных ст.ст. 116, 116.1 и 117 УК РФ.

Библиографический список

1. Алихаджиева И.С. Вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией: недостатки конструкции и содержания статей 240 и 241 УК РФ // Вестник Поволжского института управления. – 2009. – № 3. – С. 113-114.
2. Боровиков В.Б. и др. Уголовный закон в практике мирового судьи: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. А.В. Галаховой. – М., 2005. – 576 с.
3. Векленко В.В. Отчет о мониторинге судебной практики применения ст. 117 УК РФ в 2019-20 годах и предложения по совершенствованию законодательства об ответственности за истязание // Электронный

¹⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (3-е издание, дополненное и измененное) (под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева) («ИНФРА-М-НОРМА», 2000) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Приговор Новгородского районного суда Новгородской области по делу № 1-1075/2019 от 16 декабря 2019 г. // Электронный ресурс: <https://sudact.ru> (дата обращения 23.11.2022).

ресурс: https://spbu.ru/sites/default/files/veklenko_otchet_o_monitoringe_st.117_uk.pdf (дата обращения: 20.11.2022).

4. Жижиленко А.А. Должностные (служебные) преступления. Практический комментарий. Изд. 2-е. – М., 1924. – 76 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (3-е издание, дополненное и измененное) / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. («ИНФРА-М-НОРМА», 2000) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (3-е издание, дополненное и измененное) (под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева) («ИНФРА-М-НОРМА», 2000) // СПС «Консультант Плюс».

7. Попова Н.П. Правовые критерии квалификации истязания по уголовному законодательству России / Актуальные вопросы современной науки. – 2008. – № 1. – С. 312-327.

8. Портнов И.П. Истязание (криминологический и уголовно-правовой аспекты) // Насильственные преступления: природа, расследование, предупреждение: сб. науч. трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 1994. – 137 с.

9. Самолюк И.Д. Особая жестокость как элемент состава преступления // Проблемы искоренения преступности в период строительства коммунизма: ученые записки ДВГУ. – 1969. – Т. 30. – С. 27-36.

10. Симонов В.И. К вопросу о понятии истязания // Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью: межвуз. сб. науч. трудов. – Свердловск, 1983. – 142 с.

11. Чечель Г.И. Систематическое нанесение побоев как признак истязания // Гарантии прав личности и проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. – Ярославль, 1989. – С. 110-123.

Рецензент: Плотников А.И., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д.ю.н., доцент.

ЖОВНИР СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

ZHOVNIR SERGEY ALEKSANDROVICH

Candidate of legal sciences, associate professor of the Department of criminal law and criminology, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, orenburg@msal.ru

SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION OF MURDER BY THE MOTHER OF A NEWBORN CHILD

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются некоторые вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка. Автор полагает необходимым внесение следующих изменений в редакцию нормы о детоубийстве: признание привилегированного убийства при лишении жизни новорожденного во время или сразу же после родов только при наличии психотравмирующей ситуации, замену термина «мать новорожденного» термином «роженица (родильница)», придание психическому расстройству, не исключающему вменяемости, при данном преступлении значение смягчающего обстоятельства, а не признака состава преступления. Автору представляется необходимым снижение возраста уголовной ответственности матери-детоубийцы до 14 лет.

Ключевые слова: убийство новорожденного, детоубийство, убийство в условиях психотравмирующей ситуации, убийство в условиях психического расстройства, убийство во время или сразу же после родов, заранее обдуманый умысел на детоубийство, убийство новорожденного суррогатной матерью.

Review. In this paper, some issues of qualification of the murder of a newborn child by a mother are considered. The author considers it necessary to make the following changes to the wording of the norm on infanticide: recognition of privileged murder when depriving a newborn of life during or immediately after childbirth only in the presence of a traumatic situation, replacement of the term «mother of a newborn» with the term «woman in labor», giving a mental disorder that does not exclude sanity, in this crime, the value of mitigating circumstances, and not a sign of the corpus delicti. The author considers it necessary to reduce the age of criminal responsibility of a mother-infanticide to 14 years.

Keywords: murder of a newborn, infanticide, murder in a traumatic situation, murder in a mental disorder, murder during or immediately after childbirth, premeditated intent on infanticide, murder of a newborn by a surrogate mother.

Анализируемая уголовно-правовая норма устанавливает уголовную ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Согласно действующему уголовному законодательству, субъектом детоубийства (ст. 106 УК РФ) является мать новорожденного ребенка. Подобного субъекта преступления - матери-роженицы (родильницы), находящейся в особом психофизиологическом состоянии в период или вскоре после родов, нет больше ни в одной статье Уголовного кодекса РФ, именно его особенности являются основанием для выделения нормы о детоубийстве в самостоятельный привилегированный состав¹.

1. Законодательное признание женщины матерью осуществляется на основе Семейного кодекса РФ, согласно ч. 1 ст. 48 которого «происхождение ребен-

ка от матери (материнство) устанавливается органом записи актов гражданского состояния на основе документов, подтверждающих рождение ребенка матерью в медицинском учреждении, в случае рождения ребенка вне медицинского учреждения, на основе медицинских документов, свидетельских показаний или на основании иных доказательств». Кроме того, женщина может быть признана матерью при усыновлении (удочерении) ребенка согласно ст. 134 Семейного кодекса РФ.

При экстракорпоральном методе оплодотворения - уникальном способе борьбы со всеми видами бесплодия, зачатие осуществляется не в результате совокупления и не в чреве той женщины, которая согласно Семейного кодекса РФ может быть признана матерью. Суть указанного метода в том, что в организм здоровой женщины, способной выносить и родить ребенка, вводится оплодотворенная яйцеклетка, полученная от биологических родителей. Жен-

¹ См.: Анияз М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству. М., 2014. С. 129.

щина, которая будет вынашивать ребенка, называется «заменяющей» или «суррогатной» матерью².

Суррогатная мать не является биологическим родителем вынашиваемого ею ребенка. Необходимо учитывать, что рождение ребенка с неизбежностью сопровождается сложнейшими физиологическими, психологическими, эмоциональными затратами и переживаниями. На этом основании считаем, что женщина, которая вынашивает чужого ребенка, должна признаваться субъектом убийства матерью новорожденного ребенка. Полагаем, что биологическая мать ребенка, изменения психики, здоровья и психологического состояния которой не коснулись процессы беременности и родов, не может быть субъектом анализируемой уголовно-правовой нормы.

В настоящее время, согласно буквальному толкованию уголовного закона (ст. 106 УК РФ), именно женщина, записанная в качестве матери новорожденного ребенка в документах органов ЗАГСа, может рассматриваться в качестве субъекта данного преступления. Суррогатная мать, напротив, не должна привлекаться к ответственности до внесения изменений в редакцию статьи. Мы разделяем позицию А.Н. Красикова о необходимости внесения изменений в диспозицию ст. 106 УК РФ, заменив термин «мать» термином «родильница»³. Однако, с точки зрения точности медицинской терминологии: «родильница» - женщина, родившая ребенка и находящаяся в послеродовом периоде⁴, «роженица» - женщина, еще не родившая ребенка, но находящаяся в процессе родов, либо ребенок родился, но пуповина еще не перерезана, и он не отделен от тела матери.

Учитывая разное медицинское значение терминов «роженица» и «родильница», считаем, что редакцию ст. 106 УК РФ следует изменить следующим образом: «Убийство родильницей (роженицей) новорожденного ребенка...».

2. В момент совершения преступления женщина находится в особом психофизическом состоянии, вызванном родами, которое может закончиться, как только женщина приступила к активным действиям по уходу за ребенком (например, кормление грудью). Так, М.К. Анияз подчеркивал, что «психическое и физическое состояние женщины в период родов, ослабляющее ее способность руководить своими действиями, является основной причиной признания детоубийства»⁵. Аналогичный вывод делается М.О. Гуревичем, который указывает, что у большинства беременных «наблюдаются незначительные изменения со стороны настроения, обычно связанные с соматическими нарушениями. В некоторых случаях, ипохондрические идеи, импульсивность, навязчивое

состояние. Эти явления бывают сильнее выражены в тех случаях, когда беременность является нежелательной, или роды неблагополучными»⁶.

Психологи и психиатры выделяют четыре вида психического состояния матери, совершившей детоубийство:

1) психически здоровые матери, обвиняемые в убийстве новорожденного ребенка; состояние женщины в большинстве случаев обусловлено психофизиологическим состоянием, вызванным родами;

2) эмоциональная напряженность, возникновение и развитие которой обусловлено психотравмирующей ситуацией, оказавшей существенное влияние на сознание и поведение обвиняемой;

3) психические расстройства, не исключающие вменяемости;

4) психические расстройства, при которых женщина находится в состоянии невменяемости⁷.

На наш взгляд, такая характеристика обладает достаточно логичной схемой. Первые два вида детоубийства (убийство во время родов и сразу после них) характеризуются наличием особого психофизиологического состояния. О. Ольшевская отмечает, что расстройство, вызванное родами, есть изменение душевного состояния, которое имеет своим источником физиологические процессы, вызванные родами, ослабляющие волю роженицы и ее сопротивление в отношении внешних и внутренних побуждений и тормозящие полное проявление материнского инстинкта⁸.

Н.И. Манчев указывает, что «особенное возбуждение, в которое впадает женщина во время родов, ограничивает ее способности ясно сознавать смысл и значение своих действий и правильно руководить ими... Такое возбуждение особенно интенсивно, когда налицо специальные причины, связанные с родами, которые сильно волнуют психику женщины. Перед матерью, которая имеет основание бояться последствий родов, особенно если ребенок был зачат внебрачно, во время родов и сразу вслед за ними, ярко встает картина усложнения общественной и семейной обстановки и трудностей морального и материального порядка... Такие представления увеличивают еще больше психическое возбуждение в связи с родами»⁹.

Суть особого психофизиологического состояния роженицы как признака специального субъекта, заключается в том, что последняя находится в возбуждении, при котором ее способность к осознанию и оценке своих поступков в некоторой степени ослаблены. Оно не связано с психическим заболеванием, так как в этом случае встал бы вопрос о невменяемости мате-

² См.: Грубова Е.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы ответственности в российском и зарубежном уголовном законодательстве. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2019. С. 128.

³ См.: Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 2006. С. 46.

⁴ См.: Малая медицинская энциклопедия. М., 1991. С. 156.

⁵ Анияз М.К. Указ. соч. М., 2014. С. 129.

⁶ Гуревич М.О. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 29-30.

⁷ Гуревич М.О. Указ. соч. С. 30.

⁸ См.: Ольшевская О. Роль и значение эмоций. М.: Юрид. лит., 1968. С. 25.

⁹ Манчев Н.И. Субъект убийства матерью новорожденного ребенка. Саратов. 2017. С. 98.

ри. Особое психофизическое состояние является результатом лишь некоторых отклонений в психической деятельности субъекта, однако в рамках ее.

Изучение материалов уголовных дел показывает, что намерение избавиться от ребенка часто возникает у женщины задолго до родов. Намерение совершить убийство новорожденного появляется у женщины в состоянии, далеком от спокойного, с приближением родов это состояние только усиливается. При наступлении родов женщина оказывается настолько в новом, непривычном для нее положении (чаще всего без посторонней помощи, в неблагоприятных для родоразрешения условиях, с мыслью, что сейчас появится на свет источник ее бед и переживаний), что общее ее состояние нельзя назвать нормальным. В результате женщина пребывает в особом психофизическом состоянии, под воздействием которого и совершается убийство.

Так, например, обвиняемая Г., 24 года, утверждала, что процесс беременности сопровождался болью в животе и голове, она плохо спала, испытывала постоянное эмоциональное напряжение. Родив ребенка у себя в квартире, задушила его. Г. показала, что убийство совершила в порыве гнева и плохо помнит происходящее¹⁰.

В юридической литературе высказывались различные предложения о том, как именовать состояние, в котором пребывает роженица в момент родов, например: «душевное потрясение», «нарушение душевного равновесия», «особенное возбуждение», «особое психофизическое состояние». Из всех указанных определений нам представляется наиболее точной характеристика имеющих место изменений как «особое психофизическое состояние». Так, Л.И. Тимина, предложившая это определение, подчеркивает, что изменения коснулись одновременно двух взаимосвязанных и взаимообусловленных сфер человеческого организма: физиологической и психической. Такое психофизическое состояние является особым, поскольку в обычных ситуациях не существует¹¹.

Особое психофизическое состояние рассматривается нами не только как причина детоубийства. Оно также является обстоятельством, свидетельствующим о том, что беременность и роды представляют собой условия, которые мешают субъекту в правильном выборе варианта поведения, снижают его способности сопротивляться отрицательному влиянию микросреды. По мнению Н.С. Левиной, психофизические особенности человека сами по себе не определяют его поведение. Они преломляются через интел-

лект, чувственно-эмоциональную сферу, влияют на поступки человека¹².

Убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации характеризуется возникновением эмоциональной напряженности у субъекта преступления. Оценка психического состояния, возникшего вследствие психотравмирующего воздействия, требует решения ряда методологических, смежных между правом и психологией, проблем¹³. В качестве негативного воздействия на психику матери ребенка признается, например, отказ отца ребенка от регистрации заключения брака с матерью новорожденного или признания новорожденного своим ребенком, отказ со стороны близких лиц от предоставления какой-либо поддержки и т. д.¹⁴. Подобные явления возникают не только во время беременности женщины, но и обнаруживаются, когда мать новорожденного ребенка готовится к выписке после родов из медицинского учреждения или после таковой, если появляется проблема жилья, материального обеспечения своей жизни и младенца.

Так, обвиняемая в убийстве своего новорожденного ребенка Г. показала, что после выписки из родильного дома родители к себе жить ее не пустили, так как ребенка она родила вне брака, и они были против рождения младенца. В течение двух недель она жила у тети, затем в общежитии. Отец ребенка материальной поддержки не оказывал. Г. также указывала на то обстоятельство, что у нее появились головные боли, ребенок постоянно плакал, кричал, поскольку у нее не было молока, и он был голодным. В ходе проведенного расследования установлено: когда младенцу был 21 день, в одно из кормлений Г. умышленно сильно ударила ребенка головой о пол, в результате чего он скончался. Согласно заключению комплексной психолого-психиатрической экспертизы, Г. психическими заболеваниями не страдает, является вменяемой. В приговоре суда указано, что Г. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, в условиях психотравмирующей ситуации¹⁵.

По мнению Р.А. Базарова, под условиями психотравмирующей ситуации следует понимать психически отягощенную, хотя и не вызвавшую истинного расстройства ситуацию, связанную с психоэмоциональной напряженностью, чувством длительного по времени беспокойства, страха, неуверенности, которая на фоне психологических перегрузок в периоды беременности, рождения ребенка, принимает для женщины особо значимый, обостренный характер. Изложенное в сочетании с психической неуравнове-

¹⁰ Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан № 1-1136/2019 от 27 августа 2019 г. по делу № 1-1136/2019 // Росправосудие: информационный портал. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/focyNwPpjNgm/> (дата обращения: 28.05.2022).

¹¹ См.: Тимина Л.И. Уголовная ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка. М., 2015. С. 39.

¹² См.: Левина Л.С. Ответственность за детоубийство по законодательству РФ. Ижевск, 2013. С. 76.

¹³ См.: Рудовер Е.А. Квалификация убийства матерью новорожденного ребенка: учебное пособие. М-во внутренних дел Российской Федерации, Московский ун-т. Москва, 2013. С. 24.

¹⁴ См., например: Сафуанов Ф. Судебная экспертная психолого-психиатрическая оценка психологического состояния женщин-убийц новорожденных детей // Сборник статей по отчету конференции психиатров и психологов. М., 2017. С. 170.

¹⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 07.11.2015 по делу № 2-65498 // РосПравосудие: информационный портал. URL: https://sudact.ru/2_65498 (дата обращения 20.09.2022).

шенностью личности может выступать причиной, обуславливающей совершение женщиной убийства своего новорожденного ребенка¹⁶.

Эмоциональная напряженность возникает нередко еще до родов. Росту эмоциональной напряженности соответствуют такие личностные характеристики обвиняемых, как подчиняемость, зависимость, малообщительность, исполнительность, застенчивость. Именно поэтому экспертное определение состояния эмоциональной напряженности, возникшей и развивавшейся в условиях психотравмирующей ситуации, имеет прямое отношение к квалификации деяния по ст. 106 УК РФ.

Вместе с тем, психотравмирующая ситуация, особое психофизическое состояние у рожавшей женщины существуют далеко не всегда, практике известны многие случаи заранее спланированного хладнокровного убийства. На наш взгляд, привилегированное положение роженицы (родильницы) может обусловить не просто убийство после или во время родов само по себе, а установленная выводами комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы психотравмирующая ситуация в это время детоубийства. В отсутствие такого положительного заключения, по нашему мнению, действия по лишению жизни новорожденного должны быть квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Ответственность матери-убийцы за лишение жизни беззащитного ребенка существенно отличается от санкции общей нормы об убийстве. Было бы неправильно и неэтично наказывать символическим наказанием таких лиц. Поэтому мы выступаем за признание привилегированным составом убийства матерью новорожденного ребенка, если оно совершено во время или сразу же после родов только в условиях психотравмирующей ситуации. Редакцию нормы о детоубийстве можно было бы в данной части изложить следующим образом: «Убийство роженицей (родильницей) своего новорожденного ребенка, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации во время или сразу же после родов - наказывается...».

3. Особо следует остановиться на квалификации убийства матерью новорожденного ребенка в условиях психического расстройства, не исключающего вменяемости.

А.Н. Красиков полагал, что убийство новорожденного ребенка, совершенное в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, в отличие от убийства новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, может иметь место только в послеродовой период¹⁷. Психические расстройства, не исключающие вменяемости, бывают обусловлены как беременностью, так и родами.

По мнению А.Н. Попова, в основе детоубийства, совершенного в условиях психического расстройства, не исключающего вменяемости, находятся оп-

ределенные процессы, которые, в отличие от невменяемости, не являются болезнью. Такое толкование следует из принятой законодателем терминологии: если невменяемость, согласно ст. 21 УК РФ, - состояние психики категории болезненных, то, значит, эти расстройства, не исключающие вменяемость, относятся к психическим процессам, не являющимся болезненными, но одновременно и не характеризующим субъекта как психически нормального¹⁸.

Вместе с тем, ст. 22 УК РФ устанавливает общие правила ответственности для лиц, совершивших преступление в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, при так называемой ограниченной вменяемости. Нам представляется, что эти же правила должны распространяться и на убийцу - мать новорожденного ребенка. Состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости, может учитываться судом в качестве смягчающего наказания обстоятельства и в необходимых случаях, согласно выводам комплексной психолого-психиатрической экспертизы, обусловить применение принудительных мер медицинского характера. Это общие правила уголовной ответственности при совершении любого преступления. Почему же здесь, в условиях явного несоответствия сил (взрослый человек – мать новорожденного и беспомощный младенец) общие правила игнорируются не в пользу защиты новорожденного? На наш взгляд, убийство роженицей (родильницей) своего новорожденного ребенка должно предполагать смягчение наказания только в условиях психотравмирующей ситуации, которая существует во время или сразу же после родов. Наличие психического расстройства, не исключающего вменяемости, при убийстве новорожденного ребенка не должно создавать оснований для применения привилегированного состава преступления. Предлагаем исключить из действующей редакции ст. 106 УК РФ следующие признаки привилегированного состава детоубийства: «убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости», учитывать наличие такого психического расстройства в качестве смягчающего наказания обстоятельства при назначении наказания в данном случае по санкции квалифицированного убийства, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

4. Согласно ст. 20 УК РФ убийство матерью новорожденного ребенка предусматривает уголовную ответственность с шестнадцатилетнего возраста. Такое решение представляется нам не вполне оправданным. В основе определения возраста уголовной ответственности лежит способность субъекта преступления осознавать общественную опасность своего деяния, понимать вред, причиняемый общественным отношениям. Именно по этой причине в перечне преступлений ч. 2 ст. 20 УК РФ предусмотрены деяния

¹⁶ См.: Базаров Р.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против жизни. Челябинск, 2018. С. 44.

¹⁷ См.: Красиков А.Н. Указ. соч. Саратов, 2006. С. 45-46.

¹⁸ См.: Попов А.Н. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка»: учебное пособие / А.Н. Попов; Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2021. С. 90.

разной степени тяжести (от небольшой тяжести до особо тяжких), но с обязательным общим условием: все они понятны сознанию четырнадцатилетнего подростка, имеют простое (можно сказать - примитивное содержание). В таком смысле убийство новорожденного ребенка не содержит каких-либо выраженных отличий в понимании общественно-опасного характера своих действий от простого или квалифицированного убийства. Если мать убивает своего ребенка за пределами сроков новорожденности (предположим, это происходит на второй месяц после родов), то ответственность должна быть по санкции квалифицированного убийства (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Изменилось ли сильно сознание матери за полтора месяца, и теперь ее пониманию доступно то, что еще полтора месяца назад было непонятно? Очевидно, нет, таких кардинальных изменений сознания не случилось. Таким образом, в случае детоубийства законодатель устанавливает уголовную ответственность с шестнадцатилетнего возраста, нарушая общее правило, отступив от презумпции применения наказания при осознании общественной опасности своего деяния. Почему за детоубийство необходимо привлечение к уголовной ответственности с возраста 16 лет? По нашему мнению, законодатель ориентируется на психотравмирующую ситуацию, вызванную беременностью, родами, иными факторами (психологической обстановкой в семье, сложившимися от-

ношениями с отцом ребенка, материальной нуждостью и т. д.), близкую к состоянию физиологического аффекта¹⁹.

Как и при убийстве в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), возраст субъекта преступления 16 лет. Предполагается, что именно в данном возрасте, учитывая особенности психики подростка, сохраняется общая способность (несмотря на сильное душевное волнение или психотравмирующую ситуацию) осознания и руководства своими действиями.

Однако, на наш взгляд, такое предположение имеет слабое обоснование. Во-первых, нарушается, общий принцип ответственности при осознанности действий, а в 14 лет понимание общественной опасности детоубийства бесспорно. Во-вторых, наличие психотравмирующей ситуации в возрасте матери-убийцы в 14 лет не создает у нее ситуации невменяемости. В-третьих, непонятной и нелогичной становится позиция законодателя при убийстве ребенка за пределами сроков новорожденности, при том, что психотравмирующая ситуация сохранилась, да и ребенок, спустя месяц после рождения, не перестанет доставлять матери множество хлопот. Нормы о квалифицированном и простом убийстве оказываются, таким образом, юридически несогласованными по отношению к убийству матерью новорожденного ребенка. В связи с этим, предлагаем снизить возраст уголовной ответственности за детоубийство до 14 лет.

Библиографический список

1. Анияз М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству. – М., 2014. – 212 с.
2. Базаров Р.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против жизни. – Челябинск, 2018. – 76 с.
3. Грубова Е.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы ответственности в российском и зарубежном уголовном законодательстве. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая акад., 2009. – С. 132.
4. Гуревич М.О. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция. – 1998. – № 3. – С. 29-30.
5. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. – Саратов, 2006. – 211 с.
6. Левина Л.С. Ответственность за детоубийство по законодательству РФ. – Ижевск, 2013.
7. Малая медицинская энциклопедия. – М., 1991. – 560 с.
8. Манчев Н.И. Субъект убийства матерью новорожденного ребенка. – Саратов, 2017.
9. Ольшевская О. Роль и значение эмоций. – Минск: Беларусь, 1968. – 80 с.
10. Попов А.Н. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка»: учебное пособие. – Санкт-Петербург, 2021. – 136 с.
11. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 3. Преступления против личности. – Владивосток, 2000. – 503 с.
12. Рудовер Е.А. Квалификация убийства матерью новорожденного ребенка: учебное пособие. – Москва, 2013. – 85 с.
13. Сафуанов Ф. Судебная экспертная психолого-психиатрическая оценка психологического состояния женщин-убийц новорожденных детей // Сборник статей по отчету конференции психиатров и психологов. – М., 2017.
14. Тимина Л.И. Уголовная ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка. – М., 2015.

Рецензент: Плотников А.И., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

¹⁹ См.: Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 3. Преступления против личности. Владивосток, 2000. С. 129-130.

КУЗНЕЦОВ АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50; доцент кафедры Юриспруденции ФГБОУ ВО «Оренбургский ГАУ», tolik_kuznetsov_2013@mail.ru

БЕССОНОВА ИННА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

KUZNETSOV ANATOLY VLADIMIROVICH

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Researcher at the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50; Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Orenburg State Law University, tolik_kuznetsov_2013@mail.ru

BESSONOVA INNA VLADIMIROVNA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, orenburg@msal.ru

ON THE QUESTION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR OCCUPYING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY

Аннотация: В данной статье рассматриваются актуальные вопросы социальной обусловленности введения уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. Рассматриваются спорные вопросы правоприменения, предложена новая редакция нормы, направленная на оптимизацию квалификации преступления по ст. 210.1 УК РФ.

Ключевые слова: вор в законе, преступная иерархия, занятие положения, преступная среда.

Review: This article discusses topical issues of social conditionality of the introduction of criminal responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy. Controversial issues of law enforcement are considered, a new version of the norm is proposed, aimed at optimizing the qualification of a crime under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: thief in law, criminal hierarchy, occupation of position, criminal environment.

В 2019 году УК РФ был дополнен статьей 210.1, регламентирующей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. В связи с этим закономерно возникает вопрос о необходимости криминализации данного деяния и позиции законодательных и иных официальных органов к новой дефиниции.

Пояснительная записка к проекту ФЗ № 46 от 1 апреля 2019 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности», кроме как в названии не называет причин введения данной нормы.

В этом случае, логично руководствоваться практикой.

Так, согласно официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2014 году на территории России было выявлено 8375 лиц в составе организованных групп или преступных сообществ, в 2015 году – 9664 лица, в 2016 году – 9317 лиц, в 2017 году – 9261 лицо; в период с января по декабрь 2018 года было выявлено 9693 таких лица, причём также был зафиксирован прирост данного значения по сравнению с предыдущими исследованными периодами в размере 4,66 %¹.

Кроме того, по различным данным, на территории России и постсоветском пространстве насчитыва-

¹ Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.12.2022).

ается более 400 человек, которые занимают высшее положение в иерархической системе преступного мира и принимают непосредственное участие в организации преступной деятельности².

Принципиально важно, квалифицируя преступление по ст. 210.1 УК РФ определить время, место, способ совершения преступления и одновременно критерии проверки правильности составления постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Эти факкультативные признаки преступления, подлежащие доказыванию, закрепленные в ст. 73 УПК РФ, важны как минимум потому, что дают возможность внятно формулировать основные тезисы обвинения, четко и понятно описывать объективную сторону преступного деяния. Однако, проблемы, связанные с отсутствием в России надлежащей нормативной базы, которая бы регламентировала вопросы иерархичности преступной среды, «статусности» высших лиц криминала, не дают возможности участникам уголовного судопроизводства достичь единообразия в применении ст. 210.1 УК РФ. Основной составляющей предмета доказывания является время. Отправной точкой защиты от обвинения по ст. 201.1 УК РФ есть установление момента окончания данного преступления. Согласно ч. 2 ст. 9 УК РФ, временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, по конструкции объективной стороны является формальным, то есть оно будет считаться оконченным в момент занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Для квалификации данного деяния не имеют значения последствия. Но момент окончания данного преступления принципиален. Если законодатель в конструкции ст. 210.1 УК РФ связывает время совершения данного преступления исключительно с моментом занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, то привлекать лиц к уголовной ответственности возможно только с 12.04.2019 (дата вступления в силу поправок в УК РФ) и не ранее. Этот довод прямо корреспондирует положениям ст. 54 Конституции РФ и ст. 10 УК РФ, согласно которым закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось преступлением. Если законодатель под словом «занятие» в диспозиции ст. 210.1 УК РФ предположил неопределенный временной промежуток, в течение которого лицо пребывает в таком статусе, то речь следует вести о длящемся преступлении. Данное постановление действует в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 № 8 «О применении судами Российской Федерации постановлений Пленума Верховного Суда Союза ССР».

Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям», как длящиеся, так и продолжаемые преступления характеризуются продолжительностью преступных действий, судам необходимо точно устанавливать начало и конец их совершения. Длющееся преступление начинается с момента наступления преступного состояния и кончается в момент прекращения этого преступного состояния вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (вмешательство органов власти). Чаще всего фабула обвинения в уголовном деле указывает на длящийся характер преступления³. Полагаем, виной коллизии большинства норм УК РФ является логика ее изложения.

В последние годы в специальной юридической литературе все чаще встречается критика законодательных нововведений, в том числе и норм уголовного закона. Претензии ученых к законодателю касаются различных аспектов: неверного определения места расположения в уголовном законе новых норм, недостаточности или, наоборот, избыточности уголовной репрессии. Однако, чаще всего критические замечания обращены к неудачному конструированию уголовно-правовых норм, особенно при формулировании новых составов преступлений, которое непосредственно связано с нарушением законодательной техники их построения. В полной мере это касается введенной Федеральным законом от 01.04.2019 № 46?ФЗ в УК РФ ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Включение такого преступления в УК РФ обусловлено необходимостью усиления борьбы с организованной преступностью, с одной стороны, и неэффективностью действующих мер (на момент принятия Закона № 46?ФЗ), с другой стороны⁴. Еще в 2009 г. законодатель в ч. 4 ст. 210 УК РФ установил уголовную ответственность за организацию преступленного сообщества лицом, занимающим высшее место в преступной иерархии. Однако, эта норма не нашла практического применения из-за невозможности установления связи лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, с конкретными преступлениями, совершаемыми преступными сообществами (организациями), а также непосредственного их участия в создании таких сообществ и управлении ими или какой-либо причастности к их деятельности, чего требует указанная норма. Поэтому можно констатировать, что ожидания от применения данной нормы не оправдались. За период нахождения в УК РФ ч. 4 ст. 210 лишь два случая обвинения в предусмотренном ею преступлении дошли до вынесения приговора. В одном из них был вынесен оправдательный приговор (2015 г.), в дру-

² Комиссарова А. Преступные короли [Электронный ресурс] // Lenta.ru: интернет-издание. 2018. 20 мая // URL: <https://lenta.ru/articles/2018/05/20/vvz/> (дата обращения: 01.12.2022).

³ <https://ukodrf.ru/statuya-210-1> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии // Совершенствование законодательства. 2020. Том 73. № 10 (167). С. 161.

гом – обвинительный (2018 г.)⁵.

При этом использование нового термина «высшей преступной иерархии» в действующем уголовном законе, является не только новеллой, но и сомнительной для правоприменителя правовой категорией.

Данное понятие не легитимно, и занятие высшей преступной иерархии правоприменителю в каждом конкретном случае необходимо устанавливать, руководствуясь только личным опытом, что обязательно ведет к искажению практики и неоднозначному применению нормы закона. Данная ситуация не допустима в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Кроме того, в 2008 г. Указом Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева № 1316 от 6 сентября 2008 г. «О некоторых вопросах МВД РФ», Служба по борьбе с организованной преступностью была расформирована, ее функции переданы в другие подразделения МВД России. Этим самым на федеральном уровне признано, что организованная преступность в России перестала свое существование и остались лишь частные ее проявления.

В этом случае возникает вопрос, для чего правоприменитель ввел такую ответственность в ее абсолютно несовершенном виде. Ответ напрашивается исходя из личного практического опыта:

во-первых, потому, что государством признано существование организованной преступности и ее активных лидеров в тревожных для общества масштабах;

во-вторых, в связи с сложностью привлечения лидеров преступных групп и сообществ к уголовной ответственности, а ст. 210.1 УК РФ – это уникальный инструмент для привлечения не только к ответственности, но и в первую очередь изоляции лидеров на время предварительного следствия.

Хочется привести в качестве примера опыт грузинского законодателя, который в отличии от нас предусмотрел на законодательном уровне в Законе от 20.12.2005 № 2354 «Об организованной преступности и рэкете»⁶ ответственность за членство в воровском сообществе. Данный закон прошел проверку на практике грузинского общества, по утверждению их аналитиков, и в целом показал свою эффективность⁷.

Полагаем, признание на законодательном уровне спе-

циального субъекта ст. 210.1 УК РФ, как «вора в законе», не только укрепит в нашем обществе данный статус, но и позволит его распространению в криминальной среде. Мы видим, что в Российском обществе сегодня, чтобы быть преступным авторитетом, не означает быть «вором в законе», таким образом российский правоприменитель удачно добивается нивелирования в обществе «воровских законов» и ее субкультуры. Тем более, что подобной ответственности история Советского уголовного законодательства не знает и не допускала признание «воровского феномена» в качестве авторитета в обществе. Полагаем, это правильно, тем более с учетом анализа применения ст. 210.1 УК РФ.

Обратимся, прежде всего, к данным судебной статистики. Так, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации указывает на следующие данные⁸:

Данные	2019	2020	2021
	0	0	0

Табл. № 1 «Данные о количестве осужденных по основной статье квалификации (210.1 УК РФ)»

Отсюда напрашивается логичный вывод о том, что ст. 210.1 УК РФ требует сегодня своей реконструкции, и, считаем следующее ее содержание позволит совершенствовать практику применения данной нормы и при этом в полном объеме добиваться всех целей наказания, преследуемых уголовным законом:

«Статья 210.1. Занятие высшего положения в преступной иерархии и распространение традиций и обычаев уголовной среды

Занятие высшего положения в преступной иерархии и распространение традиций и обычаев уголовной среды, то есть отрицание общепринятых моральных принципов и правил поведения, сопровождающееся стимулированием преступного поведения, укреплением преступного профессионализма, использование авторитета для построения структуры подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций, – наказывается...».

Библиографический список:

1. Комиссарова А. Преступные короли [Электронный ресурс] // Lenta.ru: интернет-издание. 2018. 20 мая // URL: <https://lenta.ru/articles/2018/05/20/vvz/> (дата обращения: 01.12.2022).
2. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии // Совершенствование законодательства Том 73. – 2010. – № 10 (167). – С. 159-170.
3. Козловская М.Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского университета. Серия: Право. - 2018. - № 2 (55). - С. 176-178.

Рецензент: Хмелевская Т.А., доцент кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

⁵ См.: Данные судебной статистики: форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 13.05.2022).

⁶ Закон Грузии от 20.12.2005 № 2354 «Об организованной преступности и рэкете» // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1> (дата обращения: 13.05.2022).

⁷ Козловская М.Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 2 (55). С. 176, 178.

⁸ Данные судебной статистики // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 13.05.2022).

Раздел четвертый

ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

КУЗЬМИНА МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oMVKuzmina@msal.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

KUZMINA MARIA VIACHESLAVOVNA

PHD in Law, associate professor of the Department of business and natural resource law, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oMVKuzmina@msal.ru

LEGAL REGULATION OF THE FOOD SECURITY IN THE FIELD OF AGRICULTURE IN THE RUSSIAN FEDERATION UNDER THE PRESSURE OF SANCTIONS

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей правового регулирования продовольственной безопасности в области сельского хозяйства в Российской Федерации в условиях санкционного давления со стороны недружественных государств. Автор на основе анализа действующих норм российского законодательства показывает специфику действия механизма реализации доктрины продовольственной безопасности государства в сфере сельхозпроизводства в современных условиях.

Ключевые слова: национальная безопасность, продовольственная безопасность, доктрина продовольственной безопасности, сельское хозяйство.

Review. The article is devoted to the consideration of the features of the legal regulation of the food security in the field of agriculture in the Russian Federation under the pressure of sanctions from unfriendly states. The author, based on an analysis of the current norms of Russian legislation, shows the specifics of the mechanism for implementing the doctrine of the food security of the state in the field of agricultural production in modern conditions.

Keywords: national security, the food security, the food security doctrine, agriculture.

Важной задачей, которая стоит перед мировым сообществом, является обеспечение населения продовольствием в достаточных объемах, качестве и ассортименте. Обеспеченность государства продуктами питания в необходимых размерах зависит от уровня продовольственной безопасности, которая является важнейшей составляющей национальной безопасности государства. Актуальным вопрос продовольственной безопасности Российской Федерации встал еще в 2014 году, когда федеральное правительство приняло решение ввести контрсанкции в отношении западных стран. В настоящее время, в условиях санкционного

давления на российскую экономику и мировой политической обстановки, эта проблема приобретает особую остроту за счет того, что необходимый уровень обеспечения основным продовольствием в стране, в особенности с учетом дифференциации населения по уровню доходов, пока не соответствует потребности.

Основными актами, регулирующими правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации, в настоящее время, являются:

- Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной бе-

зопасности Российской Федерации»¹, который является основополагающим документом стратегического планирования, отражающим официальные взгляды на цели, задачи и основные направления государственной социально-экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации;

- Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»². Данный федеральный закон включает в себя определение государственной аграрной политики и ее основных целей;

- Федеральный закон от 2 января 2007 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»³. Документ содержит такие основные понятия, как пищевые продукты, продовольственное сырье, пищевые добавки и т.д.;

- Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»⁴. Программа определяет цели, задачи и основные направления развития и регулирования агропромышленного комплекса, финансовое обеспечение и механизмы реализации мероприятий и показатели их результативности;

- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 января 2021 г. № 208-р «О мерах обеспечения продовольственной безопасности, стимулирования предпринимательской активности и самозанятости граждан, расширения возможностей сбыта продукции отечественных товаров, увеличения доходов и роста благосостояния граждан»⁵. В Распоряжении содержатся рекомендации о содействии физическим и юридическим лицам, связанным с сельским хозяйством со стороны органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;

- Постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств «О модельном законе «О продовольственной безопасности»⁶. Закон определяет основные направления государственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности государства, являющейся составной частью его безопасности, а также необходимые условия обеспечения основных прав и свобод граждан в соответствии с действующими нормами международного права.

К сожалению, на сегодняшний день, не принят специальный федеральный закон «О продовольственной безопасности», споры о котором ведутся с 1997 года. По нашему мнению, это является серьезным недостатком правового регулирования отношений в данной сфере.

Необходимо отметить, что вопрос продовольственной безопасности государства невозможно рассматривать вне глобального процесса. В настоящий момент основными звеньями глобальной системы обеспечения продовольственной безопасности являются:

- Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ; World Health Organization), основанная в 1945 г. ВОЗ – внутреннее структурное подразделение ООН, отвечающее за разрешение глобальных проблем охраны здоровья и координацию деятельности международных и региональных структур здравоохранения. Данное структурное подразделение ООН обеспечивает международное взаимодействие в аграрной и продовольственной сферах, способствует разработке мер, нацеленных на повышение эффективности аграрного производства, на улучшение качества продовольствия с помощью разработки системы международных стандартов.

- Международная организация стандартизации (ИСО; International Organization for Standardization – ISO), функционирует с 1946 г. Учредителями ее являлись 25 региональных и национальных организаций, объединивших усилия в сфере создания системы международных гуманитарных стандартов, в том числе в области безопасности продовольствия;

- Организация Объединенных Наций по питанию и сельскому хозяйству - ФАО (Food and Agriculture Organization of United Nations). Следует отметить ведущую роль ФАО в формировании системы международной продовольственной безопасности: результаты ее нормотворчества на сегодняшний день являются основой правоприменительной практики в данной области. К их числу в первую очередь, необходимо причислить Римскую декларацию о всемирной продовольственной безопасности (1996), Роттердамскую конвенцию о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле (1998), Международный договор о растительных генетических ресурсах (2001).⁷

¹ Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

² Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // СЗ РФ. 2007. № 1 (Ч. 1). Ст. 27.

³ Федеральный закон от 2 января 2007 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150.

⁴ Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» // СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4549.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 января 2021 г. № 208-р «О мерах обеспечения продовольственной безопасности, стимулирования предпринимательской активности и самозанятости граждан, расширения возможностей сбыта продукции отечественных товаров, увеличения доходов и роста благосостояния граждан». URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/218282324/> (дата обращения: 29.11.2022).

⁶ Постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств «О модельном законе «О продовольственной безопасности». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901818135?marker> (дата обращения: 29.11.2022).

⁷ Серафимович А.Е., Просеков А.Ю. Продовольственная безопасность: международно-правовые аспекты и российская правоприменительная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 235-253.

Видится, что продовольственную безопасность Российской Федерации на современном этапе необходимо рассматривать, не столько в условиях интеграции стран, сколько в условиях их кризисной дезинтеграции. Связана такая ситуация с целым рядом санкций по отношению к России из-за украинского кризиса. Политика, направленная на ограничение импорта продовольственных товаров и защиты национальных интересов, помимо традиционного набора мер (повышение таможенных пошлин, квотирование, субсидирование национальных производителей и т. д.), изначально опирается на решения экстраординарного характера, представленные исключительно подзаконными актами. Поэтому, хотя решение о введении продовольственного эмбарго формально было ответом на антироссийские санкции со стороны США, ЕС и ряда других стран, фактически этот шаг был логическим продолжением политики, основы которой были закреплены в Государственной программе развития сельского хозяйства на 2013-2020 годы, принятой в 2012 г., а также в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации образца 2010 г.⁸

Сельское хозяйство, являясь сектором стратегического назначения, направлено не только на получение коммерческой прибыли, но и на обеспечение продовольственной безопасности, включающую в себя физическую и экономическую доступность, достаточную для поддержания жизни и объема качественного продовольствия для населения.⁹

Земли сельскохозяйственного назначения как объект правоотношений являются уникальным природным ресурсом, истощаемым при ненадлежащем использовании и требующим больших затрат на восстановление их плодородия. Именно поэтому, правовое обеспечение надлежащего использования земель сельскохозяйственного назначения, призвано учитывать наличие в отношении таких земель частного и публичного интереса, обеспечивать их баланс. В любой правовой системе практически во всех государствах гарантированные права частных лиц, использующих земли сельскохозяйственного назначения, ограничиваются существующими в отношении данной категории земель потребностями общества. Как раз публичные интересы заключаются в обеспечении продовольственной безопасности страны, ус-

тойчивом развитии аграрного сектора, сохранении благоприятной окружающей среды, возможности выращивания экологически чистой и безопасной продукции, недопущении обострения социальной обстановки при решении земельных вопросов.

Российская Федерация обладает огромным резервом сельскохозяйственных земель (более 132 млн га), одной десятой мировых пахотных земель и 55% мировых запасов чернозема, одной четвертой запасов пресной воды, а так же возможностями производить примерно десятую часть мирового объема минеральных удобрений, большими запасами биоэнергетических и других ресурсов и при этом ежегодно импортирует примерно в 2 раза больше продовольствия из-за рубежа по сравнению с периодом, когда ее население почти в 2 раза превышало нынешнюю численность¹⁰.

Принято выделять основные показатели, определяющие уровень продовольственной безопасности. Применительно к рассмотрению нашего вопроса выделяется такой фактор, как посевная площадь сельскохозяйственных культур.

По данным Росстата, на 2021 год посевная площадь составила 79,9 млн га, что на 0,3% больше, чем в 2019 году, а общая посевная площадь в России в 2022 году достигла 82,01 млн га¹¹.

Так же, применительно к теме исследования, актуальным в последнее время остается вопрос с системами мер государственной поддержки. С начала 2022 г. происходит расширение поддержки данной отрасли от государства. Так, примером реализации мер поддержки, может служить Постановление Правительства от 18 апреля 2022 г. № 687¹², которое внесло изменения в ранее действующие правила предоставления господдержки в рамках госпрограммы развития сельского хозяйства, финансируемого из федерального бюджета. Выделенные субсидии на возмещение части затрат на производство и реализацию зерновых культур отныне можно получить не только по итогам финансового года, после сбора урожая, но и в самом начале – перед проведением посевных работ.

В России действует программа льготного кредитования сельхозпроизводителей. Согласно Распоряжению Правительства от 25 мая 2022 года № 1297-р¹³ на её реализацию из резервного фонда Правитель-

⁸ Берсенёв В.Л. Экономические и правовые аспекты политики импортозамещения в аграрной сфере // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 4. С. 922-931.

⁹ Современные проблемы земельно-имущественных отношений, урбанизации территории и формирования комфортной городской среды - 2021: сборник статей Международной научно-практической конференции. Том II. /отв. редактор Л.А. Филимонова. Тюмень: ТИУ, 2021. С. 241.

¹⁰ Кошелёв Н.А. Национальная экономика. М.: Эксмо. 2011. 120 с.

¹¹ Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13277> (дата обращения 29.11.2022).

¹² Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2022 г. № 687 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2021 г. № 118 и признании утратившим силу подпункта «б» пункта 2 изменений, которые вносятся в постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2021 г. № 118, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 5 октября 2021 г. № 1691» // СЗ РФ. 2022. № 17. Ст. 2900.

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 25 мая 2022 г. № 1297-р «О выделении в 2022 г. Минсельхозу России бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства РФ для предоставления из федерального бюджета субсидий российским кредитным организациям и государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным сельскохозяйственным товаропроизводителям (за исключением сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов), организациям и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим производство, первичную и (или) последующую (промышленную) переработку сельскохозяйственной продукции и ее реализацию, по льготной ставке». Режим доступа: <http://government.ru/docs/45507/> (дата обращения: 29.11.2022).

ства дополнительно выделено 153 млрд рублей. Выделенные средства предназначены для субсидирования кредитных организаций, которые предоставляют предприятиям агропромышленного комплекса льготные займы. Необходимость дополнительного финансирования связана с изменением ключевой ставки Банка России в 2022 году, а также с отсрочкой платежей и пролонгацией сроков уже заключённых льготных кредитных договоров.

Благодаря данным мерам поддержки, удалось стабилизировать цены на сельхоз продукцию и обеспечить российских производителей необходимым объемом минеральных удобрений. Так же, необходимо упомянуть о формировании плана приобретения минеральных удобрений совместно с Министерством промышленности и торговли Российской Федерации и субъектами, а также, квотировании экспорта на предстоящий сельскохозяйственный сезон 2022-2023 годов¹⁴.

Другими мерами, непосредственно тесно связанными с землей сельскохозяйственного назначения как объекта правоотношений, является квотирование экспорта минеральных удобрений. С 1 декабря 2021 года правительство ввело квоты на экспорт азотных и сложных азотсодержащих удобрений из РФ в качестве одной из мер по сдерживанию роста цен на продовольствие. В конце апреля правительство увеличило квоту на вывоз минеральных удобрений из России, чтобы поддержать российских производителей на фоне

снижения внутреннего спроса и санкций.

На современном этапе, в условиях кризисной дезинтеграции, по нашему мнению, необходимо создавать надежный институциональный фундамент правового, экономического и организационного воздействия государства на решение проблем продовольственной безопасности и независимости Российской Федерации. Подводя итоги, можно обозначить, что главной проблемой, несмотря на наличие неблагоприятных тенденций, является тот факт, что должное внимание вопросам обеспечения продовольственной безопасности стали уделять только в связи с введением антироссийских санкций.

Кроме того, ряд положений, связанных с землепользованием, на наш взгляд, целесообразно уточнить и в самой Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации и действующих стратегиях. Например, отнести к рискам и угрозам, которые могут существенно ослабить продовольственную безопасность, неиспользование сельскохозяйственных угодий, недостаточное упорядочение земельно-имущественных отношений в аграрно-промышленном комплексе и т.п.

Россия обладает большим потенциалом для развития отечественного производства. Реализация мер поддержки сельхозпроизводителей позволит более успешно проводить последовательную государственную экономическую политику в области продовольственной безопасности.

Библиографический список

1. Берсенёв В.Л. Экономические и правовые аспекты политики импортозамещения в аграрной сфере // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17. – № 4. – С. 922-931.
2. Кошелев Н.А. Национальная экономика. – М.: Эксмо. – 2011. – 120 с.
3. Серафимович А.Е., Просеков А.Ю. Продовольственная безопасность: международно-правовые аспекты и российская правоприменительная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 235-253.
4. Современные проблемы земельно-имущественных отношений, урбанизации территории и формирования комфортной городской среды. – 2021: сборник статей Международной научно-практической конференции. Том II. /отв. редактор Л.А. Филимонова. – Тюмень: ТИУ, 2021. – 454 с.

Рецензент: Ефимцева Т.В., заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 30 мая 2022 № 990 «О введении временного количественного ограничения на вывоз отдельных видов удобрений и внесении изменения в категории товаров, в отношении которых не применяются предусмотренные Таможенным кодексом Евразийского экономического союза неполное таможенное декларирование и периодическое таможенное декларирование» // СЗ РФ. 2022. № 23 Ст. 3818.

ХАБИБУЛЛИНА АННА СЕРГЕЕВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, neverova_oren@mail.ru

ЧАСТИЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ РАБОТНИКОВ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

HABIBULLINA ANNA SERGEEVNA

PHD in Law, associate professor of the Department of administrative and financial law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, neverova_oren@mail.ru

PARTIAL MOBILIZATION OF EMPLOYEES AS A BASIS FOR SUSPENSION OF AN EMPLOYMENT CONTRACT

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы особенностей регулирования труда лиц, призванных на военную службу в порядке частичной мобилизации и добровольного заключения контракта о службе в ВС РФ на период проведения специальной военной операции. Законодатель впервые достаточно подробно урегулировал вопрос приостановления действия трудового договора с работником по обозначенному основанию, предусмотрел гарантии работникам и членам их семьи.

Ключевые слова: мобилизованный работник, частичная мобилизация, приостановление трудового договора, призыв в Вооруженные силы РФ, увольнение в связи с призывом.

Review. This article discusses topical issues of the specifics of regulating the labor of persons called up for military service in the order of partial mobilization and voluntary conclusion of a contract for service in the RF Armed Forces for the period of a special military operation. For the first time, the legislator regulated in sufficient detail the issue of suspension of an employment contract with an employee on a specified basis, provided guarantees for employees and their family members.

Keywords: mobilized worker, partial mobilization, suspension of an employment contract, conscription into the Armed Forces of the Russian Federation, dismissal due to conscription.

Указом Президента РФ от 21.09.2022 № 647 была объявлена частичная мобилизация¹, а именно призыв граждан РФ на военную службу в Вооруженные Силы РФ, при этом объявлено, что контракты о прохождении военной службы будут продолжать свое действие до окончания периода частичной мобилизации, за исключением случаев увольнения военнослужащих с военной службы по основаниям, установленным данным Указом. Частичная мобилизация граждан РФ, особенно тех, кто занят трудовой и предпринимательской деятельностью потребовала скорейшего правового регулирования в виду отсутствия законодательного решения ряда вопросов, в частности, обеспечения соблюдения гарантий трудовых прав мобилизованных работников, сохранения стабильности их трудовых отношений, обеспечения прав работников, заключивших трудовые договоры с работодателями-индивидуальными

предпринимателями, мобилизованными на военную службу.

Одной из мер, обеспечивающей гарантии трудовых прав работников в 2022 году, является введение особых правил регулирования трудовых отношений мобилизованных работников, работников, заключивших служебный контракт и контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации².

Так, ТК РФ был дополнен новой статьей 351.7, устанавливающей особенности обеспечения трудовых прав работников, призванных на военную службу по мобилизации или поступивших на военную службу по контракту либо заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (далее – мобилизованные граждане, мобилизованные работники), а также иными гарантиями для

¹ Под мобилизацией в Российской Федерации понимается комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени (ст. 1 Федерального закона от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»).

²Федеральный закон от 07.10.2022 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6938.

мобилизованных граждан, среди которых выделим следующие:

-необходимость приостановления действия трудового договора на период призыва с особыми условиями возобновления трудовой деятельности;

-запрет на расторжение трудового договора по пункту 1 части первой статьи 83 ТК РФ для граждан, призванных на службу на основании Указом Президента РФ от 21.09.2022 № 647;

-дополнительные гарантии для членов семей мобилизованных работников;

-распространение положений данного закона на отношения, возникшие в период с 21.09.2022.

Рассмотрим каждую из этих гарантий подробнее.

Ранее трудовое законодательство не использовало такую общую правовую конструкцию реализации трудовых прав работника, как приостановление трудового договора, за исключением ситуаций по ч. 3 ст. 248.4 ТК РФ, когда допускалось приостановление действия первоначального трудового договора со спортсменом при его временном переводе к другому работодателю.

Исходя из указанных положений под приостановлением трудового договора понимается временное прекращение осуществления прав и обязанностей, установленных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, локальными нормативными актами, а также прав и обязанностей, вытекающих из условий коллективного договора, соглашений, трудового договора.

Обновленный ТК РФ раскрывает особенности приостановления трудового договора с мобилизованным работником и раскрывает следующие гарантии его трудовых прав: за работником сохраняется место работы; не позднее дня приостановления действия трудового договора работодатель обязан выплатить работнику заработную плату и причитающиеся ему выплаты в полном объеме за период работы, предшествующий приостановлению действия трудового договора; у работника сохраняются социально-трудовые гарантии, право на предоставление которых он получил до начала указанного периода (дополнительное страхование работника, негосударственное пенсионное обеспечение работника, улучшение социально-бытовых условий работника и членов его семьи); указанный период засчитывается в трудовой стаж работника, а также в стаж работы по специальности (за исключением случаев досрочного назначения страховой пенсии по старости); в течение 6 месяцев с момента возобновления работы работник имеет преимущественное право на использование отпуска.

В соответствии с ч. 8 ст. 351.7 ТК РФ действие трудового договора возобновляется в день выхода работника на работу. Работник обязан предупредить работодателя о своем выходе на работу не позднее чем за три рабочих дня. Считаю указанное уточнение достаточно прогрессивным, т.к. в иных ситуаци-

ях выхода на работу ранее отсутствующего работника (например, в случае выхода из отпуска по уходу за ребенком, закрытия листка нетрудоспособности), у последнего отсутствует обязанность предупредить о соответствующем выходе заранее. Подобная ситуация с точки зрения оформления срочных трудовых отношений не совсем удобна для работодателя, т.к. на основании абз. 2 ч. 1 ст. 59 ТК РФ, ч. 4 ст. 351.7 ТК РФ он имеет право заключить с другим работником срочный трудовой договор на время исполнения обязанностей отсутствующего работника по указанному месту работы (должности) и обязан такой трудовой договор расторгнуть в день выхода основного работника. Таким образом, в ситуации выхода мобилизованного работника для осуществления трудовых обязанностей после окончания военной службы отсутствует правовая неопределенность, связанная с датой увольнения работника по срочному трудовому договору.

Также особенностями обладает и процесс прекращения трудового договора с мобилизованным работником во время его службы и после ее окончания. Так, расторжение по инициативе работодателя трудового договора с работником в период приостановления действия трудового договора не допускается, за исключением случаев ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем, а также истечения в указанный период срока действия трудового договора, если он был заключен на определенный срок.

В случае, если работник не вышел на работу по истечении трех месяцев после окончания прохождения им военной службы по мобилизации или военной службы по контракту либо после окончания действия заключенного им контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, расторжение трудового договора с работником осуществляется по инициативе работодателя по основанию, предусмотренному пунктом 13.1 части первой статьи 81 настоящего Кодекса.

Законодатель также разрешил ситуацию невозможности для работодателя получения сведений об окончании работником прохождения военной службы. В связи с этим Федеральный орган исполнительной власти, с которым работник заключил соответствующий контракт, обязан информировать работодателя о дате окончания прохождения работником военной службы по контракту или о дате окончания действия заключенного работником контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.

До 07.10.2022³ в ТК РФ пункт 1 части первой статьи 83 ТК РФ существовал в редакции, в соответствии с которой было возможно расторжение трудового договора с работником в случае с призывом работника на военную службу или направление

³ Федеральный закон от 07.10.2022 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6938.

его на заменяющую ее альтернативную гражданскую службу. По указанному основанию формально можно было также уволить и работников, мобилизованных на основании Указа Президента РФ от 21.09.2022 № 647 или заключивших добровольно контракт о прохождении военной службы, т.к. иные положения ТК РФ в указанный период времени (в период с 21.09.2022 по 07.10.2022) отсутствовали, поэтому также следовало руководствоваться Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 сентября 2022 г. № 1677 «О внесении изменений в особенности правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2022 и 2023 годах», направленным на сохранение социально-трудовых гарантий граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации. В нем особо было отмечено, что в целях обеспечения социально-трудовых гарантий действие трудовых договоров и служебных контрактов, заключенных с гражданами Российской Федерации, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», приостанавливается. При этом прекращение указанных трудовых договоров и служебных контрактов по основаниям, предусмотренным пунктом 1 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части 1 статьи 39 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», не допускается.

Письмом Минтруда России от 27.09.2022 № 14-6/10/В-13042 «О сохранении рабочих мест для мобилизованных граждан» указанные положения также были разъяснены и дополнены. Так, для приостановления трудового договора работнику нужно принести повестку из военкомата о призыве на военную службу по мобилизации (либо предоставить работодателю копию повестки, если работник уже призван).

Дистанционные работники и работники, участвующие в электронном документообороте, направляют скан повестки работодателю в порядке документооборота, установленном в организации.

Если работник заключил трудовой договор и сейчас проходит испытательный срок, то в случае призыва по мобилизации с 21 сентября 2022 года его трудовой договор также будет приостановлен.

В случае, если работник уже получил уведомление о сокращении, но еще продолжает работать, то при получении повестки его трудовой договор также будет приостановлен. Срочный трудовой договор также приостанавливается.

Также отмечено, что, начиная с 21 сентября 2022 г., если работник, получил повестку и был уволен, необходимо издать приказ об отмене приказа об увольнении, направить сведения об этом в Пенсионный фонд Российской Федерации, сделать запись об от-

мене приказа об увольнении в трудовую книжку (если ведется на бумаге). После чего издать приказ о приостановлении трудового договора на основании повестки о призыве на военную службу по мобилизации.

При отказе работодателя отменить приказ об увольнении и издать приказ о приостановлении трудового договора работник (или его доверенное лицо) имеет право обратиться с жалобой на него в надзорные органы.

Таким образом, с целью сохранения трудовых прав работника указанные выше правовые положения должны быть применены «задним числом» - с 21.09.2022. Вместе с тем, в ряде источников отмечается, что работникам повестки в военкомат стали приходить, начиная с 20.09.2022, однако, в данной ситуации необходимо проводить различия между целями вручения повесток, в том числе, для явки в военкомат для уточнения данных, для прохождения медицинского осмотра, для прохождения призывной комиссии, для призыва на военную службу. Тем самым, увольнение работника по п. 1 части первой статьи 83 ТК РФ при получении указанных видов повесток или при получении повесток с целью мобилизации до издания Постановления Правительства Российской Федерации от 22 сентября 2022 г. № 1677, как и вручение повесток для целей мобилизации до издания Указа Президента РФ от 21.09.2022 № 647 является незаконным и может повлечь за собой признание приказа работодателя об увольнении незаконным.

Среди основных гарантий для членов семьи мобилизованных работников можно отметить следующие:

- сохраняются социально-трудовые гарантии, право на предоставление которых работник получил до призыва по мобилизации, а именно: дополнительное страхование, негосударственное пенсионное обеспечение работника, улучшение социально-бытовых условий работника и членов его семьи (ч.6 ст.351.7 ТК РФ);

- преимущественное право на оставление на рабочем месте при сокращении штата или численности при равной производительности труда и квалификации предпочтение в оставлении на работе имеет также второй родитель ребенка в возрасте до восемнадцати лет (ч. 2 ст. 179 ТК РФ);

- направление в служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни лиц (второго родителя), имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет, допускается только с их письменного согласия лиц и при условии, что это не запрещено им в соответствии с медицинским заключением (ч. 3 ст. 259 ТК РФ).

Обозначенные выше положения свидетельствуют о прямом влиянии политических процессов на развитие трудового законодательства в РФ, что вызвано необходимостью подстраивать оборонное производство под современные военные нужды, так и со-

хранить трудовые права граждан, призванных в порядке мобилизации для службы в Вооруженных силах РФ и участия в специальной военной операции. Вместе с тем, практика применения новых положений законодательства пока находится в стадии фор-

мирования, поэтому особенно важна в современных реалиях также официальная позиция государственных органов и разъяснения, оформленные Письмами Министерства труда и социальной защиты РФ и иных ведомств.

Рецензент: Черепанцева Ю.С., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ЧЕРЕПАНЦЕВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА

заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения,
доцент, кандидат юридических наук, Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул.
Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ КАК СТАНДАРТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

CHEREPANTSEVA YULIYA SERGEEVNA

head of the Department of labor law and social security law, associate Professor,
candidate of law, Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law
University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50,
orenburg@msal.ru

ETHICAL CODES AS STANDARDS FOR THE FORMATION OF LAWFUL BEHAVIOR OF MEDICAL WORKERS

Аннотация. В данной статье проведен анализ специфики этических кодексов как системы моральных стандартов и правил, соблюдение которых является обязательным для медицинских работников. Как особая сфера профессиональной деятельности, медицина основывается на этических нормах, критериях, правилах поведения, отступление от которых может привести к негативным последствиям.

Ключевые слова: мораль, нравственные ориентиры, принципы поведения, этические кодексы, медицина, профессиональная деятельность, врач, пациент.

Review. This article analyzes the specifics of ethical codes as a system of moral standards and rules, compliance with which is mandatory for medical professionals. As a special field of professional activity, medicine is based on ethical norms, criteria, rules of conduct, deviation from which can lead to negative consequences.

Keywords: morality, moral guidelines, principles of behavior, ethical codes, medicine, professional activity, doctor, patient.

Проблема соотношения правовых и моральных регуляторов поведения остается одной из наиболее актуальных. И это не случайно, ведь решение вопроса о достижении оптимального баланса между правом и моралью невозможно без четкого определения тех сфер, которые могут и должны быть регламентированы правом и той сферы, где право вынуждено уступить нормам общественной и индивидуальной морали.

Принципиальное отличие правового регулирования человеческих отношений от морального заключается в том, что последнее осуществляется на уровне индивидуального нравственного сознания и общественного мнения, а правовое регулирование реализуется через законы, правительственные постановления, иные нормативные правовые акты, а также судебные решения¹.

Многие исследователи отмечают, что характеризуя историческое развитие и осуществляемое взаимодействие правовых и моральных норм, обращает на себя внимание тот факт, что до сих пор оно в основном шло по пути поглощения моральных требо-

ваний (т.е. придания им юридической силы) и закрепления формально-юридических критериев их оценки². В связи с чем следует признать достаточно распространенной практику принятия таких документов, которые легализуют этические требования, переводят их в сферу права. Одним из таких документов является этический кодекс.

Кодекс (codex - лат. «книга») представляет собой свод правил и норм. В отличие от юридического кодекса (уголовного, административного, трудового, гражданского, семейного и т.п.), представляющего собой законодательные акты, содержащие правовые нормы, нарушение которых влечет соответствующую ответственность, этический кодекс реализует «моральные принципы и нормы, как преемственность ценностей, нравов и традиций российского общества, соответствие этических норм общенациональным интересам»³. Фактически, это свод норм, поведения и отношения, нарушение которых влечет потерю уважения, репутации, доверия к личности или социальным группам.

Принято считать, что первыми этическими кодек-

¹ Карпов О.Э., Хзаян Н.Ш. Медицина между правом и моралью // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова. 2009. Т. 4. № 1. С. 125.

² Цыбулевская О.И., Касаева Т.В. Профессиональные этические стандарты в правовом поле России // Право и современное государство. 2013. № 3. С. 31.

³ Цыбулевская О.И., Касаева Т.В. Профессиональные этические кодексы в российском обществе: правовое измерение // Вестник ПАГС. 2012. № 3. С. 112.

сами, представляющими собой набор общечеловеческих ценностей, были своды религиозных правил (десять заповедей Ветхого Завета: не убей, не укради, возлюби ближнего и т.д.). Со времен Хаммурапи и Моисея законодатели и исполнители исходили из того, что «легче поступать правильно, когда знаешь, что правильно» и были абсолютно правы. В результате кодифицированные нормы поведения стали повсеместно применяться для разъяснения того, что понимается под «приемлемым» и «желательным поведением». Поскольку четко сформулировать «что правильно» крайне сложно, то и кодексы этики склонны к «проповедничеству», расплывчатости, возвышенности, тем не менее, они значительно упрощают коммуникации и трудно переоценить их положительную роль⁴.

Указанные особенности свидетельствуют о присущих этическим кодексам специфических функциях. Мы согласны с высказываемой в научной литературе точкой зрения о трех функциях, которые, собственно, и выполняет этический кодекс⁵. К ним относят:

- репутационную функцию, заключающуюся в формировании доверия к профессиональному сообществу со стороны общества;
- управленческую функцию, состоящую в повышении эффективности деятельности путем указания на неприемлемые формы поведения;
- образовательную функцию, значение которой состоит в сохранении ценностей и базовых этических норм профессии в развитии нравственной культуры.

Медицина, в силу своей специфики, относится к такой сфере профессиональной деятельности, в которой осознание взаимной ответственности государства и личности предполагает не только исключительно правовые, но и духовные, нравственные отношения. Особая черта медицинской деятельности в том, что в повседневной деятельности врачей непременно следует учитывать их моральные качества. По сути, этический кодекс содержит в себе систему моральных принципов, руководствуясь которыми медицинский работник осуществляет свою профессиональную деятельность. Соблюдая их, он демонстрирует свой высокий моральный статус. Нарушение норм профессиональной этики может стать основанием для исключения врача из профессионального сообщества.

На международном уровне профессиональные этические требования в области медицины определены в Принципах медицинской этики, относящихся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных

лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания⁶.

Многие страны мира, такие, как Германия, Австрия, США, Франция, Италия, Испания, в своем национальном законодательстве о здравоохранении имеют, так называемые медицинские, или врачебные, кодексы. Их нормы регулируют отношения не только между медиками и их пациентами (их родственниками), но и охватывают профессиональные отношения медиков между собой, с администрацией учреждений здравоохранения и государственных органов. Особенностью этих кодексов является то, что помимо сугубо правовых, процедурных норм, они содержат правила, касающиеся морально-этических вопросов.

Например, Французский Кодекс профессиональной этики¹ относит медицину к некоммерческой деятельности, и врачу запрещаются любые прямые или косвенные действия рекламного характера. Врач не должен распространять информацию рекламного характера относительно себя, организаций, в которых он работает или с которыми сотрудничает. Кроме предусмотренных законом исключений медицинским работникам запрещается распространение в целях извлечения прибыли медицинских препаратов и других товаров. Врачу также запрещаются действия, дающие возможность пациенту получить необоснованные материальные льготы. Находясь на службе охраны здоровья людей, врач исполняет свои функции с уважением к человеческой жизни, к человеку и его достоинству. Уважение к человеку должно быть и после его смерти.

Продолжая характеризовать Французский кодекс, нельзя не отметить значительное количество закрепленных в нем обязанностей врача. И прежде всего то, что в любых условиях врач должен соблюдать обязательные для медицинской практики принципы морали, порядочности и преданности своей профессии.

Подчеркивается, что каждый врач обязан соблюдать установленную в интересах пациентов профессиональную врачебную тайну в соответствии с нормами законодательства.

Врачи выполняют свои профессиональные обязанности согласно совести, заповедям медицинской этики и человечности. Они не должны руководствоваться принципами, указаниями или распоряжениями, которые не согласуются с основными задачами или препятствуют их выполнению.

Врач обязан молчать о том, в чем ему, как врачу, доверился пациент: не распространяться о тайнах пациента даже в случае его смерти.

⁴ Гурьева М. Этический кодекс как основа профессиональной деятельности медицинского работника // Актуальные вопросы медицины и фармации. 2018. № 1. С. 6.

⁵ Аширбагина Н.Л. Кодекс этики как фактор развития корпоративной культуры // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2012. № 3(49). С. 70-71.

⁶ Приняты резолюцией 37/194 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1982 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/medical_ethics_principles.shtml (дата обращения: 30.11.2022).

¹ Официальный сайт Союза медицинского сообщества «Национальная Медицинская Палата». URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=7809> (дата обращения: 30.11.2022).

Среди запретов, которые также нашли свое отражение в этом Кодексе, следует выделить запрет на выполнение наряду с профессиональными обязанностями какой-либо другой деятельностью, если она не согласуется с этическими принципами медицинской профессии.

В Великобритании Руководство «Добросовестная медицинская практика» устанавливает принципы и ценности, которые показывают медицинский профессионализм в действии. Оно адресовано, прежде всего, медикам, но есть и еще одна не менее важная его цель - дать людям понять, что они могут ожидать от врача⁷.

В России также есть документ, в котором прописаны нормы поведения врачей. И даже не один. В настоящее время в данной области действуют Международный кодекс медицинской этики, Этический кодекс российского врача, Кодекс врачебной этики РФ, Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации, Этический кодекс медицинской сестры России⁸ и др. Однако следует иметь в виду, что данные акты, содержащие нормативные предписания нравственного и этического характера, были приняты негосударственными образованиями (в частности, в Российской Федерации подобные нормы разрабатываются общественными объединениями врачей и медицинских сестер), из чего следует невозможность признания положений данных актов нормами права. С правовой точки зрения, подобное положение существенно осложняет понимание правового статуса медицинского работника, т.к. именно в данных документах предусмотрены права и обязанности субъектов медицинской деятельности, связанные с оказанием медицинской помощи пациенту, добавляя к ним и юридическую обязанность по соблюдению этических требований при осуществлении медицинской деятельности.

Анализ Международного кодекса медицинской этики, принятого 3-й Генеральной Ассамблеей Всемирной Медицинской Ассоциации в 1949 году, показывает, что в нем можно выделить три вида обязанностей врача.

Прежде всего, так называемые, общие обязанности. Они включают в себя обязанность поддерживать наивысшие профессиональные стандарты; при принятии профессиональных решений следует исходить из соображений блага для пациента, а не из собственных материальных интересов; врач должен ставить во главу угла сострадание и уважение к человеческому достоинству пациента и полностью отвечать за все

аспекты медицинской помощи; врач должен быть честен с пациентом и коллегами. Он не имеет права покрывать коллег, обманывающих своих пациентов и др.

Другой вид обязанностей – это обязанности врача по отношению к больному. Среди них можно назвать обязанность использовать весь свой профессиональный потенциал с целью сохранения здоровья и жизни пациента; врач обязан хранить врачебную тайну даже после смерти больного; человеческим долгом врача признается оказание urgentной помощи.

Третий вид составляют обязанности врача по отношению к своим коллегам. Так, врач должен вести себя так, как он хотел бы, чтобы они вели себя по отношению к нему; не должен переманивать пациентов у своих коллег; обязан соблюдать принципы Женевской Декларации, одобренной Всемирной Медицинской Ассоциацией и др.

В 2012 году Президент Национальной медицинской палаты Леонид Рошаль предложил создать Кодекс профессиональной этики врача, ориентируясь на французский аналог подобного документа. Так появился Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации, принятый Первым национальным съездом врачей Российской Федерации в Москве 5 октября 2012 года (далее - Кодекс)⁹.

Главные вопросы, которые ставились перед Кодексом - внимание к пациентам и защита интересов врачей. Принципиально важно, что его положения обязательны для врачей, выполняющих свои профессиональные функции, а также для студентов высших медицинских учебных заведений, временно замещающих врача или ассистирующих врачу.

Закрепляя совокупность этических норм и принципов поведения врача при осуществлении профессиональной медицинской деятельности, Кодекс стал документом, определяющим нравственные ориентиры, призван способствовать консолидации, повышению престижа и авторитета профессии врача в обществе¹⁰.

Структурно Кодекс состоит из 4 разделов, объединяющих 53 статьи. Каждый раздел определяет совокупность однородных и взаимосвязанных обязанностей врача, которые проистекают из отношений врача и общества, врача и пациента, взаимоотношений с коллегами и осуществления научно-исследовательской деятельности. Важным, на наш взгляд, является статья 1, где обозначена цель врачебной деятельности и ее основы. Так, Кодекс провозглашает, что миссия врача состоит в охране здоровья и глубоком ува-

⁷ Официальный сайт Союза медицинского сообщества «Национальная Медицинская Палата». URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=12948> (дата обращения: 30.11.2022).

⁸ Международный кодекс медицинской этики: принят 3-й Генеральной Ассамблеей Всемирной Медицинской ассоциации, Лондон, в октябре 1949 года, дополнен 22-й Всемирной медицинской ассамблеей, Сидней, Австралия, в августе 1968 года и 35-й Всемирной медицинской ассамблеей, Венеция, Италия, в октябре 1983 года; Этический кодекс российского врача: утвержден 4-й конференцией Ассоциации врачей России (Москва, ноябрь 1994 года); Кодекс врачебной этики Российской Федерации: одобрен Всероссийским Пироговским съездом врачей 7 июня 1997 года; Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации: принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 5 октября 2012 года; Этический кодекс медицинской сестры России: принят Российской Ассоциацией медицинских сестер в 1997 году.

⁹ Официальный сайт Союза медицинского сообщества «Национальная Медицинская Палата». URL: <https://nacmedpalata.ru/files/userfiles/kodeksvrsharf.pdf> (дата обращения: 30.11.2022).

¹⁰ Этический кодекс медицинского работника. URL: <https://sertzdrav.ru/usloviya-dlya-medorganizaciy/eticheskij-kodeks/> (дата обращения: 30.11.2022).

жении личности и достоинства человека. Врачебная деятельность основана на высоких этических, моральных и деонтологических принципах. Эти требования остаются неизменными даже после смерти человека.

Следовательно, традиционные сферы моральной ответственности специалистов в сфере здравоохранения строятся исключительно на уважении человеческой жизни и достоинства человека.

По предложению Межрегиональной ассоциации медицинских сестер России был разработан Этический кодекс медицинской сестры России. Его первая редакция была принята на III Всероссийской конференции по сестринскому делу в июне 1996 года, рассмотрена Этическим комитетом России и одобрена Проблемной комиссией по сестринскому делу Управления учебными заведениями Министерства здравоохранения Российской Федерации в апреле 1997 года. Однако изменение общественных ценностей и взглядов на роль и место пациента в процессе оказания медицинской помощи, развитие сестринской практики, вызвали необходимость пересмотра и дополнения отдельных положений Этического кодекса. Новая редакция документа была принята в сентябре 2010 года¹¹.

Этический кодекс медицинской сестры дает четкие нравственные ориентиры их профессиональной деятельности, призван способствовать консолидации, повышению престижа и авторитета сестринской профессии в обществе, развитию сестринского дела в России.

Положения Кодекса следует рассматриваться во взаимосвязи с правовыми нормами, стандартами сестринской практики, клиническими рекомендациями и другими нормативными актами, регламентирующими эту сферу деятельности. При этом в вопросах этического регулирования исполнения профессиональных обязанностей, Кодекс имеет высший приоритет. Профессиональное сообщество медицинских сестер несет ответственность за соблюдение положений настоящего Кодекса перед пациентами, их семьями, социальными группами, обществом в целом и своими коллегами.

В Кодексе признается, что этической основой профессиональной деятельности медицинской сестры являются гуманность и милосердие. Принимая и разделяя общечеловеческие и общемедицинские этические ценности, профессиональный корпус медицинских сестер декларирует уникальность своей профессии и вытекающий из нее особый характер этических взаимоотношений с коллегами и пациентами. Важнейшими задачами профессиональной деятельности медицинской сестры являются: комплексный всесторонний уход за пациентами и облегчение их страданий; сохранение здоровья и реабилитация; содействие укреплению здоровья и профилактика заболеваний¹².

Учитывая, что Российская Федерация является

федеративным государством, принимая во внимание систему взаимоотношений между Федерацией и ее субъектами, нельзя не указать на возможность принятия этических кодексов на любом уровне государственного устройства. Это находит свое непосредственное выражение в возможности принятия кодексов профессиональной этики, действие которых распространяется на работников медицинских организаций, расположенных в территориальных границах соответствующего субъекта Российской Федерации.

Изучение регионального законодательства выявило наличие двойственной практики по вопросам создания этических кодексов. Так, часть регионов руководствуется общероссийскими кодексами, а часть разработала и приняла самостоятельные акты. Примером таких субъектов являются Ульяновская область, где приказом Министерства здравоохранения Ульяновской области от 19 июня 2012 года № 550 был утвержден Кодекс профессиональной этики медицинского работника Ульяновской области, Свердловская область, в которой приказом Министерства здравоохранения Свердловской области от 28 марта 2014 года № 412-п был утвержден Кодекс профессиональной этики медицинского работника Свердловской области. Аналогичные кодексы утверждены в городе Москва (Кодекс профессиональной этики работников медицинских организаций государственной системы здравоохранения города Москвы), Белгородской области (Кодекс профессиональной этики медицинского работника здравоохранения Белгородской области) и других областях.

Одновременно нельзя отметить такую особенность, свойственную современному периоду развития и существования этических кодексов. Она характеризуется тем, что фактически этические кодексы трансформировались в корпоративные. Обуславливается такая тенденция пониманием недостаточности при регулировании человеческих отношений обычных правовых норм в отдельных ситуациях. Именно стандарты могут значительно улучшить ситуацию. Результат мы можем увидеть в усилении имиджа организации, который стал важной составляющей маркетинговой деятельности, этические компании приобрели серьезные конкурентные преимущества на рынке. Корпоративная этика конкретизирует общие нравственные принципы применительно к особенностям той или иной деятельности, и деятельность врача здесь является одной из немаловажных сфер. В медицинских организациях кодексы постулируют согласованные и обязательные для всех цели, ценности, нормы и правила поведения, координируют поведение работников.

Примеров таких актов достаточно много. Так, Кодекс корпоративной этики ГБУЗ города Москвы «Городская Клиническая больница им. В.В. Виноградова Департамента здравоохранения города Москвы» определяя миссии и ценности холдинга им.

¹¹ Этический кодекс медицинской сестры России (принят «Ассоциацией медицинских сестер России» в 2010 году). URL: <https://base.garant.ru/72032018/> (дата обращения: 30.11.2022).

¹² URL: <https://medsestre.ru/wp-content/uploads/2020/05/jeticheskij-kodeks-medsestry.pdf> (дата обращения: 30.11.2022).

В.В. Виноградова среди основных ориентиров, которые помогают принимать верные решения в любых ситуациях, называет три параметра основных ценностей: «Все - для пациента», «Мы - команда», «Я - лидер». Например, определяя интересы пациента в качестве основных, в Кодексе закрепляется положение, что «вся наша деятельность построена вокруг и ради интересов пациента»; «Мы хотим радовать пациентов качеством наших услуг и нашим отношением»; «Мы честны друг с другом и нашими пациентами»¹³.

Во многих кодексах определяются правила по поддержанию и развитию корпоративной культуры. Так, в Этическом (корпоративном) кодексе МАУЗ Ордена Знака Почета Городской клинической больницы № 8 города Челябинска в Разделе VII «Поддержание и развитие корпоративной культуры» предусмотрено:

7.1. Должностные лица и работники МАУЗ ОЗП ГКБ № 8 должны вносить вклад в формирование, поддержание и развитие позитивной корпоративной культуры, соблюдая и понимая требования настоящего Кодекса и предупреждая его нарушение.

7.2. Должностные лица и работники МАУЗ ОЗП ГКБ № 8 должны формировать корпоративный дух и поддерживать соблюдение требований Кодекса собственным примером. Внешний вид и этика переговоров.

7.3. Должностные лица и работники МАУЗ ОЗП ГКБ № 8 должны строго придерживаться Медицинских нормативов (ГОСТ) и норм делового стиля в выборе одежды, обуви, прически в период исполнения своих служебных обязанностей.

7.4. В МАУЗ ОЗП ГКБ № 8 установлены требования к соблюдению определенной формы.

7.5. Медицинская этика требует от медицинского работника не только соблюдения правил личной гигиены, но и правил приличия. Одежда должна быть не только чистой, но и удобной для выполнения работы. Она не должна раздражать пациентов чрезмерной яркостью или вычурным покроем. Духи нужно употреблять в умеренном количестве. Скромность и умеренность в употреблении косметики и ношении различных украшений диктуются самим характером деятельности медицинского работника.

7.6. Умение должностных лиц и работников вести переговоры с другими работниками и деловыми партнерами, в том числе по телефону, способствует созданию благоприятного впечатления о МАУЗ ОЗП ГКБ № 8 в целом. Должностные лица и работники МАУЗ ОЗП ГКБ № 8 должны корректно и уважительно разговаривать во время ведения переговоров, в том числе телефонных. Деловые переговоры должны вестись в спокойном, вежливом тоне¹⁴.

В Кодексе корпоративной этики сотрудников

ГБУЗ Свердловской области «Научно-практический центр специализированных видов медицинской помощи «Уральский институт кардиологии» закрепляются следующие принципы медицинской этики и деонтологии:

- одинаково уважительное отношение к гражданам, обратившимся за консультацией в области охраны здоровья или медицинской помощью;

- уважительное отношение к своим коллегам, в т.ч. при обсуждении с пациентом назначений и действий (бездействий), которые были (не были) произведены по отношению к пациенту другими врачами (медицинскими работниками);

- практиковать внимательное, доброе, приносящее психологическую и иную пользу, уважительное отношение к пациентам, их родственникам, коллегам, независимо от ответной реакции;

- стремиться поступать смело и признавать свои ошибки;

- признавать, что нет ничего более важного, чем пациенты и коллеги;

- осознавать, что многие пациенты серьезно (буквально) относятся к словам врача;

- ни при каких условиях не предлагать пациенту или его родственникам прекращать лечение для достижения летального исхода¹⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что в отдельных кодексах прописываются негативные последствия, вызванные нарушениями закрепленных в них правил и требований. Так, в разделе 10 «Заключительные положения» Кодекса профессиональной медицинской и корпоративной этики ФГБУ «Национального медицинского исследовательского центра онкологии имени Н.Н. Блохина» Министерства здравоохранения России, указано, что несоблюдение работником одного или нескольких положений Кодекса, может привести к утрате положительной репутации и доверия со стороны организации, а также является основанием для сомнения в его лояльности к организации.

Нелояльное поведение, выражающееся в несоблюдении требований Кодекса, учитывается при проведении аттестации, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности, а также при наложении дисциплинарных взысканий.

Администрация организации оставляет за собой право при предоставлении характеристики или рекомендации в отношении работника отражать в них факты несоблюдения требований положений Кодекса¹⁶.

Приведенные примеры свидетельствуют, что современный этический кодекс медицинской организации – это свод корпоративных ценностей и поведенческих норм, которые определяют порядок взаи-

¹³ Официальный сайт ГБУЗ «ГКБ им. В.В. Виноградова ДМЗ». URL: <https://gkb64.ru/o-bolnitse/kodeks-etiki/> (дата обращения: 30.11.2022).

¹⁴ Официальный сайт ГАУЗ Ордена Знак Почета ГКБ № 8 г. Челябинск. URL: http://gkb8reg74.ru/wp-content/uploads/2018/10/atich_kodeck.pdf (дата обращения: 30.11.2022).

¹⁵ URL: http://cardio-burg.ru/images/docs/dopinfor/kodex_korp_etiki.pdf (дата обращения: 30.11.2022).

¹⁶ Официальный сайт ФГБУ «НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина» Минздрава России. URL: https://www.ronc.ru/upload/iblock/af6/Prikaz-_170-ot-19.06.2018-Kodeks-professionalnoy-meditsinskoy-i-korporativnoy-etiki.pdf (дата обращения: 30.11.2022).

модействия врачей и медицинского персонала в разных ситуациях, не прописанный в других нормативных документах (должностных инструкциях, трудовом договоре). Он является тонким регулятором поведения, с его помощью задаются определенные модели поведения, единые стандарты отношений и совместной деятельности, формируется социальная и моральная среда, более благоприятные для профессиональной деятельности.

Дискуссионным продолжает оставаться и вопрос о признании нарушения этических норм правонарушением. Ряд практикующих специалистов считают, что их неисполнение следует считать нарушением правовой нормы. В качестве аргумента используется клятва Гиппократова, которая сегодня отражена в статье 71 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в

Российской Федерации»¹⁷. Кроме того положения вышеназванных кодексов этики, закрепляющих права и обязанности медицинских работников, так же приравниваются к правовым нормам.

Другие же считают, что подобная интерпретация врачебной клятвы может иметь потенциально негативные последствия. Более того, появившись еще, по мнению многих историков, задолго до Гиппократова, она остается морально-этическим кодексом, а не правовым актом¹⁸. Именно поэтому следует понимать, что этические кодексы являются нормативными документами, но не могут быть признаны правовыми актами.

Таким образом, на примере медицинской сферы можно проследить, насколько большое влияние имеет этическое регулирование в формировании правомерного поведения медицинских работников.

Библиографический список

1. Аширбагина Н.Л. Кодекс этики как фактор развития корпоративной культуры // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2012. – № 2(2). – С.69-71.
2. Гурьева М. Этический кодекс как основа профессиональной деятельности медицинского работника // Актуальные вопросы медицины и фармации. – 2018. – № 1. – С. 6-9.
3. Карпов О.Э., Хзанян Н.Ш. Медицина между правом и моралью // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова. 2009. – Т.4. – № 1. – С. 125-127.
4. Цыбулевская О.И., Касаева Т.В. Профессиональные этические кодексы в российском обществе: правовое измерение // Вестник ПАГС. – 2012. – № 1 (30). – С. 112-117.
5. Цыбулевская О.И., Касаева Т.В. Профессиональные этические стандарты в правовом поле России // Право и современное государство. – 2013. – № 3. – С. 29-34.

Рецензент: Бербина О.П., доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

¹⁷ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁸ Этический кодекс врача с изменениями 2021 года. URL: <https://www.provrach.ru/article/16189-eticheskiy-kodeks-vracha-s-izmeneniyami-2021-goda-21-m07-06> (дата обращения: 30.11.2022).

**Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА
№ 4 (54) / 2022**

Подписано в печать 10.12.2022 г. Дата выхода в свет 22.12.2022 г.
Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Свободная цена.
Усл. печ. листов 14,0. Тираж 25. Заказ 31.

Адрес издателя: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50.

Отпечатано в ООО ИПК «Университет».
Адрес: 460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.

От редакции

В Трудах Оренбургского института (филиала) МГЮА (№ 3 (53)). – Оренбург, 2022. – 62 с. в оглавлении была допущена ошибка: вместо Летута А.А. К вопросу о сфере применения и основаниях деликтной ответственности следует читать Летута Т.В. К вопросу о сфере применения и основаниях деликтной ответственности.